

Copyrighted material

Рижский вагоностроительный завод выпускает секции электропоездов и усовершенствованные трамвайные вагоны. На снимке: готовые к отправке трамваи и секции электропоездов.

Фото Л. Михновского.

На первой странице обложки: Новые знакомые... (См. в номере «Новоселье»).

Фото И. Тункеля.

На последней странице обложки: В выходной день. Поселок Ясиня, Закарпатская область.

Фото Н. Козловского.

Copyrighted material

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

32-й год издания

№ 49 (1434) 5 ДЕКАБРЯ 1954

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Сегодня—День Конституции Союза Советских Социалистических Республик

НОВОСЕЛЬЕ

Золотисто-желтое здание, выросшее недавно в Первомайском районе столицы, трудно назвать домом. Скорее это городок с населением в пять тысяч жителей. Почти половина здания уже расцвечивается по вечерам светлыми квадратами окон, а у левого крыла поворачивается стрела крана: заканчивают строительство последних секций. В первом этаже откроются продовольственный магазин, ясли, детский сад, прачечная. Владельцы машин получат удобный гараж.

...очень правильная
эта
наша
советская власть.

Так заканчивал у Маяковского свой рассказ о вселении в новую квартиру литейщик Иван Козырев.

О том же говорили и рабочие «Серпа и молота», переехавшие в новый благоустроенный дом. Они справляли новоселье в канун Дня Конституции, и это было ярким выражением заботы Советского государства о трудовых людях.

...Ранним утром у подъезда остановились две автомашины.

В квартире Софьи Николаевны Якуниной. →

Бариновым на новоселье принесли подарки.

Управляющий домом назвал их первыми ласточками. Через некоторое время трехтонки, груженные домашней мебелью и вещами, стали въезжать во двор почти непрерывно. Сразу ожила широкая лестница, в пустовавших до сих пор комнатах радушно распахнули свежевыкрашенные двери.

Обычно новые жильцы знакомятся в день переезда. Здесь же почти все новоселы хорошо знали друг друга и раньше: в дом вселялись рабочие завода «Серп и молот». Лифты поднимали на этажи телевизоры, приемники, чемоданы. Медленно проплывали по лестнице буфеты, гардеробы, диваны. Ребятишки прежде всего заботились о своих ценностях — велосипедах, куклах, лыжах, книгах — и потом шли помогать взрослым.

В этот день у подъезда нередко останавливались и машины мебельных магазинов: в новую квартиру — новую обстановку.

Немало вкуса проявила Софья Николаевна Якунина, жена работника заводоуправления, придавая уютный вид своим комнатам. Здесь можно и отдохнуть после работы и позаниматься, не мешая друг другу.

Ольга Николаевна Бондарева начала хозяйничать.

Педагог Ольга Николаевна Бондарева довольна строителями. Быстро идет дело, когда посуду можно вымыть горячей водой прямо под краном, мусор спустить в мусоропровод, а провизию убрать в шкаф-холодильник, устроенный в стене.

Вдруг выяснилось, что в доме живет человек без прописки. Ему всего несколько дней от роду. Самому маленькому жителю выделили самое светлое место в квартире раздатчика инструментов Ивана Алексеевича Начатова. Над запеленутым малышом хлопотала мать — Алла Ивановна, а скупое осеннее солнце забавляло младенца ласковыми лучами. За такую коротенькую жизнь произошло уже несколько событий: малыш переехал в новую квартиру, его назвали Виктором, а затем записали в домовый список.

Быстро завязываются новые знакомства у ребят, — у них всегда много общего. Три девочки примерно одного возраста остановились на лестничной площадке.

— Это вы привезли такую пушистую кошку?

— Мы. Только это не кошка, а Барсик.

— И у нас давно был бы такой, — вздыхает собеседница, — но дедушка кошек не любит.

— А лифт к вам ходит?

— Ходит. Только мы на втором этаже живем и поэтому поднимаемся пешком.

— А мы на одиннадцатом. Прокатимся к нам!

Разговор прерывает появившаяся откуда-то малышка с коляской, в которую запряжен петух.

— А ты что за девочка?

— Меня зовут Любой.

Это новое знакомство запечатлено на обложке «Огонька».

У владельцев телевизоров отпала одна существенная обязанность — забота об антенне. Пожалуй, если бы каждый установил собственную антенну, не хватило бы крыши. Поэтому здесь высится несколько мощных антенн, каждая из которых обслуживает много десятков телевизоров. Теперь можно подключиться в коридоре к «телетрансляции», и экран засветится.

Иван Иванович Баринов праздновал в этот вечер новоселье. В квартире все было готово к приему гостей. Еще днем хозяйка начала накрывать на стол, а старший вальцовщик с помощью двух сыновей старался придать паркету зеркальный блеск. Не раз потом поднимался лифт на последний этаж, подвозя все новых и новых гостей.

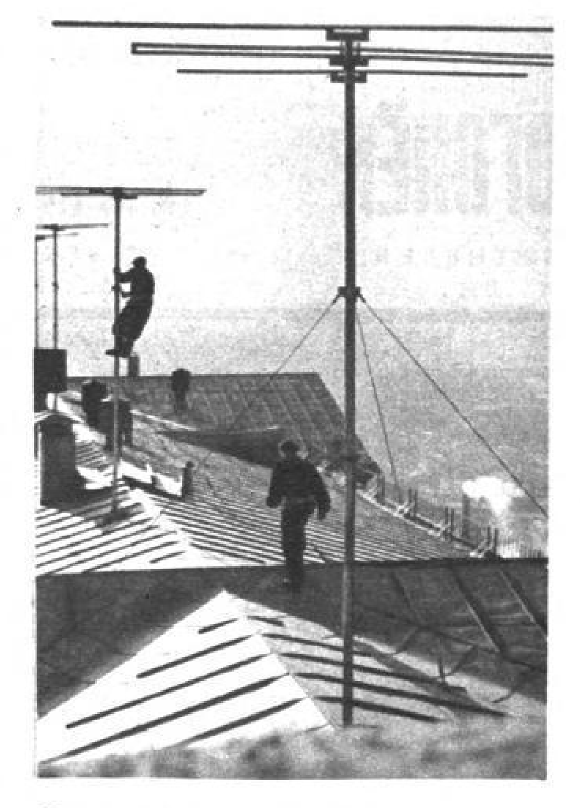
— Принимай сначала подарки, а потом хвались квартирой,— говорят хозяину с порога.

Нет единого мнения, что́ следует дарить новоселам, но главное — все подарки были от чистого сердца.

Не только у Ивана Ивановича праздновали в этот вечер новоселье. Собралась повеселиться молодежь и в квартире вырубщика Алексея Григорьевича Ерохина.

В этом доме уже и свадьбу успели сыграть. Федор Макарович Дунаев принимал в свою семью зятем отличного прокатчика Николая Ивановича Храброва. Шесть членов семьи Дунаевых трудятся на заводе. В их лице представлены специальности канавщика, вальцовщика, оператора, механика, приемщицы — все это уважаемые и почетные люди завода. Нет еще профессии только у внука Федора Макаровича — четырехлетнего Леши. Но у него и сомнений нет, что со временем он будет варить сталь на том же «Серпе и молоте».

Е. ВЕЛТИСТОВ
Фото И. ТУНКЕЛЯ.

На крыше установили несколько мощных антенн.

Собралась повеселиться молодежь у А. Г. Ерохина.

Copyrighted material

На животноводческой ферме колхоза имени Т. Г. Шевченко.

Рассказ об одной цифре

Александр МИХАЛЕВИЧ

Фото К. Лишко.

В этом письме с Украины я хочу рассказать читателям «Огонька» о большом успехе колхозников Винницкого района, об успехе, который коротко может быть выражен одной цифрой: «3 021».

Три тысячи двадцать один килограмм молока получен от каждой коровы в среднем по всему Винницкому району, получен за год: с 1 октября 1953 года по 1 октября 1954 года.

Причем речь идет о районе, где насчитывается двадцать восемь колхозов, и все эти двадцать восемь колхозов достигли показателей, дающих им право участвовать на Всесоюзной сельскохозяйственной выставке 1955 года.

* * *

...В небольшом кабинете первого секретаря Винницкого райкома партии Маркиана Сергеевича Слободянюка несколько посетителей. Пока Маркиан Сергеевич молча слушает собеседников, я перебираю в памяти прежние свои наблюдения и стараюсь отдать себе отчет: чем он побеждает?

Можно расти на работе, поднимаясь со ступени на ступень, и можно, оставаясь на одном посту, находить в работе все новые стороны, добиваться результатов, все более богатых, способных помочь многим и многим. Мне кажется, так растет Маркиан Сергеевич Слободянюк. Не пустил он в свою душу чиновника, больше всего боится застыть, остановиться в движении, оторваться от людей...

Глубоко ощутив силу, красоту колхозной организованности еще до войны, когда ему, вновь избранному секретарю райкома партии, вместе с другими винничскими коммунистами удалось поставить на ноги тогда очень запущенный пригородный Винницкий район, Слободянюк неизменно черпает высшее удовлетворение в каждой победе массового патриотического соревнования.

Хотите глубже понять эту сегодняшнюю цифру «3 021»? Может быть, какое-то начало ее восходит к тому памятному году войны, когда освобожденные от врага колхозные села Винницкого района одними из первых собрали у себя средства на постройку пяти самолетов для родной армии. Начав поход за высокие урожаи, колхозники этого района первыми добились успеха в подъеме зяби, и это тоже был какой-то исток сегодняшнего знаменательного успеха. В 1947 году многих обрадовало то, что колхозы Винницкого района подняли урожай сахарной свеклы в среднем до двухсот семидесяти центнеров с гектара на всей площади. А иные из соседей и ста центнеров свеклы с гектара не накапывали... Значит, вот в какой школе вызревала и готовилась нынешняя цифра.

Школа была, и истоки были, и все же, чтобы круто поднять продуктивность всех молочных ферм района, прежде всего от руководителей, от организаторов потребовалось новое умение, новый размах в работе.

Ведь сколько различных граней, разных слагаемых есть у этой цифры!.. Чтобы много было молока, нужны кадры, знающие, любящие животноводство. Нужны помещения, нужен хороший скот. Нужны оборудование и механизмы на фермах... И нужны корма, все больше и больше кормов — отлично налаженное кормопроизводство.

* * *

Когда был взят новый рубеж в соревновании и стала отчетливо ясна цифра «3 021», секретарь райкома М. С. Слободянюк испытал некоторое затруднение. Хотелось поздравить с радостным итогом и пожать руки многим и многим дояркам, заведующим фермами, председателям колхозов — всем, кто боролся, кто вкладывал душу в это непростое дело, в дело укрепления и подъема колхозных ферм.

«Кушниру позвонить? — подумал Слободянюк, прежде всего вспомнив о председателе колхоза из Ивановки, который вот уже двадцать семь лет умело ведет одно из лучших хозяйств района. — Или Надкерничному? А может быть, Барчуку? Разве не эти председатели колхозов — бывшие фронтовики — гвардии рядовой Петр Назарович Кушнир, офицеры Антон Петрович Барчук и Илья Антонович Надкерничный — вот уже много лет подряд задают тон в межколхозном соревновании?»

Но уже прочно стали рядом с этими именами новые имена, которые никак не обойдешь... Больший-то надой в Стаднице — сверх четырех тысяч по всему колхозу, а председателем там Вдовенко — молодой, скромный специалист, окончивший техникум. Вот к кому надо ехать с поздравлением!

Секретарь Винницкого райкома КП Украины М. С. Слободянюк (справа) и председатель исполкома районного совета И. А. Бондарчук.

Copyrighted material

Но какой прирост удоев за год в Стаднице? Что-то килограммов пятьдесят. А есть и такие, кто, догоняя передовиков, за год и всю тысячу к прежним цифрам добавил. Вот что дорого! Это в Хижницах сделали, в «Червонном борце», который раньше район вниз тянул. Нину Седлер, зоотехника в Хижницах, поздравить надо: от ее труда пошло много перемен. Помнит секретарь, как пришла она после учебы советоваться насчет работы и такое условие поставила:

— Только пошлите меня в отстающий колхоз!

Интересное требование! Впрочем, не только она этот стиль усвоила. У Кушнира сын подрос, трехлетнюю школу по подготовке председателей колхозов окончил. Подумывает отец, чтобы сменил его наследник, а тот уклоняется:

— Мне лучше пока агрономом поработать, а если уж принимать колхоз, то не такой, где отец все до ума довел, а потрудней!

Может быть, потому и дела идут в районе лучше, что не боится народ трудной работы? И вдруг Маркиан Сергеевич решил, к кому надо ехать с первым поздравлением по поводу трех тысяч. К Александре Островской: от нее ведь, от доярки с двадцатилетним стажем, пошла первая искра соревнования животноводов в районе. Как упорно они раздували эту искру! Еще в 1950 году на весь район Александра Островская была единственной дояркой, сумевшей получить от каждой коровы три тысячи килограммов молока. В 1952 году таких доярок было уже пятьдесят... А теперь? Теперь, пожалуй, легче перечислить тех немногих, кто по небольшому стажу работы или по другим причинам еще не добрался до трех тысяч. А у Александры Островской, у Агриппины Илик, у Ксении Поповой надой на одну корову теперь выше пяти тысяч.

Душевно встретила Островская секретаря райкома. В хате собрались брат Александры, его жена, тоже работающие на ферме, племянники, бабушка.

Островская носилась по комнате и певуче приговаривала:

— У меня такая радость, такая радость! Я и не ожидала...

— Ты ведь была наша первая трехтысячница,— поздравляя Островскую, напомнил Слободянюк.

— Ну, а вы теперь, наверное, первый секретарь-трехтысячник?— сверкнув глазами, бойко ответила Александра Островская.

* * *

...Маркиан Сергеевич, закончив беседу с посетителями, говорит:

«Вот за опытом начали к нам в район из разных областей ездить. Дело, конечно, нужное, но смотря какой опыт искать приезжают. Недавно вот и не хотели обидеть мы одну делегацию, а, чувствую, обидели... В составе этой делегации было несколько председателей колхозов — люди на вид солидные, некоторые с наградами. Но перед тем, как рассказывать о своем опыте, стал я у них кое-что спрашивать. Сначала одного председателя, потом другого, третьего: расскажите, люди добрые, а что вы даете за день своим коровам, как кормите их?

— Даем,— отвечают,— по возможности...

— Ну, а все же? Дерть, например, даете?

— Дерти у нас маловато.

— А кормовую свеклу? А морковь?

— С кормовой свеклой у нас туговато... А морковью не занимались.

— Может быть, на картофель не скупитесь?

— Картофеля у нас нехватка...

— Что же вы даете своим коровам, что вы для них вырастили?

— Солому даем, килограммов аж по восемь, а то и по десять в день. Да еще сена приходится килограмма по два...

Так отвечают мне и даже не краснеют. Я тогда не выдержал и говорю:

— Зачем же вы, любезные, к нам приезжаете? Коров ведь не опытом, а свеклой, дертью, силосом кормить надо! Может быть, вы такой опыт ищете, чтобы и коров не кормить и молоко получать? Тогда не по адресу заехали! У нас доярка Агриппина Илик иногда и на двенадцать блюд для любимых коров не скупится... А обычный рацион — это дать за день корове кормовой свеклы килограммов не меньше десяти, да еще лучше не одной кормовой, а в смеси с сахарной. Дать картофеля килограммов пять или больше, дать жому, измельченной кукурузы восемь — десять килограммов, дать клеверного сена килограммов пять, дать зеленой гички... Тогда, даже если по условиям года вы не в силах будете выделить на корм полной нормы концентратов, корова вас не обидит и в осенние сутки килограммов восемь — двенадцать молока обязательно даст...»

* * *

Своего единомышленника в делах животноводческих, председателя исполкома райсовета Ивана Афанасьевича Бондарчука, секретарь райкома называет с уважением «наш академик», хотя голубоглазый Бондарчук еще не далеко ушел от комсомольского возраста. В годы войны был он секретарем подпольной комсомольской организации, участвовал в боевых партизанских операциях. Учился потом сравнительно мало, но жадно: два года в партийной школе, а затем, уже будучи на партийной работе в Винницком районе, заочно окончил педагогический институт.

Но, может быть, потому называют Бондарчука «академиком», что понимает он цену истинному знанию, неутомим в завязывании новых и новых связей с различными научными институтами и всегда держит в памяти необыкновенное количество данных о тех резервах, которые таит в себе такая сложная и интересная отрасль сельского хозяйства, как животноводство.

Надо сказать, что Ивана Афанасьевича Бондарчука председателем райисполкома избрали сравнительно недавно — во время, как говорят здесь, только что законченного «перехода» от двухтысячных удоев к трехтысячным,— и в этом есть своя логика, логика движения вперед, логика борьбы за новое, за передовое... До этого председателем исполкома районного совета был Лавриненко. Депутаты райсовета вынуждены были лишить его своего доверия, коль скоро убедились, что с Лавриненко три тысячи килограммов молока никогда не получишь, как и не двинешь круто на подъем другие отрасли хозяйства и культурное строительство в районе. Заботам и волнениям истинного борца за новое Лавриненко предпочитал мир со всем косным, отсталым в районе. А из всех строек на селе, как оказалось, его больше всего беспокоило сооружение... собственных домов.

Насколько убог был в этом своем мещанском себялюбии Лавриненко, особенно понимаешь, когда присматриваешься к делам его нынешнего преемника. По-юношески запальчиво и в то же время очень деловито, с какой-то глубочайшей увлеченностью Бондарчук рассказывает нам:

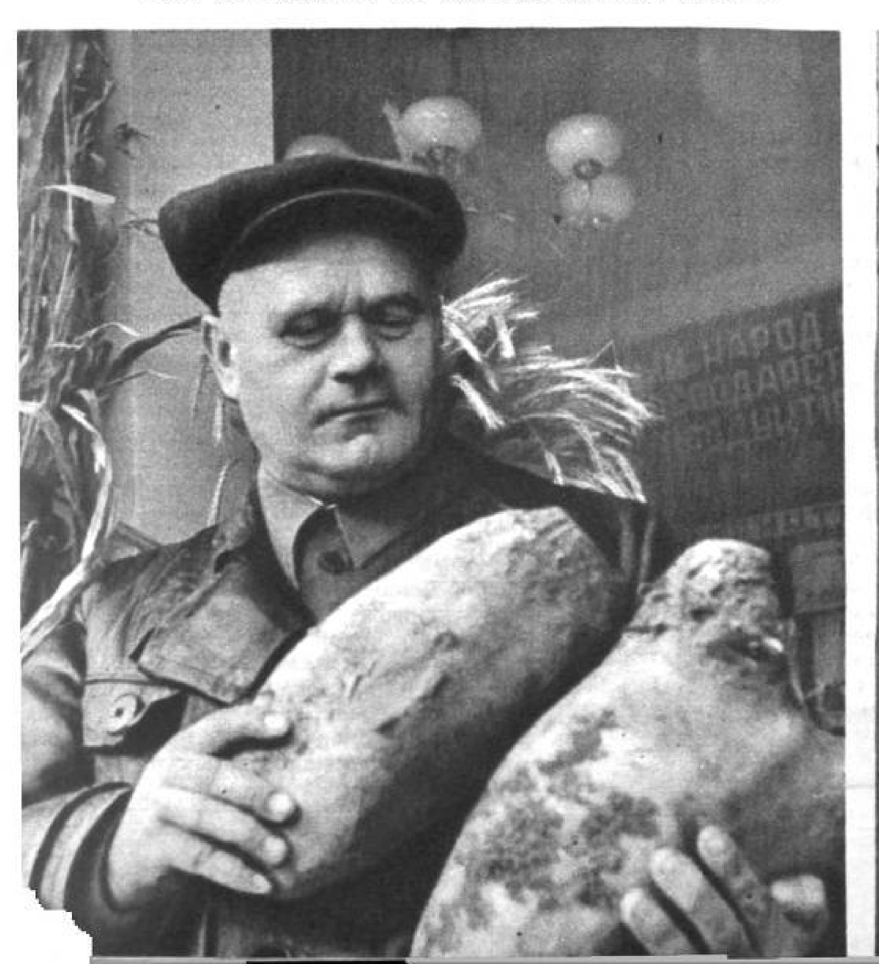
— Разве теперь удивишь кого-нибудь отдельными передовиками? Нет, время единичных рекордов прошло... Вот у наших соседей, в Ильинцах, есть замечательная доярка, Мотря Плахотнюк. У нее удой на корову — более семи тысяч килограммов. А по району надои почти в два раза меньше нашего: всего лишь 1 523 килограмма на корову. С одной дояркой-рекордисткой легче работать, чем с тремястами доярками... А люди-то выросли; каждая доярка может раскрыть свой талант по-новому, каждая ждет, чтобы и ей создали условия, и хочет проявить себя во всю силу.

— Какие же это условия? — спрашиваем Бондарчука.

— Да возьмите тот же зеленый конвейер... Интересно, есть ли

«Молоко у коровы на языке»,— говорят в народе. Вот что выращивают для колхозных коров в Винницком районе:

Бригадир колхоза имени С. М. Кирова Иван Фурса собрал с гектара по 602 центнера кормовой свеклы.

В колхозе имени В. И. Ленина. Варвара Примак засыпает в силосорезку клубни картофеля.

где-нибудь зеленый конвейер богаче нашего? Только так, чтобы не по одному колхозу, а опять же по всему району брать!.. Мы ведь после сентябрьского Пленума ЦК КПСС твердо у себя договорились: каждый свой шаг лучшими достижениями всей страны проверять. Раньше у нас не было в зеленом конвейере достаточно кукурузы разных сроков посева. А теперь мы собрали лучшие сорта этой культуры: из Днепропетровска, от Марка Озерного,— раз, из Котовска — два, из Харькова — три, из Закарпатья — четыре... Зимой целые колонны, в двадцать колхозных машин, завозили из Днепропетровской области заготовленные семена... За один год в десять раз увеличили мы посевные площади под кукурузу на зеленый корм, сеяли в четыре срока и действительно вдоволь имели драгоценных кормов. Семена суданки нашли в Полтавской области. Заняли под суданку до двух тысяч гектаров, брали до трех укосов и теперь собственными семенами суданки можем с другими поделиться. Озимая вика, пайза, сорго, кабачки прочно заняли свое место в зеленом конвейере. А кормовую капусту, которая хорошо закрывает осеннее «окно» в конвейере и не боится октябрьских заморозков, знаете, где раздобывали? В Великих Луках! Но теперь и эта культура стала винницкой!

Слушаешь Бондарчука и невольно думаешь: каким творческим делом может и должно быть всюду производство кормов! Вот как рассказывает Иван Афанасьевич о силосе:

— Раньше какой у нас был силос? Силосовали гичку от свеклы, дикорастущие травы... И все. Победному. Теперь иной раз, как вот металлургу, что глядит через цветное стеклышко в печь и ему хочется увидеть, как поспевает, становится сизой сталь, так и мне хочется заглянуть внутрь силосных башен и ям, что разбросаны по району, чтобы убедиться, как поспевает наш вкусный силос. Мы впервые в этом году силосуем

Доярка колхоза имени В. М. Молотова Агриппина Илик сдает молоко зоотехнику Лидии Бабенко. В центре — заведующий фермой М. Ванжула.

В колхозе имени И. В. Сталина силосуют турнепс.

кукурузу, много кукурузы... Силосуем картофельную ботву вместе с суданкой и пайзой. Для молодняка, свиней, птицы силосуем зеленую рожь, пшеницу вместе с многолетними травами... Картофель никогда раньше не силосовали, а теперь силосуем. Еще подсолнечник пожнивной... Пробуем и так: кормовую капусту силосовать в смеси с отходами полеводства, с гречневой половой. А бодылья кукурузы — с жомом. Разве не отличный будет силосный корм? Будет после этого у нас зимой молоко? Будет столько же, сколько и летом.

Бондарчука внимательно, одобряюще слушает и секретарь райкома. И, желая еще полнее передать коллективный опыт винницкой районной партийной организации, Маркиан Сергеевич добавляет:

— Раньше и нам подчас казалось, что есть какие-то пределы кормовых ресурсов. Ведь у нас на весь район лугов и пастбищ всего тысячи три гектаров. Но когда мы послали в кормовые бригады коммунистов, комсомольцев, подняли народ на борьбу за использование каждого клочка земли, когда стали пускать в дело любой «клаптик» у дорог, у зданий, всякие неудобные балочки, склоны, когда применили пожнивные, уплотненные посевы и выдали кормовикам первый раз дополнительную оплату молоком, так же, как дояркам, повернули машинно-тракторные станции, что называется, «лицом к кормам, к фермам»,— все «пределы» полетели долой, резервы кормов открылись колоссальные! Никогда раньше кормовая свекла не давала у нас на круг урожая выше, чем сахарная, хотя по биологии своей может и должна давать больше. Зато в этом году впервые по урожайности кормовая свекла обогнала сахарную. Бригадир-кормовик Иван Фурса на Мизякинских Хуторах со всей площади собрал по шестьсот два центнера кормовой свеклы с гектара. Это уже залог следующего шага — новой добавки молока, сверх трех тысяч килограммов!

* * *

А о следующем шаге крепко думают в Виннице.

Во время беседы в райкоме узнаю, что собирается здесь в ближайший час какое-то совещание, и вижу, что не очень-то хочет Маркиан Сергеевич, чтобы я присутствовал на нем.

— Это такое... черновое совещание. Кое-какие текущие дела... Мало интересного.

Но именно этот, как будто текущий, будничный и неинтересный разговор с председателями колхозов, зоотехниками и партийными организаторами на фермах очень красноречиво показал, как бдительно стоят в Виннице на страже своего успеха, как энергично закрепляют его.

Прошел октябрь — первый месяц нового года в животноводстве. Дал он в общем новое увеличение удоев — по району надоено на корову 223 килограмма — на 38 килограммов молока больше против прошлогоднего октября. Кажется, нет оснований для тревоги. Но нашлось среди 28 колхозов района 5 таких, которые не прибавили, а немного снизили удой: на три, на пять, на десять килограммов.

И вот уже с провинившихся спрашивают на миру, с пристрастием, без всяких скидок на прошлые успехи и заслуги.

Приглашают на трибуну председателя колхоза имени Шевченко, занявшего по годовым итогам второе место в районе. Выходит уважаемый всеми человек, Герой Социалистического Труда И. А. Надкерничный... Он должен сказать, почему споткнулся колхоз, почему подводит район в соревновании, почему недодал десяти килограммов... Дружеская, меткая ирония разит больнее грубого упрека.

— Расскажи, товарищ Надкерничный, как «добился» этого? — слышится из зала.

— Не скрывай «опыта»...

И краснеет и бледнеет Надкерничный, но правду обнажает. На одной из ферм зазнался и «забаловал» заведующий: начал распивать «магарычи» с доярками по случаю получения ими дополнительной оплаты... На другой — был случай, когда сорвалась четвертая, вечерняя, дойка — несколько доярок раньше ушли домой, а бригадир не был вечером на ферме: сын к нему на побывку приехал. Но все это будет быстро исправлено.

Конечно, можно верить И. А. Надкерничному, тем более, что вскрытые на фермах недостатки уже обсуждались на партийном собрании в колхозе, а любитель «магарычей» отстранен правлением от работы.

Но все же закипает Маркиан Сергеевич Слободянюк.

— Нас в дрожь должно бросать от одной мысли о возможности застоя в нашей работе,— резко и страстно говорит он.— «Сын на побывку приехал...» Не в сыне дело, а в батьке! Какой хороший сын оправдает отца, нарушившего колхозную дисциплину?.. Добились трех тысяч? Можем, обязаны добиться и трех с половиной! Нельзя терять ни одного дня для нового подъема. В Широкой Гребле к прошлогодним показателям удоев за месяц уже добавили больше ста килограммов молока. В Пятничанах за откорм свиней берутся с таким же огоньком, как брались за повышение удоев. Вот наши возможности! Вот на кого будем равняться!

...Винницкий район пригородный, непосредственно примыкающий к областному центру.

Что может помешать киевлянам, харьковчанам, днепропетровцам, ровенцам и всем другим районам и областям Украины, а также братским республикам перенять этот замечательный опыт?..

Copyrighted material

СОВЕЩАНИЕ ЕВРОПЕЙСКИХ СТРАН ПО ОБЕС

29 ноября 1954 года в 3 часа дня в Москве в особняке Министерства Иностранных Дел СССР на улице А. Толстого открылось Совещание европейских стран по обеспечению мира и безопасности в Европе.

В Совещании участвуют Делегации Советского Союза, Польской Народной Республики, Чехословацкой Республики, Германской Демократической

Слева вверху: В кулуарах Совещания. Глава польской делегации председатель Совета Министров Польской Народной Республики Юзеф Циранкевич (в центре) и заместитель министра иностранных дел Польской Народной Республики Мариан Нашковский беседуют с заместителем министра иностранных дел СССР В. А. Зориным (справа).

Слева внизу: Во время перерыва встретились посол Венгерской Народной Республики в СССР Ференц Мюнних, представитель Китай-

Copyrighted Material

ПЕЧЕНИЮ МИРА И БЕЗОПАСНОСТИ В ЕВРОПЕ

Республики, Венгерской Народной Республики, Румынской Народной Республики, Народной Республики Болгарии и Народной Республики Албании. В Совещании принимает участие также представитель Китайской Народной Республики в качестве наблюдателя.

На снимке: в зале Совещания.

Фото Дм. Бальтерманца.

ской Народной Республики Чжан Вэнь-тянь и министр иностранных дел Венгрии Янош Болдоцки.

Справа: Глава делегации Германской Демократической Республики премьер-министр ГДР Отто Гротеволь и заместитель премьер-министра ГДР Вальтер Ульбрихт.

Внизу: Вячеслав Михайлович Молотов и премьер-министр Чехословацкой Республики Вильям Широкий.

На пресс-конференции в Доме журналистов. Внизу: корреспонденты, выслушав сообщение о заявлении В. М. Молотова, спешат на телеграф.

Фото О. КНОРРИНГА.

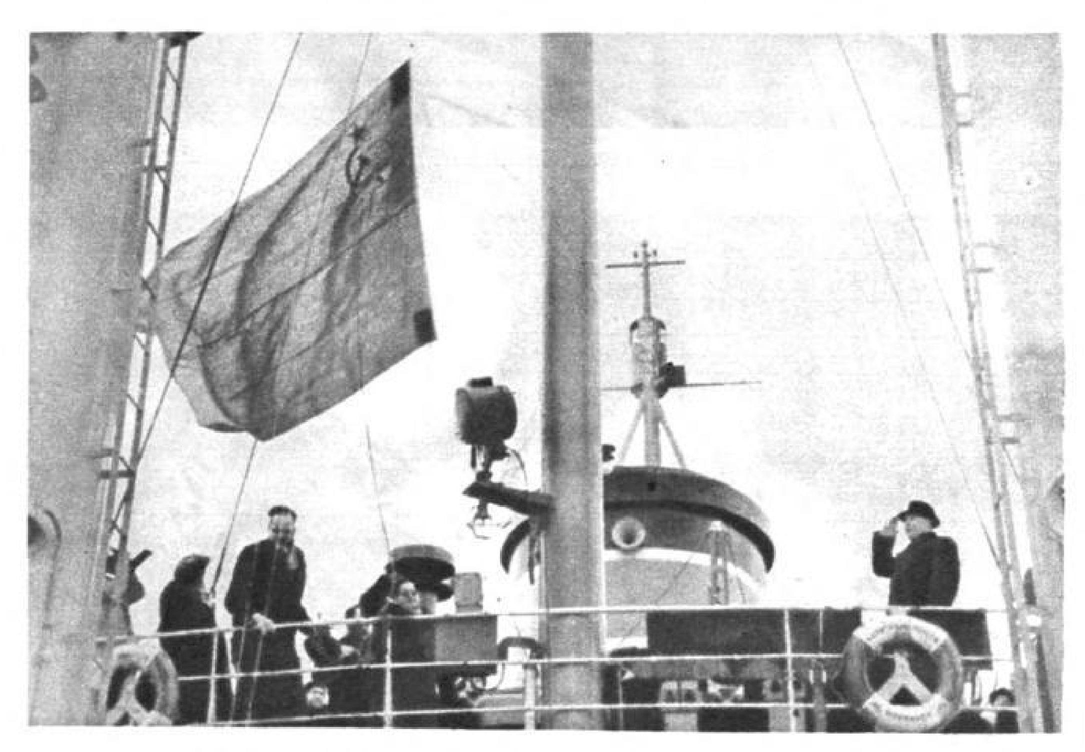

Copyrighted material

ПРЕБЫВАНИЕ тов. А. И. МИКОЯНА В ФИНЛЯНДИИ

Премьер-министр Финляндии У. Кекконен (крайний слева) приветствует А. И. Микояна.

На ледоколе «Капитан Белоусов» поднимают советский флаг.

Ледокол «Капитан Воронин» спущен на воду.

С утра 27 ноября территория финской верфи «Хиеталахти», строящей заказанные Советским Союзом ледоколы, начала заполняться народом. Сюда прибыли заместитель Председателя Совета Министров СССР А. И. Микоян и сопровождающие его лица, приехавшие в Финляндию по приглашению правительства Финляндии. В торжественной церемонии спуска на воду ледокола «Капитан Воронин» приняли участие премьер-министр Финляндии У. Кекконен, члены финляндского правительства и представители общественности.

Едва «Капитан Воронин» сошел со стапеля, как здесь же был заложен новый ледокол, «Капитан Мелехов».

После окончания церемонии спуска на воду одного ледокола и закладки другого А. И. Микоян и сопровождающие его лица поднялись на борт ледокола «Капитан Белоусов» — первого из трех ледоколов, строящихся в Финляндии по заказу Советского Союза. Ледокол тут же вышел в море, и во время похода на нем состоялась церемония подъема государственного флага СССР.

С. СМИРНОВ

Хельсинки.

Новый прокатный стан

Станки обступили деталь. Сложные расточные и строгальные станки, переносные сверлильные машины обрабатывают огромную станину весом до девяноста тонн... В цехе тяжелых узлов Уралмашзавода изготавливается оборудование для нового стана непрерывной холодной прокатки белой жести.

Главный конструктор завода лауреат Сталинской премии Б. Г. Павлов рассказывает:

— Крупнейший в Союзе прокатный стан, состоящий из пяти клетей, будет установлен в новом цехе Магнитогорского металлургического комбината. Это — сооружение с тысячами сложных деталей весом от нескольких граммов до многих десятков тонн. Общий вес всего оборудования превысит девять тысяч тонн.

Предусмотрена весьма высокая скорость проката: металл будет выходить из стана с быстротой курьерского поезда. Из тонкой жести, выпущенной станом в течение года, можно сделать около двух миллиардов консервных банок.

Контроль во время проката будет осуществляться с помощью лучевых электронных микрометров. При малейшем изменении толщины жести луч, посланный микрометром на прокатываемый лист, автоматически регулирует нажимное устройство рабочей клети.

В стране выпускается все больше консервов различных видов. Все больше требуется и «тары» для них — консервных банок. Работники завода стремятся как можно быстрее выполнить почетный заказ. В Магнитогорск уже отправлены две клети нового прокатного стана. Каждая из них высотой с трехэтажный дом. Для перевозки одной клети потребовалось двадцать два вагона.

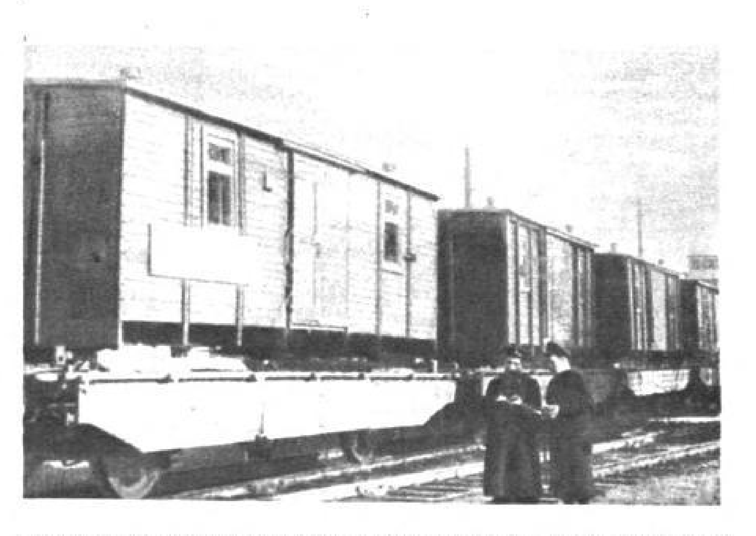
А. ГРИГОРЬЕВ

Полным ходом идет обработка станин.

Фото А. Грахова.

Передвижные общежития

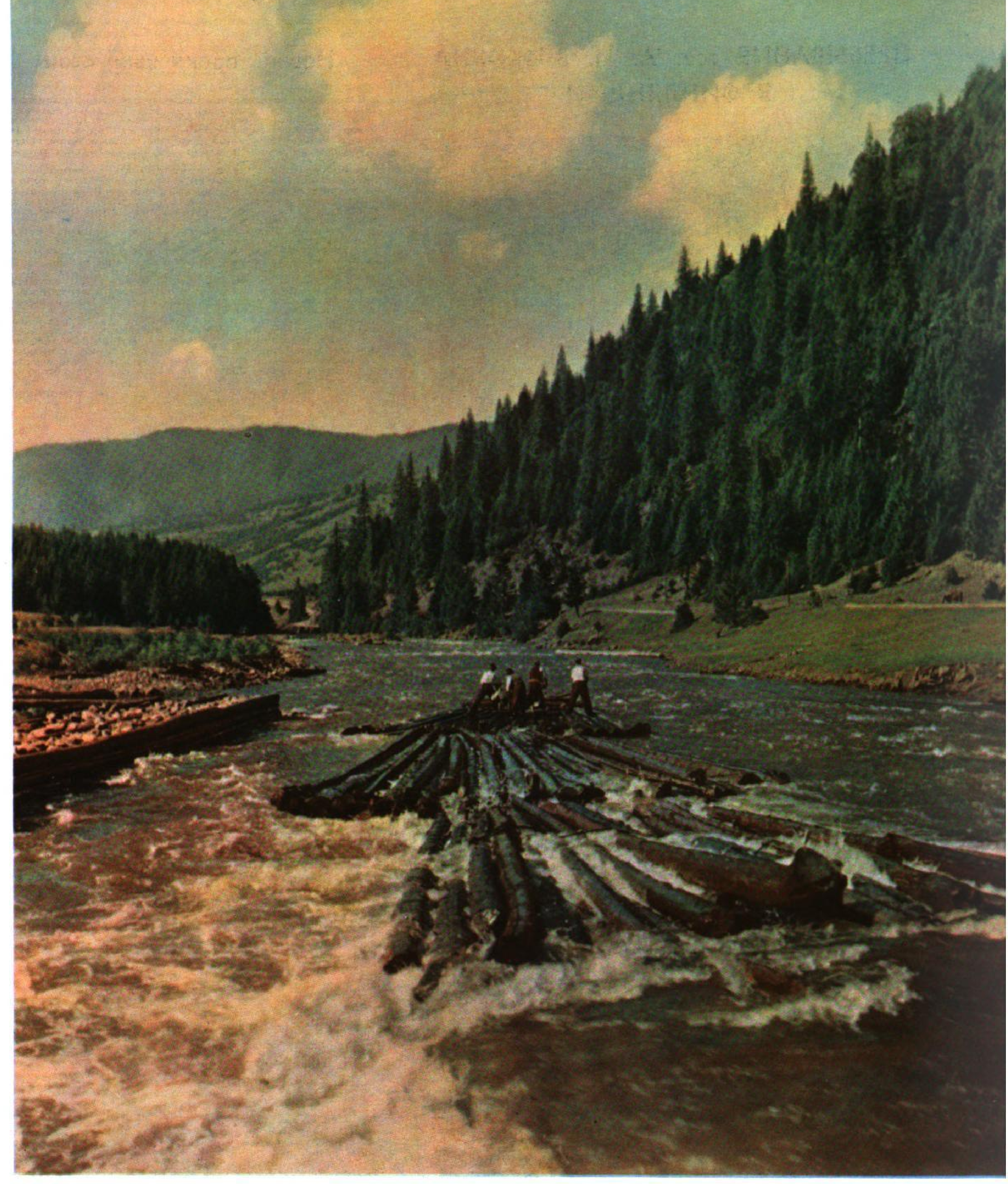
Полевые общежития для тракторных бригад перед отправкой в Казахстан.

На станционных путях стоит длинный состав платформ. На каждой не совсем обычные грузовые вагоны. Вместо колес у них полозья из дерева, обитые железом. Вагоны имеют двери, окна с форточками, на крышах дымоходы. Внутри два купе — на восемь человек и на четыре, отделение для душевой и умывальной, две печки, на которых можно приготовить пищу, вскипятить воду. Это — полевое общежитие для тракторных бригад.

Вагонники Донецкой железной дороги получили задание: из двухосных грузовых вагонов старого типа оборудовать для механизаторов, осваивающих целинные и залежные земли, шестьсот передвижных домиков-фургонов. В адрес новых зерновых совхозов и машинно-тракторных станций Казахстана, Алтая, Урала уже отправлены десятки таких полевых общежитий. В нынешнем году на транспортных предприятиях страны переоборудуют пятнадцать тысяч двухосных товарных вагонов.

Б. АКСЕЛЬРАД

Copyrighted material

По горной реке Теребле сплавляют лес отважные бокораши.

ЛЕСОРУБЫ ЗАКАРПАТЬЯ

Зеленым краем прозвана Верховина — высокогорная часть Закарпатья. Вы можете проехать сотни километров по ее витым дорогам и не увидеть ни обнаженных, каменистых склонов, ни нагромождения скал. Куда ни кинь взгляд,— леса!
Рослые светлоствольные буковые и дремучие хвойные, они

Copyrighted material

стоят по кручам до самого поднебесья и только там, на высоте, уступают место альпийским лугам — полонинам.

Лесной промысел стародавен на Верховине, а слава о ее лесорубах и плотогонах — бокорашах — тоже давняя, крепкая слава. Валить лес на кручах и сплавлять его по стремительным горным рекам — сложное искусство. Оно требует от человека не только выносливости и отваги, но и высокого мастерства.

Эти профессии овеяны на Верховине романтикой. С гордостью носят здесь лесорубы и бокораши традиционные зеленые веточки за лентами шляп, а верховинские хлопчики старательно подражают отцам и старшим братьям в манере держать себя, разговаривать.

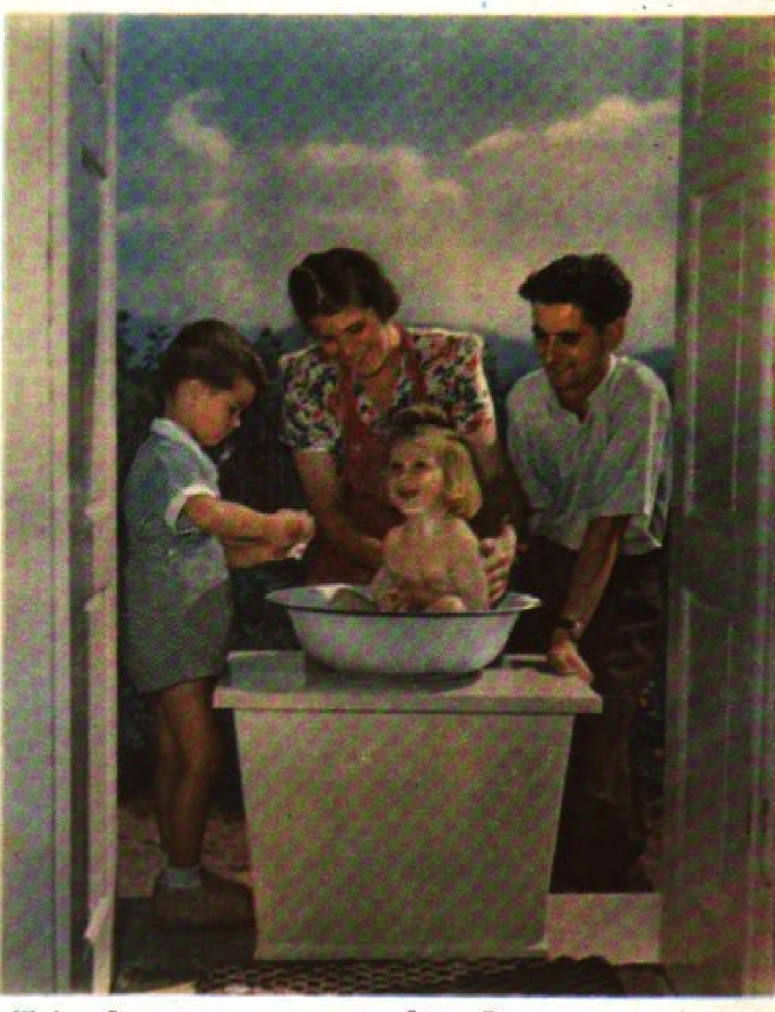
Мы все говорим: «лесорубы»,— но директор Свалявского леспромхоза А. И. Письменный поправил нас:

Иосиф Лендель — лучший электропильщик Ясинского леспромхоза.

Хорошо отдохнуть у костра, покурить трубку, почитать вслух газету...

Шофер Свалявского леспромхоза Эрнст Вагнер только что кончил смену. Но дома его ждет новая «работа»: нужно помочь жене выкупать дочь.

— Такой специальности больше нет в нашем леспромхозе.

— Как так нет?

— Да так вот,— развел он руками.— Есть электропильщики, машинисты лебедок, трактористы-трелевщики, а лесорубов нет.

И в самом деле, на горных лесосеках мы воочию убедились, какой замечательной техникой вооружены лесорубы, как эта техника облегчила их труд, изменив самый его характер.

— В семье советских народов мы живем всего около десяти лет,— сказал нам мастер одного из лесоучастков Иван Баганич. — Не такой уж великий срок, правда? А сколько за это время перемен только в одном нашем лесном деле! Совсем это недавно было,— на смену простой пиле пришла электрическая «Вакопп». А нынче уже и «Вакопп» считают устарелой. Новую пилу взяли хлопцы в руки. Слышите, как поет? Добрая пила! Три минуты на то, на что прежде уходило полчаса. И сорочка сухая...

Бук для мебели и паркета, резонансную ель для музыкальных инструментов, крепежный лес для шахт и новостроек страны валят в горах закарпатские лесорубы. Социалистическое планирование положило конец расхищению лесных богатств; лесорубы из сезонников превратились в кадровых рабочих леспромхозов. И совсем иной стала их жизнь.

М. ТЕВЕЛЕВ

Фото Н. КОЗЛОВСКОГО.

Copyrighted material

ВАЖНАЯ ДЕТАЛЬ

Я. ФОМЕНКО

Фото Я. Рюмкина.

В конторе сказали:

— Мы послали тебе новенькую...

Мастер, проходя коридорчиком, увидел молодую женщину. Она сидела на краешке стула в беспокойной, выжидательной позе. Это и была вновь принятая работница.

По тому, как новенькая вошла в цех, приблизилась к станкам, мастер заключил: «Придется понянчиться...»

Он спросил, как ее зовут, и скорее по движению губ, чем по звуку голоса, догадался:

— Таджи? — и добавил: — Хорошее имя... Привыкай говорить громко, Таджи. У нас не больница — завод. Шум, веселье — смотри!

Просторное здание цеха было заполнено неумолчной металлической разноголосицей. Лязг, звон, удары молотов, жужжание и мерное постукивание станков — вся эта смесь звуков возносилась под потолок и, встретив преграду, падала вниз, растекалась между пролетами.

— Ну, так вот, Таджи, поставим тебя за этот станок. Не бойся,— заметил он пугливое движение спутницы, — ничего страшного...

Пальцы ее левой руки быстро-быстро завертели прозрачную пуговицу цветастой кофты. Хорошо мастеру говорить: «Ничего страшного». Он тут, как рыба в воде, среди этих режущих, сверлящих, буравящих и обтачивающих металл машин. Управиться ли ей с этакой громадиной?

Новенькая перевела взгляд со сверлильного станка на мастера: не шутит ли он?

Доброе, усталое лицо. Глаза смотрят на нее с благожелательным любопытством и с той ласковостью, с какой обычно взрослые смотрят на детей. Она пожалела, что мастер не шутит. Лучше посмеялся бы над ее трусостью и повел дальше, вон хотя бы к тем машинам. Они поменьше и, вероятно, попроще.

...Мастер Мустаким Юсупов стал замечать, что в последнее время все чаще говорит про свои молодые годы. Как-то неожиданно улетела его юность. Приходится напрягать память, чтобы увидеть себя в возрасте работающих сейчас за станками токарей, слесарей, фрезеровщиков. Часто мастер сам себя спрашивал: неужели и он был таким беззаботно-смешливым, как его нынешние подчиненные? Им море по колено. Работать на токарном? Пожалуйста! Перейти на сверлильный? Подумаешь! Прочитать чертеж? И это нипочем. Перекочевать на другой завод? А что, нельзя?

Недавно на конвейере произошла заминка. Не хватило детали «108-109» — поводка для хлопкоуборочного комбайна. Виноэен был литейный цех. Но какое дело сборщикам до литейного? Они знают механический. Юсупов не дал нужное количество деталей — и дело с концом. Пусть другие разбираются, кто подвел Юсупова, а перед сборщиками он в ответе.

Когда доставили литье, Мустаким решил подогнать обработку «аварийной» детали и поставил за токарный станок молодого слесаря. Показал ему, объяснил, постоял с полчаса у станка. Парень будто всю жизнь только и знал, что точил поводки.

Смышленый народ — теперешняя молодежь. А только ли в этом дело? Грамотность— вот где сила нынешней молодежи. Разве у Мустакима было такое образование, какое теперь получает молодежь? Отсюда и смелость. Посмотрел, прикинул в уме, подсчитал — и все ясно. Не то что на ощупь до всего доходить.

Глядя на новенькую, мастер яснее, чем всегда, представил свою юность. Робость Таджи, связанность каждого ее движения, будто она боялась обжечься о станок, ее растерянный вид с особой отчетливостью восстановили в памяти первые дни обучения самого Мустакима.

Помнится, в те годы девушек совсем не было в цехах. Женщина-узбечка — токарь или слесарь? Мужчины и то не всегда решались идти на заводы. Мустаким, вероятно, выглядел тогда вот так же, как Таджи, хотя ему легче было освоиться с заводом, чем многим его сверстникам.

Мустаким в самом раннем детстве познакомился с металлом. Правда, не на заводе: в ту пору в Узбекистане заводов, подобных Ташсельмашу, и в помине не было.

В отцовском доме вечно стоял звон меди и железа. Комнатушка ремесленника Юсупа была завалена дырявыми тазами, чайниками, самоварами, умывальниками. Чем больше валялось этой рухляди, тем веселее блестели глаза отца. Ему приносили предметы, годные разве только для свалки. Он выравнивал помятые бока самоваров, привезенных из Тулы еще в прошлом веке, вставлял донья в прохудившиеся старинные кувшины. Приходили заказчики, оставляли несколько грошей, уносили блестевшие свежей пайкой или заплатой тазы, а отец Мустакима тоскливо поглядывал назад, на пустеющий склад металлического старья. Ему казалось, что своим трудом он уничтожает собственное благополучие.

Когда за спиной ничего не оставалось, а заказчики со своей ношей не показывались на пороге, отец брал инструмент, принадлежности для пайки и с утра отправлялся на поиски клиентуры. Его «завод» умещался в небольшой кошелке.

В удачные дни отец приносил домой несколько монет с потускневшим изображением орла. На пол за его спиной с надтреснутым звоном валились сковороды и кастрюли, тазы и кувшины. На следующий день отец сам разносил их клиентам. Бывало и так, что он возвращался только со своим нехитрым инструментом.

Сыну старый ремесленник хотел устроить жизнь полегче и отдал его учеником в парикмахерскую. Шестнадцатилетний Мустаким кипятил и подавал воду, подметал пол, бегал на базар за дынями и арбузами, остальное время наблюдал, как хозяин соскабливал мыльную пену с черепов, обривал подбородки и унимал кровь от многочисленных порезов.

Ремесло парикмахера не привлекало Мустакима. А тут в Ташкенте начали возникать мастерские и заводы. Всюду толковали о пятилетке. Что это такое, Мустаким не совсем ясно понимал, но одно видел: совсем не обязательно ему быть брадобреем.

Расставшись с парикмахерской, Мустаким поступил учеником токаря в мастерские института водного хозяйства. Было это ровно двадцать пять лет назад. Как быстро время пролетело! Теперь Мустакима называют старым, опытным мастером. Кого перебрасывают на отсталые пролеты? Юсупова. Кому посылают молодых рабочих для обучения? Юсупову.

...Новенькая все не решалась вплотную подойти к станку.

Мастер объяснил устройство и назначение машины, показал диск с просверленными в нем отверстиями.

— Это очень важная деталь,— сказал он, наблюдая за слушательницей: не появится ли в ее темных и грустных глазах искорка любознательности, увлечения?

Таджи слушала внимательно, но лицо ее попрежнему выражало смущение и нерешительность.

Новенькая совсем не похожа на учеников, с какими доводится заниматься Мустакиму. Тех удерживаешь, чтобы не совали свой нос, куда не следует. Того и гляди, такие обороты дадут станку!.. Бывает, хватят голой рукой раскаленную стружку. В общем, следи да следи. А эта... Будет ли из нее толк?

А не требует ли он слишком многого? Разве он сам не стоял когда-то вот так же, на почтительном расстоянии от станка, не приглядывался, не приноравливался, не наблюдал часами, что делают другие? Так сразу все и понял? Три года в учениках ходил, пока дали самостоятельную работу токаря.

Поступающие теперь в цех молодые ребята многому обучены до завода. Ремесленники — так те вообще мнят себя законченными специалистами. Заявится юнец и начинает сыпать мудреными словами. Потом-то, конечно, успокаивается, почувствовав настоящую работу.

Научить новичка не так трудно. Что туго прививается молодежи — это привязанность к заводу. Для них все заводы одинаковы. Мустаким Юсупов до душевной боли огорчается, когда вышколенные им молодые токари, слесари, фрезеровщики, сверловщики покидают завод и уходят на другие предприятия. Дисциплина там помягче, что ли?

На этом конвейере тракторы превращаются в хлопкоуборочные комбайны.

Copyrighted material

Мустаким Юсупов и его ученица Таджи Шакирова.

Прибыла однажды группа в пять человек. Хорошие ребята. И работали прилично. А остался на заводе один Назаров. Теперь он и токарь, и сверловщик, и фрезеровщик... Остальные разлетелись кто куда.

Вот Юсупов занимается с Таджи. Есть ли у нее желание быть сверловщицей и работать именно на этом заводе? Или ей безразлично, что делать?

...Таджи следила за руками мастера. Ни за что ей не суметь так уверенно и точно приладить деталь, опустить сверло! Зачем она утруждает напрасно людей? Надо попросить, чтоб ее обучили обрабатывать более мелкие детали, а не такую крупную, как этот диск.

— Ну вот,— громко, чтобы перекрыть шум работающих станков, сказал мастер.— Выходи завтра в первую смену. Понятно?

Она кивнула головой, ни о чем не успев попросить. Мастер вышел на заводской двор.

* * *

Мустаким Юсупов имеет обыкновение почти ежедневно захаживать в сборочный цех. Делает он это по двум причинам. Во-первых, надо знать, нет ли претензий к механическому. Во-вторых, у него выработалась потребность хотя бы немного полюбоваться сходящими с конвейера машинами. На сборку шли «юсуповские» детали. Приятно, когда сборщики молчат. И самый скромный человек любит похвалу. Молчание сборщиков — это похвала. Значит, нет претензий.

На этот раз никто не подносил к глазам Юсупова никаких деталей, никто не упрекал за их нехватку. Все шло нормально. Как всегда, на одном конвейере стоял щеголеватый трактор-универсал «Владимировец». Его сосед уже нес на себе части будущего комбайна. Так, постепенно приближаясь к другому краю конвейера, тракторы одевались в тяжелые доспехи и после красильной камеры, блистая нарядом, выходили уже в другом обличье на заводской двор. Были тракторы, а теперь — хлопкоуборочные комбайны.

Мастер привык видеть рождающуюся машину чистенькой, без единой царапинки. Но один раз он был неприятно поражен внешностью новой машины. Это было, когда Мустаким проводил свой отпуск в сельской местности, близ Куюлюка. Там он встретил идущую на плантации машину и едва узнал ее. Куда девались щегольской вид и добротная покраска? Машинист гнал машину по плохой дороге, через рытвины и арыки. Она была в грязи, в пыли, с погнутыми патрубками, с помятыми и ободранными боками, шла с писком, со скрипом, стуча и громыхая всеми частями и деталями.

Юсупов сперва застыл на месте, потом что-то толкнуло его вперед, и он побежал.

Машинист спрыгнул на землю и увидел, что у его комбайна стоит запыхавшийся незнакомый человек. Не обращая внимания на машиниста, человек заглянул в шпиндельный аппарат, потом полез в него рукой и вынул засохший ком грязи. После этого он начал проверять смазку.

Окончив осмотр, незнакомец вплотную подошел к машинисту и, презрительно сощурившись, спросил:

— Ты каждый день обедаешь?

Не дав ничего ответить, он начал сыпать вопросами:

— Если тебя неделю не покормить, захочется тебе работать? Почему не смазываешь машину? Почему шпинделя у тебя забиты пылью, грязью? Что у тебя с шестеренками делается? Почему гоняешь машину по плохой дороге? Инструкция у тебя есть? Читал? Почему не выполняешь?

Утром следующего дня Юсупов снова встретил ту же самую машину. Она шла без громыхания, ровной дорогой, блестя на солнце очищенными от грязи патрубками. Машинист издали закивал головой и приложил руку к груди.

...Вспомнив этот случай, мастер еще раз прошелся вдоль конвейера, затем заглянул на сборку узлов. Аккуратной стопкой на земле лежали диски. Мастер улыбнулся, приметив на их поверхности темные точки отверстий. Работа сверловщицы Таджи Шакировой...

Пора бы мастеру забыть те дни, когда он «нянчился» с новенькой. Таджи — теперь настоящая сверловщица, перевыполняет норму. И все же Мустаким, проходя мимо ее станка, до сих пор испытывает и радость и колкое чувство стыда. Радость оттого, что в цехе стало одним хорошим работником больше, чувство стыда из-за того, что чуть не отказался обучать Таджи.

Плохо, совсем плохо сначала получалось у Шакировой. Она была настолько боязлива, что внушила своему учителю сомнение и неуверенность.

Когда новенькая перестала бояться станка, он сказал:

— Недельки через две будешь работать самостоятельно. Понятно? Самостоятельно!..

И она опять не успела ничего сказать. Только кивнула головой, будто и сама так решила.

...Мустаким подошел к дискам, потрогал пальцем внутренние стенки отверстий. Ему была приятна теплота, сохранившаяся в металле после обработки.

Накануне выборов народных судов

НА АГИТПУНКТЕ

В морозных сумерках издалека видно кумачовое полотнище со словом «Агитпункт», обрамленное светящимися точками электрических лампочек. После окончания рабочего дня сюда все чаще направляются избиратели с Большой Серпуховской, Павловской, Люсиновской и других окрестных улиц.

В уютном, светлом помещении идет оживленный разговор. Пожилой мужчина кадровый рабочий Завода имени Владимира Ильича Василий Иванович Кузин рассказывает:

— Вспоминается мне 1905 год. Моего отца, путевого сторожа Казанской дороги, выгнали со службы за участие в забастовке. Попытался было мой родитель Иван Леонтьевич правды добиться через суд, да не тут-то было — не нашлось защиты для рабочего человека. Суд-то был не наш, а хозяйский. А ныне совсем иное дело: меня, сына путевого сторожа, кандидатом в народные заседатели выдвинули!

Вниманием присутствующих завладевает Алексей Михайлович Паншин, кузнец того же завода:

— А в нашем селе Логинове, бывшей Тверской губернии, случилось другое: поступила в суд жалоба на местного богача, гончая которого задрала кроликов у соседа. Судьи же записали в своем решении: кролики напали на собаку и поэтому поплатились жизнью. Видите, как было дело: даже собаку богача выгораживали царские чиновники!

Алексей Михайлович, сорок лет работающий кузнецом, — тоже кандидат в народные заседатели.

— Сыны у меня инженерами стали при Советской власти, а сам я дожил до большой чести: мне доверяют в суде заседать! — с гордостью говорит старый рабочий.

Коллектив Завода имени Владимира Ильича выдвинул кандидатом в народные судьи третьего участка Москворецкого района Сергея Ивановича Горбунова, бывшего плотника на строительстве московского метро, участника Великой Отечественной войны, получившего после победы юридическое образование. А среди кандидатов в народные заседатели — шлифовщик Федор Алексеевич Зиновьев, лакировщица Клавдия Михайловна Захарова, маляр Василий Фролович Степанов, старший мастер Александр Александрович Селезнев и многие другие.

В. ВАСИЛЬЕВ

Плакаты—к выборам

Тысячи киевлян принимают участие в подготовке к выборам народных судов, которые на Украине состоятся 19 декабря.

В эти дни народные судьи Киева выступают с докладами на предприятиях, в учреждениях, на избирательных участках. Один из старейших работников юстиции, народный судья 5-го участка Печерского района Киева, Николай Степанович Петриченко, в прошлом рабочий Киевского вагоноремонтного завода, подчеркивает значение этих встреч:

— На собраниях трудящихся мы, работники народного суда, получили много полезных советов, помогающих делу.

Н. С. Петриченко сделал на своем участке 13 докладов о работе советского суда.

Готовясь к выборам, киевская фабрика цветной печати выпустила 100-тысячным тиражом плакат художника Ю. Михайлова «19 декабря 1954 года — день выборов народных судов. Все на выборы!»

В. ВАЛЕРИН

На киевской фабрике цветной печати выпускают плакат к выборам народных судов.
Фото Н. Козловского.

Copyrighted material

КРУПНЫЕ НЕПРИЯТНОСТИ

Из нового романа

Валентин **КАТАЕВ**

Рисунки В. Горяева.

Петя прислушивался к голосам папы и тети за дверью столовой. Теперь все чаще и чаще повторялись слова «свобода совести», «народное представительство», «конституция», и наконец было произнесено жгучее слово «революция».

— Вот попомните мое слово, все это кончится второй революцией,— сказала тетя.

— Вы анархистка! — закричал отец высоким голосом.

— Я русская патриотка!

— Русские патриоты верят своему государю и своему правительству!

— А вы верите?

— Верю!

И снова Петя услышал имя Толстого.

— А тогда почему же ваш царь и ваше правительство, которым вы так верите, отлучили Толстого от церкви и запрещают его произведения?

— Людям свойственно ошибаться. Они считают Толстого политиком, чуть ли не революционером, а Толстой — всего лишь величайший художник мира, гордость России и стоит над всеми вашими партиями и революциями. И я это докажу в своей речи!

— А вы думаете, начальство вам это позволит?

— Для того, чтобы публично сказать, что Лев Толстой — великий писатель земли русской, никакого разрешения не требуется.

— Это вы так думаете.

— Не думаю, а уверен!

— Вы идеалист. Вы не понимаете, в какой стране вы живете. Умоляю, не делайте этого! Они вас уничтожат. Вот попомните мое слово.

Среди ночи Петя проснулся и увидел, что отец без сюртука сидит за письменным столом. Петя привык к тому, что отец по ночам исправляет тетрадки. Но теперь отец был занят совсем другим. Стопки тетрадок лежали на столе нетронутые, а отец что-то быстро писал своим бисерным почерком. Вокруг него на столе были раскиданы маленькие толстые томики старого издания сочинений Толстого.

— Папочка, что ты пишешь?

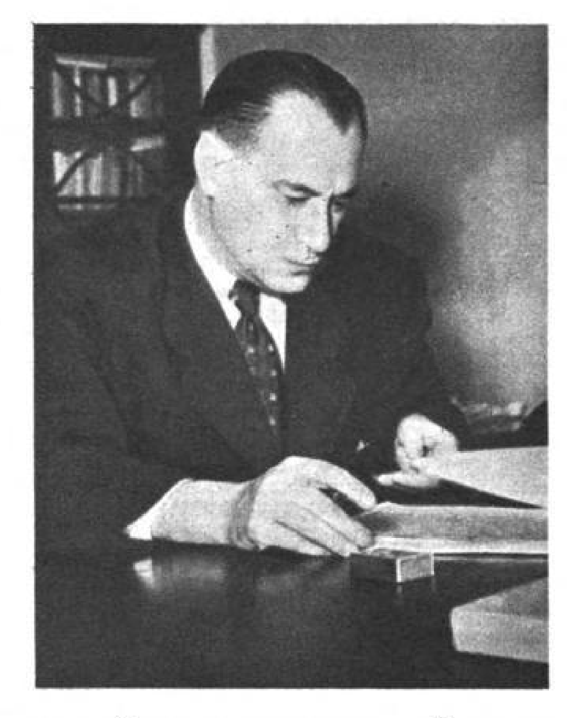
— Спи, мальчик, спи,— сказал Василий Петрович и, подойдя к кровати, поцеловал и перекрестил Петю.

Мальчик перевернул подушку на прохладную сторону и опять заснул и, засыпая, слышал быстрый скрип пера, дрожание образка, висящего на спинке кровати, и видел темную голову отца рядом с зеленым колпаком лампы и теплый огонек лампады в углу перед образом с сухой пальмовой веткой, тень от которой таинственно лежала на обоях, как всегда, вызывая представление о ветке Палестины, о бедных сынах Солима и усыпляя чудной музыкой лермонтовских стихов: «Все полно мира и отрады вокруг тебя и над тобой».

Утром, пока Василий Петрович умывался, причесывал мокрую голову и пристегивал к крахмальному воротничку черный галстук, Петя успел посмотреть, что писал отец ночью.

На столе лежала старинная самодельная тетрадь, сшитая суровыми нитками. Петя сразу ее узнал. Обычно она хранилась в папином комоде вместе с разными семейными реликвиями: венчальными пожелтевшими свечами, веточкой флер д'оранжа, белыми лайковыми перчатками, бисерной сумочкой покойной мамы, ее крошечным перламутровым биноклем, сухими листьями дикой груши с могилы Лермонтова и множеством тех мелких обломков и вещиц, которые в глазах Пети не имели никакого смысла, а для Василия Петровича являлись драгоценными воспоминаниями.

Однажды Петя рассматривал эту тетрадь. Половину ее занимал написанный Василием Петровичем доклад по случаю столетия со дня рождения Пушкина; другая половина оставалась чистой. Теперь на этой пожелтевшей половине мальчик увидел написанный

тем же бисерным почерком новый доклад — по случаю смерти Толстого. Он начинался следующими словами: «Умер великий писатель земли русской; закатилось солнце нашей литературы...».

Василий Петрович надел новые манжеты, вправил в них новые, парадные запонки из дутого золота и, аккуратно перегнув тетрадку, сунул ее в боковой карман сюртука. Когда он потом торопливо пил чай на углу стола, а потом надевал в передней свое драповое пальто с потертой бархаткой на воротнике, Петя увидел, как у него дрожат пальцы и прыгает на носу пенсне. Почему-то Пете вдруг стало ужасно жалко отца. Он подошел и, как в детстве, потерся о его рукав.

— Ничего, мы еще повоюем! — сказал отец и погладил сына по спине.

— Все-таки я вам очень не советую,— серьезно сказала тетя, заглядывая в переднюю.

— Вы ошибаетесь,— с мягким глубоким волнением в голосе сказал Василий Петрович, надел свою черную широкополую шляпу и быстро вышел на лестницу.

— Ох, дай бог, чтобы я ошиблась! — вздохнула тетя.— Мальчики, не копайтесь, а то опоздаете в гимназию,— прибавила она и стала помогать пристегивать ранец своему любимцу Павлику, до сих пор еще не вполне постигшему эту простую премудрость.

День прошел, как обычно,— короткий и вместе с тем тягостно-длинный, темный ноябрьский день, полный какого-то неясного ожидания, глухих слухов и повторения все тех же мучительных слов: «Чертков», «Софья Андреевна», «Астапово», «Озолин». В этот день хоронили Толстого.

Петя всю жизнь безвыездно провел на юге, у моря, среди новороссийских степей. Он никогда не видел леса. Но почему-то теперь он очень ясно представлял себе Ясную Поляну, лес над заросшим оврагом. Он видел черные стволы старых, оголенных лип, среди которых без священников и певчих опускали в могилу простой крестьянский гроб с высохшим, старым телом Льва Толстого. И над этим мальчик видел все те же тучи и стаи все тех же ворон, что в ранних дождливых сумерках летали над куполами подворий и над черным Куликовым полем.

Отец вернулся с уроков, как обычно, когда уже в столовой зажгли лампу. Он был возбужден и растроганно-весел. На тревожный вопрос тети, прочитал ли он ученикам свой доклад и как это было принято, Василий Петрович не мог удержать наивной улыбки, лучисто блеснувшей под стеклами пенсне.

— Муху можно было услышать,— сказал он, вынимая из заднего кармана платок и вытирая сырую бороду.— Никак не ожидал, что мои сорванцы так горячо и серьезно отнесутся к этой теме. И девицы тоже. Я повторил свой доклад и на уроке в седьмом классе Мариинской гимназии.

— Неужели начальство вам разрешило?

— А я никого и не спрашивал. Зачем? Я считаю, что преподаватель словесности имеет полное право на своем уроке беседовать с учениками о личности любого великого русского писателя, а в особенности Толстого.

— Ах, как вы неосторожны!

— Больше того. Я считаю это своим священным долгом.

Поздно вечером заходили какие-то незнакомые молодые люди: два студента в очень старых, полинявших фуражках и барышня, видимо, курсистка. Один из студентов был в кривом пенсне на черной ленте, в сапогах и курил папиросу, пуская дым через нос, а барышня была в короткой жакетке и все время прижимала к груди маленькие красные ручки. Пойти в комнаты они почему-то отказались, а долго стояли в передней, разговаривая с Василием Петровичем. Слышался густой неразборчивый бас, повидимому, того самого студента, который носил пенсне на ленте, и умоляющий шепелявый голосок курсистки, повторявшей через равные промежутки одну и ту же фразу:

— Мы уверены, что, будучи передовым, благородным человеком и деятелем, вы не откажете студенческой молодежи в ее покорнейшей просьбе.

А третий посетитель все время застенчиво вытирал о половичок мокрые штиблеты и сдержанно сморкался.

Оказалось, что слух о выступлении Василия Петровича уже каким-то образом дошел до высших женских курсов и медицинского факультета императорского новороссийского университета, и делегация студентов явилась выразить Василию Петровичу чувства солидарности, а также просить его повторить свой доклад в каком-то социал-демократическом студенческом кружке. Василий Петрович был польщен, но вместе с тем это его неприятно удивило. Поблагодарив молодых людей за лестное внимание, он от выступления в социал-демократическом кружке решительно отказался. Он заявил, что ни к какой партии никогда не принадлежал, не принадлежит и не будет принадлежать и считает, что превращать в политику смерть Толстого есть неуважение к памяти великого писателя, так как известно отрицательное отношение самого Толстого ко всем без исключения политическим партиям, и что он вообще никакой политики не признавал.

— В таком случае извините,— сухо сказала курсистка,— мы в вас глубоко разочарованы. Пойдемте, товарищи, из этого дома.— И молодые люди с достоинством удалились, оставив после себя запах асмоловского табака и мокрые следы на лестнице.

— Удивительное дело! — говорил Василий Петрович, расхаживая по столовой и протирая пенсне шелковой подкладкой сюртука.— Удив-вительное дело, всюду люди находят повод для политики!

— Я вас предупреждала,— сказала тетя.— Боюсь, что все это кончится крупными неприятностями.

Дурные предчувствия тети оправдались, хотя и не так быстро, как она ожидала. Прошел по крайней мере месяц, прежде чем начались неприятности. Собственно говоря, их

Copyrighted material

приближение можно было заметить по разным признакам гораздо раньше. Но эти признаки казались так ничтожны, что в семье Бачей на них не обратили должного внимания.

— Папочка, что такое красный? — спросил однажды за обедом Павлик, как всегда, неожиданно, и посмотрел на отца блестящими наивными глазами.

— Вот тебе и раз! — сказал Василий Петрович, находившийся в прекрасном, веселом настроении.— Довольно странный вопрос. Мне кажется, что красный — это значит не синий, не желтый, не коричневый... гм, ну и так далее.

— Это я знаю. А что такое красный человек? Разве бывают красные люди?

— Ах, ты вот о чем! Разумеется, бывают. Например, северо-американские индейцы. Так называемые краснокожие.

— Они этого еще в своем приготовительном классе не проходили,— презрительно заметил Петя.— Они еще мартыханы.

Но Павлик пропустил мимо ушей эту шпильку. Продолжая пытливо рассматривать отца, он спросил:

— А ты, папочка, разве индеец?

— В основном нет,— рассмеялся отец так звонко и весело, что с его носа соскользнуло пенсне и чуть не упало в тарелку с голубцами.

— А тогда почему же Федька Пшеничников говорит, что ты красный?

— Вот как! Это любопытно. Но кто же этот самый твой Федька Пшеничников?

— Один мальчик из нашего класса. У него отец — старший письмоводитель в канцелярии одесского градоначальника.

— Ах, вот как! Ну, значит, твоему Федьке и книги в руки! Впрочем, ты сам можешь убедиться, что я отнюдь не красный, а бываю красным лишь в сильные морозы.

— Однако это неприятно,— заметила тетя.

Вскоре после этого как-то вечерком к Василию Петровичу по делам эмеритальной кассы заглянул некто Крылевич, казначей мужской гимназии, где преподавал Василий Петрович. Покончив с делами, Крылевич, который всегда был неприятен Василию Петровичу, остался пить чай, просидел часа полтора, ужасно надоел и все время заговаривал о Толстом, хвалил Василия Петровича за смелость и настойчиво просил дать ему на дом почитать доклад. Отец отказался. Крылевич, видимо, обиделся и, надевая в передней перед зеркалом свою плоскую, просалившуюся на дне фуражку с кокардой министерства народного просвещения, говорил отцу, сладко улыбаясь:

— Напрасно, Василий Петрович, вы не хотите доставить мне это наслаждение, совершенно напрасно. Ваша скромность паче гордости.

Его посещение оставило какой-то странный, неприятный осадок.

Были и еще кой-какие мелочи того же порядка, вроде того, что при встрече с Василием Петровичем на улице некоторые знакомые раскланивались с подчеркнутым уважением, в то время как другие, напротив, здоровались крайне сухо, всячески стараясь показать свое неодобрение.

Наконец перед самым рождеством разразилась катастрофа.

Павлик, которого только что «распустили» на каникулы, расхаживал перед домом в своей слишком длинной зимней шинели, сшитой на рост, и в новых калошах, которые удивительно приятно хрустели по свежему декабрьскому снежку, оставляя превосходные зернистые отпечатки с овальным клеймом посередине. В ранце у Павлика находился табель с превосходными отметками за вторую четверть, без неприятных замечаний и выговоров и даже с пятерками за внимание, прилежание и поведение, что, говоря по совести, было несколько преувеличено. Но Павлик благодаря своим невинным, шоколадно-зеркальным милым глазкам обладал счастливой способностью всегда выходить сухим из воды.

Настроение у мальчика было вполне предпраздничное, и только в самой глубине души шевелился неприятный червячок беспокойства. Дело в том, что сегодня перед выходом из гимназии приготовительный класс не удержался и опять устроил обструкцию. На этот раз обструкция заключалась в том, что, желая отомстить грубому и нелойяльному швейцару, не хотевшему открыть двери до звонка, ученики приготовительного класса коллективно бросили калошу в чугунную печку рядом со швейцарской, вследствие чего позалил едкий дым горящего каучука, и нелойяльному швейцару пришлось заливать водой печку. В это время прозвенел звонок, и приготовительный класс в полном составе успел разбежаться. Теперь Павлик опасался, как бы это происшествие не стало известно инспектору и не вызвало серьезных последствий. И это слегка омрачало чистую радость наступивших каникул. И вдруг Павлик увидел именно то, чего он больше всего боялся. По улице прямо на него шел курьер в фуражке с синим околышем и в пальто с барашковым воротником, из-под которого виднелся синий стоячий воротник мундира. Подмышкой он держал большую разносную книгу в мраморном переплете. Курьер неторопливо подошел к воротам, посмотрел на треугольный фонарь с номером дома и остановился. У Павлика упало сердце.

— Где здесь квартира господина Бачей? — спросил курьер.

И Павлик понял, что он погиб. Это, конечно, был официальный письменный вызов родителей для объяснений по поводу поведения ученика приготовительного класса Бачей Павла, то есть самое страшное, что только могло произойти с гимназистом.

— А что? Вызывают родителей? — с жалкой улыбкой спросил Павлик, не узнавая своего голоса, и, весь залившись краской, прибавил: — Вы, дяденька, можете дать повестку мне, а я уж передам, а то что вам подыматься по лестнице!

— Приказано под расписку! — строго сказал курьер, поправляя солдатские усы.

— Второй этаж, квартира номер четыре,— прошептал Павлик, чувствуя, что ему делается жарко, душно, тошно и ужасно.

Мальчик даже не соображал, что курьер незнакомый. Впрочем, Павлик ведь учился всего лишь первый год и мог не знать всех гимназических служителей.

Едва курьер скрылся в парадном, как свет померк в глазах мальчика. Для него в один миг пропала вся красота мира, который между тем продолжал оставаться все таким же свежим и прекрасным. Так же заходило за белоснежным, с синими тенями Куликовым полем, за вокзалом, красное, морозное солнце; так же за углом с музыкальным шорохом встряхивались крупные бубенцы на хомуте озябшей извозчичьей лошадки; так же дымились миски с горячим клюквенным киселем, выставленным кухарками на балконы; так же алели на балконных перилах толстые валики хрупко-голубого снега, а пар над мисками был такой же клюквенно-красный, как и сам остывающий кисель; так же празднично дышала улица бодрым движением езды и ходьбы.

Но ничего этого Павлик уже не замечал. Сначала он решил больше никогда не возвращаться домой, а все время ходить по улицам, до тех пор, пока не умрет от голода или не замерзнет. Потом, походив немного по переулкам, он давал себе самые страшные клятвы коренным образом исправиться и уже больше никогда в жизни не участвовать ни в каких обструкциях, а сделаться самым образцовым гимназистом не только в Одессе, но и во всей Российской империи и тем заслужить прощение папы и тети. Потом он жалел себя, свою погибшую жизнь и несколько раз начинал плакать, размазывая по лицу слезы, щипавшие на морозе нос. Но в конце концов голод загнал его домой, и он, обессиленный страданиями, появился на пороге, когда в квартире уже горели лампы. Он уже готов был приступить к самому бурному и самому искреннему раскаянию, как вдруг заметил, что вся семья находится в состоянии крайнего возбуждения. Повидимому, это возбуждение не имело никакого касательства к личности Павлика, так как на его появление никто даже не обратил внимания.

Неубранный обед стоял на столе. Отец, скрипя ботинками, стремительно ходил из комнаты в комнату. Полы его сюртука развевались. Шея дергалась. На лице виднелись белые и розовые пятна.

— Я говорила, я говорила...— повторяла тетя, поворачиваясь туда и назад на винтовом табурете перед пианино с белыми мельхиоровыми подсвечниками, закапанными стеарином.

А Петя дышал на оконное стекло и, скрипя пальцем, писал на нем слова: «Милостивый государь, милостивый государь...».

Оказалось, что приходивший курьер был вовсе не из гимназии, а из канцелярии попечителя учебного округа. Он принес повестку с приглашением надворного советника Бачей явиться завтра в приемные часы «для объяснения обстоятельств, связанных с произнесением перед учащимися не разрешенной начальством речи по случаю смерти писателя графа Толстого».

На другой день, вернувшись от попечителя, Василий Петрович, не снимая парадного сюртука, сел в качалку и заложил за голову руки. Как только Петя увидел гневную белизну его высокого лепного лба и трясущуюся челюсть, он сразу понял, что произошло нечто ужасное. Откинувшись на плетеную спинку и вцепившись в ручки качалки пальцами с побелевшими от напряжения косточками, Василий Петрович нервно раскачивался, упираясь в пол носком поскрипывающего ботинка.

— Василий Петрович, бога ради, но что же все-таки случилось? — наконец спросила тетя, округлив добрые глаза, полные ужаса.

— Умоляю вас, оставьте меня в покое! — с усилием выговорил отец, и челюсть его запрыгала еще сильнее. Пенсне съехало с носа, и Петя увидел на переносице отца две маленькие коралловые вдавлинки, отчего выражение его лица сделалось беспомощно-страдальческим. Мальчик вспомнил, что именно такое выражение было у папы, когда умерла мама и лежала покрытая гиацинтами в белом гробу, а отец безучастно качался в качалке, заложив за голову руки, и на его покрасневших глазах стояли слезы. Теперь Петя, как и тогда, почувствовал пронзительную жалость к отцу. Он подошел к нему, прижался и обнял за плечи, слегка осыпанные перхотью.

— Папочка, не надо! — с нежностью и отчаянием сказал он.

Но отец вырвался, вскочил и с такой силой взмахнул руками, что с треском выскочили крахмальные манжеты.

— Ради господа бога Иисуса Христа, оставьте меня в покое! — закричал он мучительным голосом и бросился в комнату, которая была одновременно и его кабинетом и спальной, где он спал вместе с мальчиками.

Там он снял сюртук и ботинки, лег поверх одеяла на кровать и повернулся лицом к обоям.

Когда Петя увидел его поджатые ноги в белых карпетках и синюю стальную пряжку жилета, сморщенного на спине, то он уже больше не мог сдерживаться и заплакал, вытирая глаза рукавом куртки.

Что же произошло с Василием Петровичем у попечителя? А произошло, как выяснилось потом, вот что. Сначала Василий Петрович очень долго и неудобно сидел один в холодной, по-казенному роскошной приемной на голубой бархатной банкетке с золотыми ножками, вроде тех, какие бывают в фойе театров или в музеях. Затем дежурный чиновник в щегольском вицмундире министерства народного просвещения вошел, с ног до головы отражаясь в паркете, и пригласил Василия Петровича в кабинет его высокопревосходительства. Попечитель сидел за громадным письменным столом. Он был горбат и, как большинство горбунов, очень мал ростом, так что между двух бронзовых малахитовых канделябров, над громоздким малахитовым письменным прибором виднелась только его горделиво и злобно вздернутая черно-серебряная, стриженная бобриком головка, подпертая высоким крахмальным воротничком с белым галстуком. Он был в вицмундирном форменном фраке со звездой на печени.

— Почему вы позволили себе явиться ко мне в партикулярном платье, а не в вицмундире? — не предлагая сесть и не вставая, сказал попечитель.

Copyrighted material

Василий Петрович испугался, но, представив свой старый вицмундир с дырами вместо пуговиц, которые некогда с мясом выдрал Петя, неожиданно для самого себя добродушно улыбнулся и даже несколько юмористически развел руками.

— Потрудитесь не паясничать и не размахивать руками: вы находитесь в присутственном месте, а не в фарсе!

— Милостивый государь! — вспыхнул Василий Петрович.

— Молчать! — крикнул попечитель отчетливым петербургским департаментским альтом и хлопнул ладонью по бумагам.— Я вам не милостивый государь, а тайный советник — его высокопревосходительство! И па-а-апрашу вас не выходить из рамок и держать руки па-а швам! Я пригласил вас, чтобы поставить альтернативу,— продолжал он, с видимым удовольствием безукоризненно отчетливо выговаривая слово «альтернатива»,— чтобы поставить альтернативу: либо вы в присутствии господина инспектора учебного округа на одном из ближайших уроков публично откажетесь перед учениками от своих пагубных заблуждений и разъясните им разлагающее влияние учения графа Толстого на русское общество, либо подавайте прошение об отставке, а если не пожелаете этого сделать, то будете уволены по третьей статье без объяснения причин со всеми вытекающими из этого весьма роковыми для вас последствиями. Терциум нон датур. Третьего не дано. Я не допущу во вверенном мне учебном округе антиправительственную пропаганду и каждую подобную попытку буду беспощадно пресекать в корне!

— Позвольте... ваше высокопревосходительство! — сказал Василий Петрович дрожащим голосом.— Но ведь Лев Толстой — великий наш художник, слава, гордость, так сказать, России... И я не понимаю... При чем здесь, ваше высокопревосходительство, политика?

— Прежде всего граф Толстой есть вероотступник, извергнутый святейшим синодом из лона православной церкви, а также государственный преступник, посягнувший на самые священные устои Российской империи и на ее коренные законы. Если вы этого не понимаете по своему недомыслию, то вам не место на государственной службе!

— Вы меня оскорбляете,— с трудом выговорил Василий Петрович, чувствуя, как у него начинают дрожать скулы.

— Ступайте вон! — сказал попечитель, вставая.

И Василий Петрович вышел из кабинета с дрожью в коленях, которую он никак не мог преодолеть ни на мраморной лестнице, где в двух белых нишах стояли гипсовые бюсты царя и царицы в жемчужном кокошнике, ни в швейцарской, где крупный швейцар выбросил ему на перила пальто, ни потом на извозчике, который обычно в семье Бачей нанимался лишь в самых исключительных случаях.

И вот он теперь лежал поверх пикейного марсельского одеяла на кровати, поджав ноги, грубо оскорбленный до глубины души, бессильный, оплеванный, раздавленный несчастьем, которое свалилось не только на него лично, но и — как он ясно теперь понимал — на всю его семью. Увольнение по третьей статье без объяснения причин означало не только волчий билет, гражданскую смерть, но также и вероятность административной ссылки «в места, не столь отдаленные», то есть полное разорение, нищету и погибель

Copyrighted material

семьи. Выход из положения мог быть только один: публично отказаться от своих убеждений.

По своему характеру Василий Петрович не был ни героем, ни тем более мучеником. Он был просто добрым интеллигентным человеком, мыслящим, порядочным, что называется «светлая личность», «идеалист». Университетские традиции не позволяли ему отступить. В его представлении «сделка с совестью» являлась пределом морального падения. И все-таки он заколебался. Слишком страшной показалась ему пропасть, куда без малейшей жалости готовы были его бросить. Он понимал, что выхода нет, хотя и старался что-нибудь придумать. Он был до того обескуражен, что даже один раз решил писать на высочайшее имя, и послал в мелочную лавочку купить на десять копеек несколько листов самой лучшей «министерской» бумаги. Он еще продолжал верить в справедливость царя, помазанника божия. Может быть, он действительно и написал бы государю, но тут в дело решительно вмешалась тетя. Она велела кухарке не сметь ходить в лавочку за «министерской» бумагой, а Василию Петровичу сказала:

— Ей богу, вы святой человек! Неужели вы не понимаете, что все это одна шайка?

Василий Петрович только растерянно щурил глаза, на разные лады повторяя:

— Но что же делать, Татьяна Ивановна? Что же все-таки делать?

Но тетя ничего не могла посоветовать. Она уходила в свою маленькую комнату возле кухни, садилась за туалетный столик и прижимала к покрасневшему носу скомканный кружевной платочек.

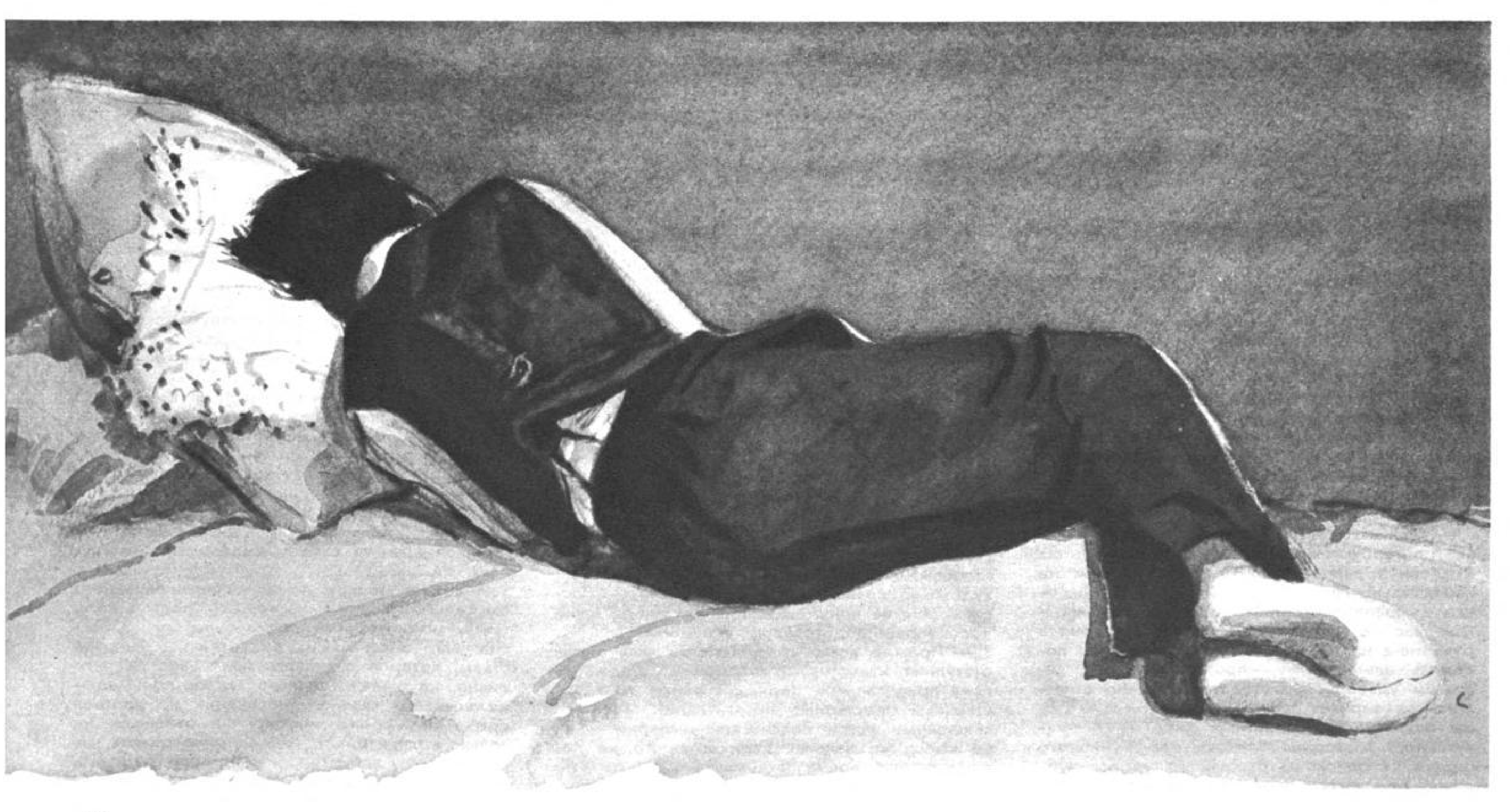
Между тем наступил сочельник, двадцать четвертое декабря,— число, имевшее для семьи Бачей особое значение. Это был день ангела покойной мамы. Каждый год в этот день всей семьей ездили на кладбище служить на маминой могиле панихиду. Поехали и теперь. Погода была вьюжная. Яркая, струящаяся белизна ломила глаза. Кладбищенские сугробы сливались с белоснежным небом. Кресты и черные железные ограды дымились. В старых металлических венках с фарфоровыми цветами посвистывал ветер. Петя стоял без фуражки, но в башлыке, по колено в свежем снегу. Он усердно молился, силясь представить покойную маму, но видел только какие-то частности: шляпу с пером, вуаль, подол широкого муарового платья, обшитый «щеточкой». Сквозь вуаль с мушками, завязанную на подбородке, ему улыбались родные прищуренные глаза. Но больше ничего Петя уже не мог представить. Остался только след какого-то давнего, сглаженного временем горя, страх собственной смерти и золотые буквы маминого имени на белой мраморной плите, которую кладбищенский сторож перед их приходом довольно небрежно обмел от снега чистеньким просяным веником. Тут же была могила бабушки — папиной мамы — и еще одно свободное место, куда, как любил иногда говорить Василий Петрович, когда-нибудь положат и его самого, между матерью и женой — двух женщин, которых он любил с такой верностью и таким постоянством всю жизнь.

Петя крестился, кланялся, думал о матери и в то же время наблюдал за священником, за псаломщиком, за папой, Павликом и тетей. Павлик все время вертелся, поправляя загнутый башлычок, который кусал его покрасневшие уши. Тетя потихоньку плакала в муфту. Отец, просительно сложив перед собой руки чашечкой и наклонив слегка поседевшую голову с треплющимися на ветру семинарскими волосами, неподвижно смотрел вниз на могильную плиту. Петя знал, что отец думает сейчас о покойной маме. Но он не знал, какие трудные, противоречивые чувства испытывает при этом Василий Петрович. Ему сейчас особенно не хватало мамы, ее любви, нравственной поддержки. Отец вспоминал тот день, когда он, молодой и взволнованный, читал жене только что написанный реферат о Пушкине, и как они потом долго, горячо его обсуждали, и как в одно прекрасное утро он в новеньком вицмундире отправлялся читать этот реферат, и она, подавая ему в передней только что выглаженный, еще горячий от утюга носовой платок, жарко Василия Петровича поцеловала и перекрестила тонкими пальчиками, и как потом, когда он с триумфом возвратился домой, они весело обедали, а крошечный Петя, которого они приучали к самостоятельности, размазывал по своим толстым щекам кашу «геркулес» и время от времени спрашивал отца, сияя черными глазками: «Папа, а ти умеешь кушить?». Как давно и вместе с тем как недавно это было! Теперь Василий Петрович один должен был решать свою судьбу.

Первый раз в жизни он ясно понял то, чего раньше не мог или не хотел понять: нельзя, живя в России, быть честным и независимым человеком, находясь на государственной службе. Можно быть только тупым царским чиновником, не имеющим собственного мнения и беспрекословно исполняющим приказания других, высших чиновников, как бы эти приказания ни были несправедливы и даже преступны. Но самое ужасное для Василия Петровича заключалось в том, что все это исходило именно от той самой высшей власти помазанника божия, российского самодержца, в святость и непогрешимость которого Василий Петрович до сих пор так крепко и простодушно веровал.

Теперь, когда эта вера поколебалась, Василий Петрович всем своим сердцем обратился к религии. Он молился за свою покойницу-жену, просил у бога совета и помощи. Но молитва уже не давала ему прежнего успокоения. Он крестился, кланялся и вместе с тем с каким-то новым чувством смотрел на священника и псаломщика, в два голоса наскоро служивших панихиду. Все то, что они делали, теперь уже не создавало религиозного настроения, как бывало раньше. Все это казалось грубым, ненатуральным, как будто бы Василий Петрович не сам молился, а наблюдал со стороны, как совершают молитвенные действия какие-то языческие жрецы.

То, что раньше всегда умиляло Василия Петровича, теперь было как бы лишено всякой поэзии. Священник в траурной глазетовой ризе с серебряным вышитым крестом на спине, из-под округленных краев которой высовывались короткие ручки в темных рукавах подрясника, произносил красивые слова панихиды и ловко крутил на цепочках и бросал в разные стороны кадило с раскаленными угольями, рдеющими, как рубины. Лиловый дым вылетал клубами и быстро седел, таял на ветру, оставляя в воздухе тяжелый бальзамический запах росного ладана. Псаломщик с благоговейно выпуклыми веками прикрытых глаз и солдатскими усами, в точно таком же драповом пальто, как у Василия Петровича, даже с такой же потертой бархаткой на воротнике, быстро, то повышая, то понижая голос, подпевал священнику. Они оба — священник и псаломщик — делали вид, будто совсем не торопятся, хотя Василий Петрович видел, что они очень спешат, так как им предстоит отслужить еще несколько

Copyrighted material

панихид на других могилах, где их уже ждали и даже делали издали нетерпеливые знаки. И было заметно, как они обрадовались, когда дошли до конца, и с особенным, бодрым воодушевлением запели «Надгробное рыдание творяще песнь» и так далее, после чего семейство Бачей приложилось к холодному серебряному кресту, и, пока этот крест псаломщик поспешно завертывал в епитрахиль, Василий Петрович пожал руку священника, с чувством неловкости передавая в его ладонь два скользящих серебряных рубля, на что священник сказал:

— Благодарствуйте! — и прибавил: — А я слышал, что у вас крупные служебные неприятности. Но, уповайте на бога, авось, как-нибудь обойдется. Имею честь кланяться. Какова погодка, а? Так и крутит.

Что-то оскорбительное послышалось Василию Петровичу в этих словах. Петя видел, как отец вспыхнул. Отец вдруг с особенной остротой вспомнил, как на него кричал попечитель, вспомнил свой унизительный страх, и в нем снова заговорило чувство гордости, которую он все время старался подавить с христианским смирением. В эту минуту он снова решил ни за что не сдаваться, а если придется, то до конца пострадать за свою правду.

Но, вернувшись с кладбища домой и немного успокоившись, он снова почувствовал прежние сомнения: имеет ли он право жертвовать благополучием семьи?

Между тем рождественские каникулы шли своим чередом, только не так весело, беззаботно, как в прежние годы.

Так же томительно-медленно приближался синий вечер сочельника с его постным кухонным чадом и первой звездой в окне, до появления которой нельзя было ни зажигать огня, ни садиться за стол есть кутью и узвар. Так же на первый день справляли елку, и так же заходили на кухню с улицы славить Христа мальчики со звездой, увешанной елочными бумажными цепями и с круглой бумажной иконкой посередине. Так же по вечерам таинственно и празднично вспыхивали в замерзших окнах синие алмазики месячного света. Так же встречали Новый год яблочным слоеным пирогом с запеченным на счастье новеньким гривенником в бумажке. И так же в яркий, трескучий морозный полдень с соборной площади доносились звуки полковых оркестров крещенского парада.

Приближался конец каникул. Нужно было принять какое-нибудь решение. Василий Петрович совсем пал духом. Чувствуя душевное состояние отца, мальчики тоже приуныли. Одна лишь тетя изо всех сил старалась поддерживать праздничное настроение. В новом шелковом платье, со всеми своими любимыми кольцами на тонких пальцах, пахнущая французскими духами «Кёр де Жанетт», она то и дело садилась за пианино и, раскрыв комплект «Нувалиста», играла вальсы, польки и цыганские романсы из репертуара Вяльцевой. В крещенский вечер она затеяла гадания. В полоскательницу со свежей водой лили за неимением воска парафин; жгли на кухне скомканную газетную бумагу и потом рассматривали ее тень на празднично беленной стене. Но все это тоже выходило не вполне натурально.

Накануне первого учебного дня, поздно вечером, сквозь сон Петя снова услышал за дверью столовой голоса папы и тети:

— Вы этого не сделаете, не должны сделать! — говорила взволнованным голосом тетя.

— Но что же? — с отчаянием спрашивал отец, и было даже слышно, как он хрустит пальцами. — Как же быть? Каким образом мы станем существовать? Имею ли я на это право? Какое горе, что с нами нету покойной Женечки!

— Поверьте, что покойница Женя ни за что не позволила бы вам унижаться перед всеми этими чиновниками!..

Скоро Петя заснул и уже больше ничего не слышал, но утром произошло необыкновенное событие: первый раз в жизни Василий Петрович не надел сюртука и не пошел на уроки. Вместо этого кухарка была послана в лавочку за «министерской» бумагой, и Василий Петрович своей четкой, бисерной скорописью, без росчерков и украшений написал прошение об отставке.

У Манолиса Глезоса

М. СЕМЕНОВ

Автомобиль минует залитые ярким светом электрических фонарей и неоновых реклам улицы и площади центральных кварталов Афин и ныряет в темноту. Желтые лучи фар выхватывают из мрака куски неровной мостовой, узкие тротуары, фигуры редких прохожих. Иногда мелькнет освещенная витрина магазина, терраса крохотного кафе, и снова тянутся пустынные улички. Это Лофос Скузе — один из окраинных районов греческой столицы, где живут ремесленники и мелкие торговцы, рабочие афинских предприятий. Здесь нет особняков с увитыми плющом балконами, с чугунными решетками и пышными кустами олеандра. В Лофос Скузе живут простые люди.

Пересекаем железнодорожную линию Афины — Салоники, и мы у цели нашей поездки. Улица Элиспонту ничем не отличается от десятков других улиц, расположенных поблизости: она так же пустынна и так же по вечерам погружается в темноту. Не без труда находим дом номер тридцать шесть. Здесь живет национальный герой Греции Манолис Глезос.

Стучим крохотным, прикрепленным к двери молоточком. Раздаются чьи-то медленные шаги, и нам открывает дверь пожилая женщина. Она ведет нас через дворик к темнеющему в глубине строению. Потом тихо, нараспев произносит:

— Маноли!

Яркий сноп света вырывается наружу. В дверях стоит улыбающийся Глезос, он дружески протягивает нам руку. Так, взявшись за руки, мы и входим в комнату. Ее убранство отличается изяществом и простотой: небольшой круглый стол, покрытый узорной скатертью ручной работы, ваза с цветами, книжная полка во всю стену, застекленный шкаф, несколько стульев, расписные блюда из керамики на стенах.

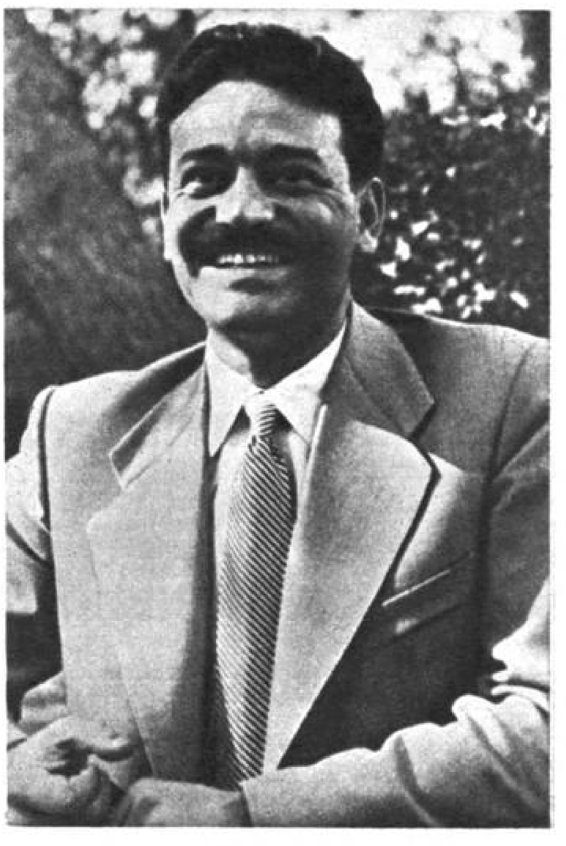
Манолис Глезос убирает со стола бумаги. Перед нашим приходом он работал над статьей. Я спрашиваю, как его здоровье.

— Ничего, спасибо. Теперь я в полном порядке. Только что вернулся со своего родного острова Наксоса, где отдыхал почти целый месяц.

Фигура Глезоса по-юношески стройна. Долгие годы тюрьмы не сломили его. Только темные круги вокруг глаз да бледность лица напоминают о том, что он перенес.

Заключение длилось более шести лет. Дважды Манолис Глезос приговаривался к смертной казни. Его жизнь отстояла сила куда большая, нежели ненависть тех, кто хотел уничтожить Глезоса. Его спасли народ Греции и поддержка всех прогрессивных людей мира. Изо всех уголков Греции, изо всех стран земного шара шли протесты против репрессий, обрушившихся на голову юного героя. Протесты поступали в правительственные органы, в парламент, в газеты. На парламентских выборах 1950 года имя Манолиса Глезоса было вписано в тысячи избирательных бюллетеней, опущенных в урны. Дважды, в 1951 и в 1952 годах, Глезос был избран депутатом греческого парламента. «Свободу Манолису Глезосу!» — требовали портовые рабочие Пирея и виноградари Пелопоннеса, рыбаки Крита и крестьяне Македонии. Это была воля миллионов. И она восторжествовала. Вначале было приостановлено исполнение смертного приговора, затем он был заменен пожизненным заключением. И вот теперь раскрылись двери тюрьмы. Манолис Глезос на свободе!

Своей необыкновенной популярностью в народе Глезос обязан подвигу, свершенному им в годы войны.

Манолис Глезос.
Фото П. Русанова.

...Шел май 1941 года. Гитлеровские полчища заполонили Грецию. Зараженное предательством верховное командование греческой армии фактически капитулировало. Но народ продолжал сопротивляться захватчикам. Долго и мужественно сражались против незваных пришельцев патриоты Крита. Но вот и этот очаг сопротивления был подавлен. В знак полного господства фашистской военной машины в Греции гитлеровцы 30 мая 1941 года вывесили над Акрополем флаг со свастикой.

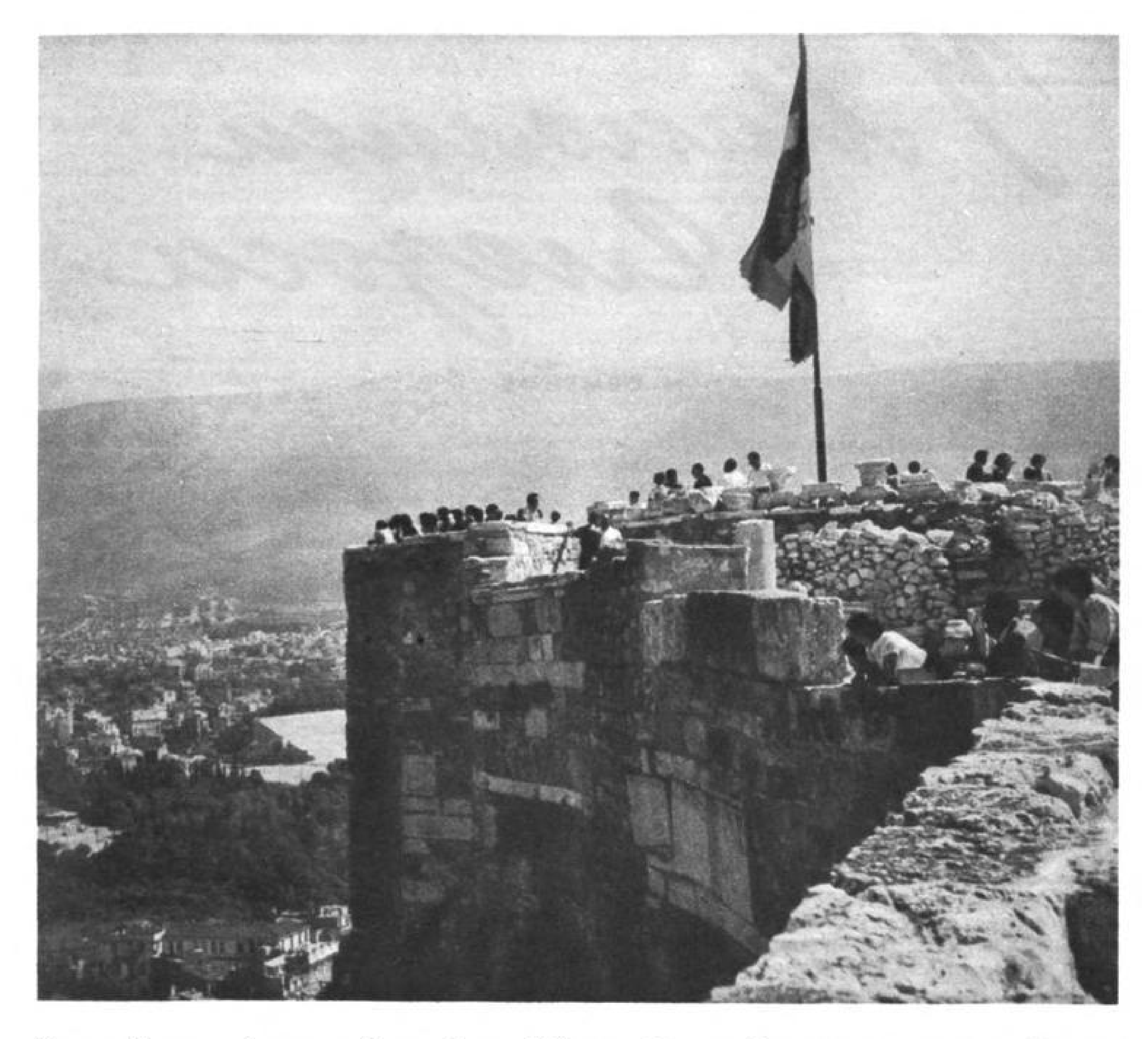
Но уже на следующее утро, 31 мая, афиняне увидели, что над Акрополем развевается национальный греческий флаг. Знамя со свастикой, разорванное в клочья, валялось у древка. Это сделал девятнадцатилетний Манолис Глезос. Рискуя жизнью, он взобрался по южному склону холма на стену Акрополя, сорвал фашистский флаг и водрузил национальный флаг Греции. Весть об этом подвиге разнеслась по всей стране, как могучий призыв ко всем патриотам, поднимавшимся на борьбу с ненавистными оккупантами.

Что же вдохновило юношу на подвиг, откуда черпал он мужество и отвагу?

Я прошу Манолиса рассказать о своей жизни.

Отца Манолис лишился рано. Его мать, сельская учительница, вышла вторично замуж, когда Манолису было двенадцать лет, а младшему брату, Нико, — шесть. Отчим, тоже сельский учитель, хорошо относился к детям. На скопленные за долгие годы деньги он отправил их учиться в афинскую гимназию. Чтобы платить за учение, мальчикам пришлось работать. По вечерам они мыли посуду в аптеке на Синдагме, разносили лекарства. В летние каникулы работали в аптеке с утра и до поздней ночи. Гимназию Манолис закончил в год, когда началась вторая мировая война.

Copyrighted material

Уголок афинского Акрополя. Ночью 31 мая 1941 года Манолис Глезос сорвал вывешенный здесь фашистский флаг и водрузил национальный флаг Греции.
Фото М. Семенова.

К этому времени он был уже активным участником созданной в гимназии антифашистской организации. Греческие войска успешно отражали натиск дивизий Муссолини. Первым побуждением Глезоса было пойти на фронт. Но на мобилизационном пункте ему сказали, что он еще мал. Тогда все свои силы Манолис отдал работе в антифашистских молодежных группах.

Настали черные дни вражеской оккупации. Манолис Глезос и его брат, подросток Нико, остались в Афинах. Как они жили? Аптека, в которой им давали работу, закрылась. И Манолис с Нико сделались уличными торговцами — продавали немецким и итальянским солдатам сигареты, сласти. Об этом периоде своей «коммерческой» деятельности Манолис вспоминает с улыбкой.

— Мы постоянно голодали,— рассказывает он.— Слишком много было продавцов на улицах и мало покупателей. Однажды голод стал особенно нестерпим. Мы проснулись с Нико на рассвете с таким чувством, что если сейчас же чего-нибудь не съедим, то умрем. И мы набросились на приготовленный к продаже засахаренный миндаль. Начал Нико, я охотно к нему присоединился. В течение нескольких минут «товар» был съеден. Так и не утолив голода, мы в корне подорвали экономическую основу нашей семейной фирмы...

Ремесло разносчиков мелких товаров позволяло братьям многое видеть, многое узнавать. Они оказывали услуги подпольному комитету Сопротивления. Выполняя трудные и опасные задания старших товарищей, Манолис не переставал учиться, много читал. Вскоре на страницах нелегальных и полулегальных изданий стали появляться его статьи. Когда были изгнаны оккупанты и в стране воцарилась «отечественная» реакция, репрессии обрушились на Манолиса и его товарищей. Так он очутился за решеткой.

Кажется, ничем нельзя измерить глубину страданий, выпавших на долю Манолиса и его друзей. Ложь и клевета, подлоги и предательство — все было использовано реакцией, чтобы очернить, растоптать, уничтожить людей, поднявшихся на борьбу за насущные нужды народа, за честь и независимость родины.

Мы рассматриваем газету того времени. В ней напечатана речь генерального прокурора на заседании афинского военного суда.

— Господа судьи,— говорил прокурор,— вы должны вернуться мысленно к маю 1941 года, когда этот преступный человек стал повинным в самом низком и позорном поступке, порвав на куски знамя над Акрополем. Обвиняемый... действовал, таким образом, из ненависти к греческому народу и дал немцам первый предлог для притеснения нашего ни в чем не повинного народа... Его голова должна пасть.

Так подвиг, совершенный Глезосом во имя народа, во имя чести и свободы родной страны, был обращен против него! В пустынном зале суда прозвучало слово «Смерть!».

Ночи в камере смертника... На стенах десятки надписей побывавших здесь товарищей — последнее прощание, последние слова о жизни, из которой они уходили. Жизнь! Как прекрасна жизнь! Уйти из нее в самом расцвете сил, когда так много хочется сделать, многое совершить! Но надо взять себя в руки, надо собрать свою волю в кулак. Пока в его груди бьется сердце, он будет бороться...

...Мирно течет наша беседа. Манолис показывает альбом фотографий, вырезки из газет, говорит о своих планах на будущее. Вдруг он спохватывается:

— Глико!

И с виноватой улыбкой бежит на кухню. Он хочет угостить нас сластями. Из кухни доносится звон переставляемой посуды. Моя спутница шутливо замечает:

— Манолис, вы перебьете всю посуду. Какая из вас хозяйка!

— О, вы не знаете моих способностей! — так же шутливо отвечает Манолис.— В тюрьме я научился многим хозяйственным делам. Право же, жена должна гордиться мной!

И он ставит на стол розетки с янтарным вареньем из винограда. В это время со двора доносится возглас:

— Маноли!

Светлая улыбка озаряет лицо Глезоса.

— Это моя Наташа, она вернулась с работы,— говорит он и спешит открыть дверь.

Мы знакомимся. Жена Глезоса Наташа тоже из простой, трудовой семьи. Они встретились в армии Сопротивления и полюбили друг друга. Но им мало пришлось быть вместе. Только теперь кончилась долгая разлука. Наташа работает портнихой в ателье. Она немало гордится этим: найти работу сейчас не очень легко. По счастливой случайности Манолис и Наташа — земляки, уроженцы Кикладских островов. Нежная дружба связывает их, дружба, окрашенная чуть заметной мягкой иронией. Манолис склонен иногда пошутить над портняжным искусством своей супруги, она, в свою очередь, не очень высоко расценивает способности мужа в филологии, наблюдая, с каким трудом даются ему иностранные языки.

Манолис возвращается к разговору о жизни в тюрьме. О, там многому можно было научиться! И он показывает мне модель корабля, сделанную заключенными одной из тюрем на Макронисосе. Корабль оснащен такелажем, парусами, на его борту — фигурки моряков. Кажется, дунет ветерок — и корабль помчится по глади вод. А вот другая модель — уголок острова Наксоса, родины Глезоса. Скромная, крытая черепицей хижина рыбака, несколько оливковых деревьев. Сзади ветряная мельница. Хорош чернильный прибор из орехового дерева, хороши крохотные шахматы, вырезанные из куска пластмассы. Есть фигурки людей и животных, слепленные из хлеба. Все это подарки Манолису Глезосу из различных тюрем Греции. В эти подарки вложен огромный труд, неимоверное терпение и неистребимая товарищеская любовь и солидарность.

Прекрасные глаза Манолиса Глезоса затуманивают слезы. Он говорит о тысячах и тысячах друзей, еще томящихся в тюрьмах, и о тех, кого уже нет в живых. О горячо любимом брате Нико, расстрелянном без суда. О своем долге перед ними.

Когда Манолис Глезос оказался на свободе, он обратился со словами благодарности ко всем людям, боровшимся за его освобождение. Он писал:

«С большим волнением и беспредельной благодарностью обращаюсь ко всему греческому народу.

Благодарю всех простых людей Греции, правых и левых, за сотни меморандумов с тысячами подписей, в которых они требовали моего освобождения...

Все эти возвышенные честные выступления наполняли меня чувством искренней благодарности. Вместе с тем они ко многому меня и обязывают. Я должен ответить делом на надежды греческого народа — видеть Грецию умиротворенной и успокоенной.

Верный своему долгу, моей Родине и греческому народу, я отдам для этого все свои силы».

Почти в каждом номере «Авги» — одной из самых распространенных греческих газет — появляются статьи Глезоса. Он вкладывает в них всю страсть публициста-патриота, борющегося за мир, за национальную независимость, в которой так нуждается Греция. Он выступает против попыток реакции сеять вражду, разжигать ненависть между греками. Он доказывает, что это противно чаяниям народа, желающего видеть Грецию умиротворенной и спокойной.

— Я рассматриваю свое освобождение,— замечает Манолис Глезос,— как начало нового периода. Я хочу думать, что оно — предвестник общей амнистии, которая явится важным шагом для счастья страны.

Манолис волнуется, голос его крепнет:

— Довольно тюрем, ссылок, преследований, террора, уничтожения людей за их политические убеждения! Я говорю властям: «Остановитесь! Этого требует нация!».

Поздней ночью мы покидаем домик на Элиспонту, 36. Манолис провожает нас через узенький дворик. Ночной воздух напоен ароматом распускающихся цветов. Где-то тихо журчит вода. Последнее дружеское рукопожатие.

Уже за калиткой я слышу голос Манолиса:

— Привет Москве!

Афины.

Copyrighted material

И. И. Бродский (1883—1939). К. Е. ВОРОШИЛОВ НА ЛЫЖНОЙ ПРОГУЛКЕ.

«Огонек». 1954.

И. И. Бродский. ЗА РАБОТОЙ.

ЖИВОПИСЬ И. И. БРОДСКОГО

Художественная общественность страны отмечает 15-летие со дня смерти одного из основоположников советской живописи, И. И. Бродского.

Творчество Бродского, многогранного мастера, с равным успехом работавшего над тематической картиной, в портрете, пейзаже, завоевало широкую популярность в народе. Такие полотна художника, как, например, «В. И. Ленин в Смольном», известны буквально всем.

Ученик И. Е. Репина, Бродский был страстным поборником реализма, правды, народности искусства. С первых дней Октябрьской революции Бродский посвятил свое творчество интересам советских людей. С огромным увлечением работал художник над воплощением в живописи образа Владимира Ильича Ленина. Художник создал большое число произведений, посвященных великому основателю Советского государства, причем в основе всех этих работ лежали натурные зарисовки, сделанные Бродским при жизни Владимира Ильича.

Тесная дружба связывала Бродского с А. М. Горьким. Портрет Горького-буревестника, написанный Бродским, относится к лучшим портретным изображениям писателя.

Картина «К. Е. Ворошилов на лыжной прогулке» — блестящее достижение художника. В этой картине нашла творческое воплощение многолетняя упорная работа Бродского и над портретом и над пейзажем.

Картина «Зимний пейзаж» позволяет понять путь, по которому шел Бродский к пейзажу в картине «К. Е. Ворошилов на лыжной прогулке». В «Зимнем пейзаже» та же многоплановость композиции, стремление

Copyrighted material

И. И. Бродский. АЛЛЕЯ ЛЕТНЕГО САДА.

Copyrighted material

И. И. Бродский. ЗИМНИЙ ПЕЙЗАЖ.

взять высокую точку и отсюда, с горы, обозреть бескрайные просторы, не упуская ни единой детали.

Об особенности творчества Бродского, которая отчетливо видна в «Аллее Летнего сада», писал Репин: «тонкость и изящество линий. Это свойство редкое и драгоценное. Оно говорит о глубокой любви к искусству и о той скрытой красоте, которую не всякий художник постигает в натуре. Это первое: видеть и полюбить; а за ним следует второе: недосягаемое всякому, воспроизвести... Меня восхищает,— продолжал Репин,— в произведениях Бродского, после его дивных тонких линий истинной красоты, его колорит: скромный, глубокий, своеобразный и всегда неожиданный...»

Каждая работа Бродского — плод тщательной и терпеливой работы замечательного рисовальщика и живописца. «Запасайтесь маленькими кисточками и большим терпением,— наказывал Бродский своим ученикам, когда он был директором Всероссийской академии художеств. — В работе очень важны спокойствие и сосредоточенность. Темпераментность заключается не в том, чтобы вытирать о себя кисти...»

Пейзажи Бродского всегда отличались масштабностью и в то же время мастерской передачей прихотливых узоров ветвей, филигранной проработкой жанровых деталей. Эти полотна объединяет любовь к родной природе, одухотворенной трудом человека.

Четвертая из публикуемых работ Бродского — жанровый этюд «За работой» простой по своему решению, милый и задушевный.

Творческое наследие Бродского весьма велико. Оно занимает почетное место в истории советского искусства.

Е. БРАГИН

Copyrighted material

Памяти товарища

23 ноября 1954 года воины Советской Армии, советские писатели, многочисленные читатели проводили в последний путь генерал-лейтенанта А. А. Игнатьева, автора известной книги «Пятьдесят лет в строю».

С детских лет его готовили для военной службы. Он начал ее в Киевском кадетском корпусе, кончил пажеский корпус и академию генерального штаба. Это было широкое по тем временам военное образование. Участвуя в русско-японской войне, Игнатьев разглядел многие язвы царского строя, увидел мужество, самоотверженность русских солдат и навсегда проникся любовью к крестьянам и рабочим в солдатских шинелях.

Дальнейшая служба Игнатьева протекает за границей. Он с горечью убеждается в ограниченности, бездарности, трусости царских дипломатов, мужественно старается отстаивать честь и достоинство России. Обо всем этом правдиво и искренне повествует книга Игнатьева. Добрую память о нем сохранили солдаты русского экспедиционного корпуса, сражавшегося во Франции в годы первой мировой войны.

Великая Октябрьская революция застает Игнатьева во Франции. В окружении отъявленных врагов молодой Советской республики, не слушая клеветы, брани и угроз зачинщиков интервенции, он всем сердцем патриота, русского человека чувствует великую правду социалистической революции и без колебаний переходит на сторону народа. Он порывает со средой, в которой вырос, со «столбовым дворянством», знатью, кичившейся близостью к трону. Стойко, с достоинством, Игнатьев выносит травлю контрреволюционеров, белых эмигрантов, и отдает свои знания, всего себя советской дипломатической работе, завоевывая дружбу и глубокое уважение товарищей.

За границей он пишет и первые главы книги «Пятьдесят лет в строю», книги, которую впоследствии посвятил советской молодежи.

Возвратившись в Москву в 1937 году, Игнатьев, несмотря на преклонный возраст (Алексей Алексеевич родился в 1877 году), с увлечением работает в военно-учебных заведениях, в Военном издательстве, в годы Отечественной войны выступает в печати как литератор-публицист. Книгу «Пятьдесят лет в строю» Игнатьев представляет на суд советского читателя и с удовлетворением видит, что тот полюбил ее. Советские писатели с уважением принимают в свою среду Алексея Алексеевича Игнатьева.

Советские писатели будут помнить своего отзывчивого, жизнерадостного товарища, автора умной, талантливой книги, которая остается в строю лучших книг о прошлом нашей Родины.

Л. НИКУЛИН

Выставка строительной индустрии

Башенные краны над растущими ввысь стенами новых строений прочно вошли в пейзаж современного советского города. Но даже видавших виды москвичей поражает картина, которая открывается во дворе одного из домов по Фрунзенской набережной.

Многоэтажное здание давно отстроено, заселено, но стоит обойти его сзади, как сразу почувствуешь себя на строительстве. Ажурные переплеты стальных мачт и стрел закрывают добрую половину небосвода. Одни краны стоят неподвижно; другие не спеша катятся по рельсам; третьи передвигаются на гусеничном ходу. Громыхают ковшами экскаваторы, сверкают свежей окраской грейдеры, бульдозеры, скреперы, шумят лебедки, тарахтят передвижные электростанции. Машин так много, что только диву даешься, как умудрились разместить их на такой ограниченной площадке. А тут еще рядом с кранами представлены железобетонные панели, шлакоблоки, керамика, лепные украшения — все то, из чего в конечном счете складывается облик здания.

В Москве, на Фрунзенской набережной, в новой экспозиции открылась на днях Постоянная Всесоюзная строительная выставка. В четырнадцати павильонах и залах, а также на открытых площадках размещено более восьми тысяч экспонатов.

Большой интерес представляет раздел выставки, посвященный сельскому строительству. На стендах показано, как в сооружении жилищ, хозяйственных построек, сельских гидростанций наряду с деталями, изготовленными на заводах, широко применяются местные материалы.

Специальный павильон посвящен крупным гидротехническим сооружениям. Там демонстрируются макеты, действующие модели, многочисленные фотографии крупнейших гидроэнергетических строек на Волге, Каме, Днепре, Ангаре, Оби, Иртыше.

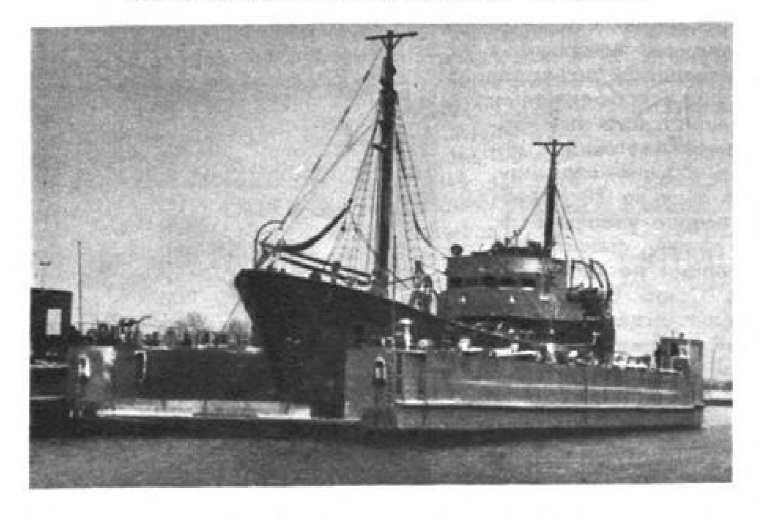
С. МЕСЯЦЕВ

На снимке: экспонаты строительной выставки.

Фото А. Бочинина.

МОРСКОЙ РЫБОЛОВНЫЙ ТРАУЛЕР

Морской траулер на Днепре.

Фото А. Струкова.

Со стапелей днепровской верфи судостроительного завода «Ленинская кузница» в Киеве спущен рыболовный траулер. Судно оснащено современным оборудованием, на нем созданы все удобства для жизни и работы экипажа.

Морской траулер предназначен для промыслового лова донных пород рыб: трески, камбалы, морского окуня,— а также для лова сельди.

После ходовых испытаний на Черном море траулер будет передан мурманским рыбакам.

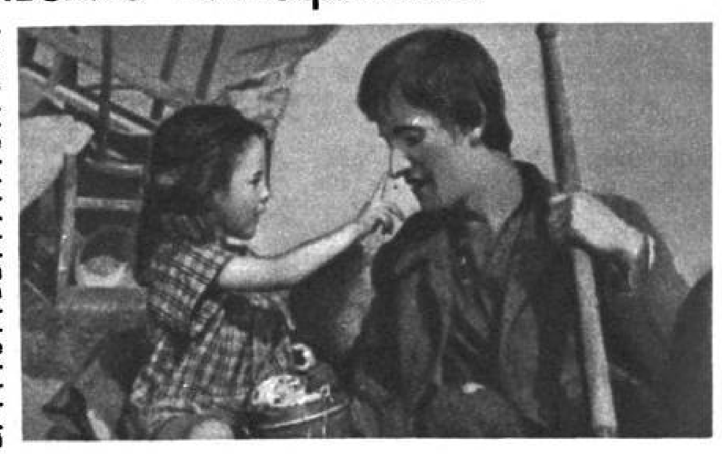
В. ШУМОВ

Польские кинофильмы

В ноябре в Москве и других крупных городах нашей страны проводился фестиваль кинопроизведений Польской Народной Республики. Многие фильмы, представленные на фестивале, уже знакомы советскому зрителю, но попрежнему пользуются заслуженным успехом: кинокартины «Запрещенные песенки» и «Непокоренный город», воссоздающие сцены героической борьбы польского народа против фашистских захватчиков, фильмы биографического жанра, посвященные жизни и творчеству Фредерика Шопена («Юность Шопена») и Станислава Монюшко («Варшавская премьера»). Такие фильмы, как «Первый старт», «Две бригады», «Чертово ущелье» и сатирические комедии «Мое сокровище» и «Дело, которое надо уладить», говорят о стремлении польских кинематографистов отразить значительные перемены, происходящие в жизни современной Польши. Среди кинопроизведений, показанных на фестивале, три новых фильма: два художественных и один документальный.

...В глубине изысканно обставленного кабинета пожилой холеный человек небрежно раскладывает пасьянс. Благообразна его внешность, необыкновенной мягкостью отличаются интонации голоса. Но тем более жесток смысл его слов, обращенных к двум крестьянам, отцу и сыну: помещик отказывается уплатить за работу, которую они выполнили. Мольбы старика не помогают. И тогда неожиданно его сын, худой, угрюмый, босоногий, молча сжимая в руке топор, надвигается на обидчика. И столько гнева и ненависти в его взгляде, что рука помещика поневоле протягивает деньги...

Так мы знакомимся с крестьянским парнем Щенсны, героем нового художественного фильма «Дороги жизни». Кинокартина свидетельствует об огромном даровании актера Юзефа Новака (исполнителя роли Щенсны) и постановщика-режиссера Ежи Кавалеровича. Зритель видит, как темный, забитый юноша, придавленный нуждой и опутанный предрассудками, постепенно приходит к пониманию необходимости борьбы за освобождение своего народа.

Кадр из фильма «Дороги жизни».

В основу сценария положена первая часть недавно изданного романа Игоря Неверли «Дневник с фабрики «Целлюлоза», завоевавшего широкую популярность в Польше и удостоенного Государственной премии. Дальнейшая судьба героев кинокартины находит продолжение в фильме «Под фригийской звездой», где показано участие Щенсны в рабочем движении.

С интересом встретили зрители и другой новый фильм, кинокомедию «Случай на Мариенштате» (сценарий Л. Старского, постановка Л. Бучковского), героями которой являются строители новой Варшавы.

Новый хроникальный фильм «Варшава» был отмечен премиями на международном кинофестивале в Венеции и Всемирном фестивале молодежи в Бухаресте. Авторов — кинорежиссера Л. Перского, литератора К. Малцужинского, архитектора С. Янковского и оператора С. Спрудина — объединяла одна идея: Варшава — это символ мирного творческого труда польского народа.

Фестиваль был ярким доказательством того, что польское киноискусство сделало крупный шаг на пути к зрелости и мастерству.

Л. АНАТОЛЬЕВ

Copyrighted material

На площади Сталинграда в Париже. Церемония возложения венков у подножия дерева Свободы, посаженного в 1944 году.

НАША ДРУЖБА

Заметки французского журналиста

Макс ЛЕОН

Каждое утро, в четверть девятого, мой знакомый мосье Дюфур запирает дверь, закуривает сигарету и спускается по лестнице. Он не из тех, кто опаздывает и торопится: на станцию метро он приходит ровно в половине девятого, покупает газету и спокойно ждет поезда. Хлопают двери вагона, мосье Дюфур неторопливо оглядывает пассажиров, потом раскрывает газету «Фигаро».

Интересно было бы узнать: сколько неправды о Советском Союзе прочел мосье Дюфур за эти годы на страницах своей газеты? Это не поддается подсчету; «Фигаро» рассказывала ему такие «ужасы», что впору волосам подняться дыбом...

Однако я забыл сообщить читателям еще одну подробность: парижанин Дюфур ежедневно в 8.30 садится в поезд метро на станции, носящей название «Сталинград». Я не пытался проникнуть в мысли мосье Дюфура. Трудно сказать, что приходит ему в голову, когда он машинально утром и вечером читает слово «Сталинград» на стене станции метро. Возможно, что сила привычки стерла в его сознании подлинное значение этого слова. Впрочем, дело не в слове. Важен факт. Даже «Фигаро», изо дня в день выцеживающая на свои страницы антисоветскую клевету, не в силах помешать тому, что героическая эпопея Сталинграда продолжает быть для миллионов французов символом надежды, символом победы сил мира.

* * *

Можно ли забыть вечера у подпольных радиоприемников, когда мы жадно ловили каждую весточку с Восточного фронта! В темной ночи оккупации это был луч света.

Вспоминаются мне двое стариков, муж и жена; они с опасностью для жизни укрывали нас в Эврё. Они сидели обычно, склонившись над приемником, и, если новости были хороши, тихо плакали от счастья. Потом мы все вместе отмечали на старой школьной географической карте победы, ценой гигантских усилий одержанные нашими советскими братьями.

...Шел 1944 год. Весна согревала людей своим теплым дыханием. 30 апреля во дворе тюрьмы Сантэ, где мы сидели, гитлеровцы расстреливали заложников, наших товарищей. Через решетки окон тюремных камер вырвался могучий крик — приветствие нашим героям, проклятие их палачам. Это был единодушный возглас 600 человек: коммунистов, социалистов, деголлевцев — людей всех взглядов и убеждений. Это была клятва: мы обещали изгнать захватчиков из Франции и сделать все, чтобы помочь нашим союзникам, прежде всего русским, разгромить ненавистного врага.

В те дни французы готовили победу на родной земле. А французские летчики из эскадрильи «Нормандия — Неман» бок о бок с советскими боевыми летчиками героически сражались с фашистами в советском небе.

* * *

Велика и неисчерпаема признательность французов советскому народу, разгромившему гитлеровские полчища и освободившему Европу от фашистского порабощения. Франко-Советский договор о союзе и взаимопомощи, подписанный в Москве 10 декабря 1944 года, вселял уверенность, что страшная ночь фашистской оккупации Франции не повторится. Советский Союз был единственной из великих держав, сразу признавшей временное правительство Франции. Великая Советская страна всем своим могуществом гарантировала нашей родине безопасность от угрозы новой агрессии. Миллионы французов от всего сердца приветствовали этот договор, видя в нем краеугольный камень мирного будущего Европы.

Но очень скоро возродился заговор реакции против франко-советского сотрудничества. Ложь и клевета на Советский Союз снова запестрели на страницах некоторых французских газет. Была пущена в ход бесчестная формула о «советских танках, ныне угрожающих миру». Прислуживавшие американцам журналисты на все лады стали склонять гнусные слова «железный занавес». Любой проходимец, любой уголовник мог сделать себе карьеру, выступив в качестве «жертвы» советского режима.

Итак, история повторяется? Нет! Во Франции ширится народное движение, могучее и несокрушимое, против тех, кто хотел бы повторить катастрофу 1940 года. Миллионы французов бережно хранят в своем сердце, как клятву, слова Мориса Тореза: «Народ Франции не будет, никогда не будет воевать против Советского Союза».

Мощь этого движения уже отразилась на таких важных политических событиях, как соглашение об Индо-Китае, достигнутое в Женеве, как отклонение Национальным собранием договора о «европейском оборонительном сообществе». Выдающаяся роль Советского Союза в борьбе за мир, его предложения о договоре коллективной безопасности, включающем все народы Европы, о мирном разрешении германского вопроса, о частичном разоружении и запрещении оружия массового уничтожения — все это побуждает людей, далеких от коммунизма, присоединять свой голос к требованиям об укреплении франко-советской дружбы.

Каждый честный француз видит, что расширение культурных и экономических связей между Францией и Советским Союзом может дать выход из состояния упадка, в котором находятся некоторые отрасли французской экономики, может помочь взаимному обогащению французской и советской науки и техники. Настойчивая, последовательная и благородная политика мира, которую проводит Советский Союз, делает все новые миллионы французов горячими сторонниками франко-советской дружбы.

Вот почему и такие люди, как мосье Дюфур, подписывают сегодня петиции против ремилитаризации Западной Германии, все настойчивее требуя, чтобы уважался Франко-Советский договор о союзе и взаимопомощи.

У станции «Сталинград» парижского метрополитена.

Copyrighted material

ПОЕЗДКА

Рассказ

Станислав МЕЛЕШИН

Рисунки В. Богаткина.

1

Грузовик мягко катил по наезженной дороге, потряхивая пустым кузовом на ухабах. Давно уже кончились ожидающие сева пашни, тяжелыми увалами уходящие за горизонт. Южноуральская степь медленно развертывала свою однообразную и неяркую красоту. В бурой скучной степи весело зеленели редкие поляны на влажных низинах возле одиноких берез.

По бездонному весеннему небу чертил ястреб, косо взлетая и падая, как камень.

В кабине было душно, пахло бензином, стоялым табачным дымом, и Зое хотелось спать.

Вдруг теплый майский дождь затанцевал перед кабиной. Летящие капли просвечивались в лучах солнца, становились разноцветными, будто стеклянными, и Зое казалось, что они звенят, падая под колеса. Она высунула руку в окно дверцы, подставила ладонь теплым стремительным каплям. Взглянув на хмурого шофера, подосадовала: как это Семен может быть безразличным к этой светящейся и поющей влаге!

Семен яростно нажимал на педали, как бы стараясь обогнать дождь. Когда ливень перестал — так же неожиданно, как и начался,— Зое показалось, что Семен обогнал все-таки дождь, и она позавидовала его профессии.

Степь потемнела. Красно-лиловые облака сгрудились у горизонта за далекой березовой чащей.

— Красота-то! Земля сейчас, как лицо у человека... Степь дышит!

— Что?.. Дождь?.. — не расслышав, переспросил Семен, передернув плечами.— Не хватало его! Еще зерно намочим.

— Не бойся, Сема: брезентом укроем!

Зоя радовалась: Семен заговорил. Исчезло наконец гнетущее молчание. С самого утра он не в духе: нужно было ехать в соседний колхоз за зерном, его искали по всей деревне, а он сидел у вдовы Дементьевой. Отказывался ехать: голову ломило с похмелья. Ему было все равно, что их колхоз расширял этой весной посевную площадь за счет суглинистых пустошей, на которых давно уже не сеяли хлеб, и пришлось брать взаймы зерно из семенного фонда соседнего колхоза.

Семен молча переключал скорости, рулил, хмуро всматриваясь вперед. Зою злило, что он опять замолчал, замкнулся в себе и не обращает на нее никакого внимания, будто ее вовсе нет в кабине.

— До чего же ты скучный! Полынь, а не человек!

— Помолчи, таранта! — грубо бросил Семен.

Зоя растерялась и почувствовала, как внутри у нее похолодело. Наклонив голову, она тихо, по-детски произнесла:

— Я не таранта, а... Зоя Макарова.

— Скажите, пожалуйста! — насмешливо протянул Семен и отвернулся.

Семен вдруг показался Зое далеким и чужим, с какой-то своей, непонятно прожитой жизнью. Равнодушие Семена и его тяжелое молчание Зоя объясняла тем, что он мало ее знает или просто считает девчонкой, которая еще не понимает, что такое жизнь и как нелегко иногда бывает человеку.

Зоя была старшей в семье. Видя, как трудно отцу одному содержать и воспитывать четырех детей, она, окончив семилетку, стала работать учетчицей в колхозном зернохранилище. Зоя часто видела Семена и в поле, и в клубе, и в правлении колхоза. Она знала о нем только то, что он вернулся недавно из армии, что ему предлагали работать секретарем сельсовета, но он отказался, так как имел права шофера и любил, по его словам, «жизнь на колесах». По деревне о Семене шла недобрая молва: живет у вдов, часто пропадает где-то с машиной, пьянствует, опаздывает на работу, грубит, когда его совестят. При всем том Семен никогда не ввязывался в драки, любил свою старую мать, и Зоя знала, что многие девушки втайне вздыхают по нем и ревнуют друг к другу.

Он ей тоже нравился. Но Семен ее совсем не замечал и, как казалось Зое, даже не знал ее имени. В последнее время она часто видела его во сне. Во сне все было просто: она разговаривала с ним, он кивал головой и улыбался. А наяву, увидев Семена, Зоя стыдливо отворачивалась, краснела, ругала себя и больше всего боялась, чтобы он не догадался, что нравится ей, и не высмеял при всех. А сейчас он сидел рядом с ней, плечом к плечу, и казался не таким, как о нем говорят люди, а простым парнем-шофером. Зоя думала так потому, может быть, что Семен был сейчас у нее в подчинении и ехал с ней получать зерно, за которое отвечать будет она, учетчица Зоя Макарова...

Дикая степь кончилась. За окном машины, вплотную подступая к дороге, раскинулась свежая, хорошо проборонованная пашня.

Въехали в деревню. Проезжали по улицам мимо больших изб, мимо густых тополей, которые казались синими; наступал вечер.

— Быстрей, Сема, быстрей! — торопила Зоя.

Шофер покосился на нее, но ничего не сказал. Когда подъехали к семенному амбару, у Зои сжалось сердце: сутулый кладовщик с белесыми усами навешивал тяжелый замок на окованные полосовым железом двери амбара. Толстая девушка-учетчица стояла рядом и заплетала косу. Грузчики сидели в стороне и ели соленые огурцы с хлебом. У весов шмы-

Copyrighted material

гала серая от пыли курица и, воровато оглядываясь, клевала просыпанные зерна.

Зоя на ходу выпрыгнула из кабины, крикнула нарочито веселым голосом:

— Здравствуйте, люди добрые! Я к тебе, товарищ Кожин. Подожди запирать! Вот накладные на зерно...

Кладовщик нехотя обернулся, нагнул голову, как бы говоря: «Это что еще за-птица прилетела?!», — и скрипуче засмеялся:

— Ничего не знаю, гражданочка. С этой минуты общественное кончилось — личное началось. И устал я! И спать пойду!

Зоя заметила, что кладовщик был весь рыжий, а толстушка-учетчица одета в плохо сшитое платье горошком. Стоит и улыбается Семену, бесстыжая!

Кладовщик покрутил большим ключом перед носом Зои и спрятал в карман. Зоя растерянно взглянула на Семена, не зная, что дальше делать, как пронять Кожина. Семен стоял у радиатора и с интересом прислушивался к спору. «Стоит, слушает, будто мы тут концерт для него разыгрываем!..» — осудила Зоя. Семен ленивой развалкой подошел к толстушке, поздоровался с ней за руку и, поглядывая на Зою, что-то сказал. Учетчица прыснула со смеху. Зоя вдруг остро возненавидела красивое, улыбающееся лицо Семена и всю его сильную, ладную фигуру.

— Посторонитесь, гражданочка! — сказал кладовщик, отходя от амбара.

Зоя загородила ему дорогу и тонким, срывающимся голосом крикнула, злясь сейчас больше на Семена, чем на кладовщика:

— Не уходи! Все равно с постели подыму!

— Не испугала! — отмахнулся Кожин.— Сказано: работа до шести ноль-ноль... Закон! Завтра во-время приедешь — весь твой буду... У меня уж и сторож пришел.

Высокий старик с берданкой на плече остановился возле машины и дымил цыгаркой, как бы говоря: «Воюйте, граждане, мне-то что!» Все время чувствуя за спиной присутствие Семена, Зоя заговорила быстро и гневно, размахивая накладными и наступая на кладовщика:

— И как тебе перед людьми не стыдно?! Такие, как ты, вроде палки в колесе... Через таких вот равнодушных людей, как ты и... другие, у нас до сих пор и неполадок в жизни много!..

На минуту наступила тишина. Кашлянул сторож. Вспорхнула и побежала курица. Грузчики не хрустели больше огурцами. Семен отвернулся от толстушки и пристально смотрел на Зою, будто впервые ее увидел.

Кожин отступил на шаг и едко сказал:

— Масштабами бьешь, да? Молодая, грамотная, нас учить приехала, да?

Зоя приподнялась на цыпочки, собираясь крикнуть Кожину в лицо что-то самое гневное и обидное.

— Повремени, Зойка! — спокойно сказал Семен.— Не ешь дядю Кожина живьем: сырой он невкусный! — Широко шагая, Семен быстро подошел к спорящим, протянул руку кладовщику: — Привет начальству!.. Что, своих не узнаешь?! На свадьбе твоего племяша пилигуляли, позабыл? А я до сих пор помню, как ты тогда барыню отхватил — всем молодым нос утер!

Кладовщик кулаком расправил белесые свои усы и скромно сказал:

— Было дело!.. То-то я смотрю, фигура вроде знакомая. Что припозднился? Авария?

— В кювет машину завалил,— соврал Семен.— Не заставляй назад порожнем ехать, будь другом!

Кожин перевел глаза с Семена на Зою и сказал, сдаваясь:

— Только для тебя распорядок дня нарушаю. Ради старого знакомства.

Он вынул из кармана ключ и пошел к амбарной двери. Семен подмигнул Зое, и та поспешно отвернулась, чтобы Семен не видел, как она обрадовалась тому, что сейчас они получат зерно, что он оказался сознательнее, чем она думала, и что ему все-таки известно ее имя...

Но признательное чувство к Семену улетучилось очень быстро. Стоя в кузове, Зоя одна принимала зерно, разгребая его тяжелой лопатой. Семен, покуривая, опять болтал с толстушкой и нарочно пускал ей дым прямо в глаза. Учетчица чихала и кашляла, но, потеряв всякое женское самолюбие, от Семена не отходила. Зое было тяжело, ныли руки. Она старалась не глядеть на Семена с учетчицей, не слышать их смеха, и зерно, которое ссыпали в машину грузчики, казалось ей горохом — жестким и тяжелым.

Когда погрузка окончилась, учетчица подписала накладные. Зоя взяла их и встретилась взглядом с Семеном. Она покраснела и стала читать накладные, держа их двумя руками перед лицом, как будто смотрелась в зеркальце. Пока Зоя накрывала брезентом зерно, Семен, не стесняясь чужих колхозников, рядился с нивесть откуда взявшимися незнакомыми людьми, сидящими на узлах и рюкзаках. Подойдя вплотную к Зое, он спросил небрежно:

— Возьмем попутчиков? Выпить охота!

Зоя ответила громко и непреклонно, чтобы слышали все: и учетчица, и грузчики, и незнакомые люди:

— Никого мы не возьмем! За зерно я отвечаю.

— Понятно! — сказал Семен. — Благодарность за то, что я уломал Кожина...

2

Долгое время они ехали молча. На душе у Зои было как-то смутно, хотелось поскорее приехать домой, сгрузить зерно и одной, на досуге, разобраться, наконец, что за человек Семен и почему хорошие ребята не нравятся ей, а такой вот никчемный человек снится по ночам.

Семен просигналил: на дороге скакали воробьи, взлетая прямо из-под колес. Он усмехнулся, когда стая перелетела вперед и снова села на дорогу.

— Вот черти... перелетные! — сказал он и неожиданно спросил Зою: — Думаешь, обидела меня, что не дала на попутчиках заработать?

— Думаю, обидела... — осторожно проговорила Зоя, подозревая какой-то подвох.

— Ну и думай: может, волосы курчавей станут! — пошутил Семен, помолчал и добавил: — Плоховато ты все-таки обо мне думаешь, девонька!

— По заслугам,— ответила Зоя, и Семен заметно помрачнел.

— Да я, может, рад, что на выпивку не заработал! — выпалил вдруг он.— Рад! Можешь ты такое представить, Зоя Макарова?

— Представить я могу, а только... ничуть ты не рад, а так... хитришь только.

Семен насупился, не зная, как добиться того, чтобы Зоя поверила ему. Семену почему-то очень хотелось, чтобы Зоя верила ему — верила и не сидела бы в кабине так строго.

Когда переезжали сухой овраг, машина накренилась на левый борт и как будто провалилась куда-то. Зоя вскрикнула: «Ой!» — и схватила Семена за плечо. Семен усмехнулся, вывел машину из оврага и покатил быстро по ровной и гладкой дороге.

— Хорошо едем! — похвалила Зоя.

Семен давно уже знал, что шофер он хороший, но сейчас ему особенно приятно было услышать похвалу. Он думал, что Зоя, наверное, умнее его и грамотнее, имеет свою определенную линию в жизни, и чувствовал, что малость побаивается ее. Украдкой Семен с любопытством посматривал на Зою. Ему нравились ее маленькое чистое лицо с тугими черными косами, строгий взгляд темнозеленых больших глаз, плотная, литая фигура и маленькие пухлые губы. Но вся она, когда говорила что-либо обидное для его самолюбия, казалась ему злой, чужой и далекой.

Невольно он сравнил ее с другими девушками, которых знал, и не нашел в ней ничего особенного, что отличало бы ее от них, кроме душевной гордости и строгой самостоятельности, и недоумевал теперь, за что же он начинает ее так уважать и даже побаиваться.

— Жен-щи-ны! — вслух сказал он.

— Сказку про колобок знаешь? — спросила Зоя.— Бабушка поскребла-помела по сусекам и спекла колобок.

— Ну и что? — заинтересованно отозвался Семен.

— Вот и мы сейчас такой же колобок везем в свой колхоз. Только зерно не на хлёбы пойдет, а на посев.

— К чему это ты? Не пойму.

— Да так... в голову пришло. Тяжело людям хлеб достается, не как иным, которые легко привыкли жить...

— А-а... — протянул Семен, догадался, что последнее относится к нему, но не обиделся.— Сказочница, подумаешь!..

«Перевоспитывать начинает!» — решил он, и ему стало весело. Он взглянул на белый и круглый зоин лоб, на плотно сжатые губы и подумал о том, что она, наверно, еще ни с кем не целовалась. Ему захотелось вдруг крепко подружить с ней, чтобы можно было говорить с ней обо всем, что придет в голову.

— Знаешь,— доверительно сказал он,— приехал я из армии — и скучно мне показалось. Друзей нету, все разъехались кто куда. Одно только утешение — работа вольная. Едешь один — и никого над душой...

— Друзья новые будут,— отозвалась уверенно Зоя.— И в деревне найдешь, да и люди теперь со всех концов едут к нам. Газеты ведь читаешь?

Семен поспешно кивнул головой, и Зоя поняла, что газеты он читает нерегулярно.

— Вот, говорят, пьяница я. А разве я сейчас так пью, как раньше? Просто выпью иногда... от скуки. А когда-то пил сильно — это верно. Вот слава недобрая и плетется за мной. Пей теперь — не пей, все равно пьяницей прослыл. Вот и пью — все равно уж!

— Хитро ты надумал! — удивилась Зоя. И решила: «Одинок он. И работа для него — только обязанность. Нужно зарабатывать, чтобы мать кормить. А после работы — выпить от скуки. К вдове сходить — тоже от скуки...»

Семен, словно догадавшись, о чем думает Зоя, сказал:

— Чего ты покраснела? Наверно, и у тебя есть кавалер — брюки клеш! Ведь есть, признайся!

— Целых три штуки! — выпалила Зоя, сердясь на Семена за то, что он не постыдился заговорить с ней об этом.

Семен безошибочно определил, что ни одного кавалера у Зои нет, повеселел и повел машину еще быстрее.

А потом грузовик долго взбирался на гору, натужно жужжа мотором. Семен покраснел от напряжения; на щеках вздулись желваки, глаза прищурились, и Зое казалось, что машина не хочет взбираться на гору и Семен тащит ее на себе. Она впервые подумала, что шоферская работа не такая уж легкая и Семен устал за рулем. Ей стало по-настоящему жаль его, словно Семен был не чужим парнем, а ее родным братом.

В кабине теперь было не так душно, не пахло бензином и махоркой. Семен почему-то забыл о куреве, и Зое хотелось сказать ему: «Ты долго не курил...» Она посмотрела на него свободно и открыто, заметила на щеке пятно от машинного масла и капельки пота и инстинктивно потянулась к Семену:

— У тебя щека измазана, на платочек.

Семен платка не взял, вытер ладонью обе щеки и благодарно кивнул Зое.

Copyrighted material

Когда одолели трудный подъем, они вздохнули и улыбнулись друг другу.

— Сейчас с горы покатим. Люблю... как птица летишь! — сказал Семен, нажимая на педали.

Зоя встревожилась. Впереди дорога была в колдобинах и выбоинах: пастухи здесь всегда перегоняют через дорогу стадо. Семен, усмехнувшись, блеснул озорным взглядом:

— Эх, и прокачу же я тебя, Зойка! Боишься?

— Я тебе прокачу! — И радуясь и осуждая, сказала Зоя и положила руку на руль, жалея, что не умеет управлять машиной.

Грузовик под уклон набирал скорость. В кабине стало холодно от встречного ветра.

— Осторожней, зерно не рассыпь! — крикнула Зоя.

У Семена хищно раздулись ноздри, лицо его стало неприятным. «Противный какой! — подумала Зоя.— На пьяного похож...» Впереди чернел кювет, дорога резко сворачивала в сторону. Семен затормозил, выровнял движение. Машина благополучно миновала поворот, и вдруг, когда Зоя уже облегченно перевела дух, грузовик развернулся, осел на заднее колесо и остановился на самом краю дороги.

— Вот и прокатил! — зло сказала Зоя, выпрыгивая из кабины на куст боярышника и не чувствуя сухих колючих шипов.

Семен вылез из кабины, виновато посматривая на Зою. Она хозяйственно ощупывала вялую покрышку колеса.

— Менять придется, Сема-шофер. Как вы думаете?

Семен промолчал, досадуя на то, что провозиться с колесом придется долго, до самой ночи. Солнце уже скрылось, наступил синий вечер.

Вдвоем подкатили к оси запасной скат. Зоя говорила сердито, будто этой аварией Семен лично ее обидел:

— Я думала, что ты хоть шофер хороший, а ты лихач... Видали мы таких лихачей! Они по жизни лихо прокатиться хотят и... часто шею себе ломают!.. Я тебя понимаю, как миленького: подобрала под тебя ключ!..

— Ну ладно, Зоя...

— А ты чего стоишь, глазами хлопаешь? Ремонтируй! — Зое понравилось растерянное выражение лица Семена. Она погасила улыбку и сказала убежденно: — Залежь ты! Тебя, как землю, тоже поднимать надо. Вспахивать душу твою. У-у! Небритый, зарос! Эх, ты... транспорт!

— Начитанная ты... — отмахнулся Семен, накручивая домкрат.

Зоя наблюдала, как поднималось крыло машины. А потом Семен полез под кузов с гаечным ключом и остановился в нерешительности перед дождевой лужей. Зоя поискала глазами вокруг доску или хотя бы щепку какую, но ничего не нашла.

— Эх, жизнь шоферская! — сказал Семен и плюхнулся в лужу.

«Привык по пьяному делу в лужах барахтаться — ему и ничего!» — решила Зоя. Семен распластался на спине, взмахивая руками, подтягиваясь, будто искал ногами точку опоры. Вид у него был работящий, старательный, и Зоя сменила гнев на милость.

— Подержи-ка! — деловито попросил Семен, протягивая из-под кузова гаечный ключ.

Рукоятка ключа была теплая: Семен нагрел ее своими большими руками.

— Готово! — Семен вылез из-под машины, выпрямился во весь рост и широко расставил руки, как бы собираясь обнять Зою.

Зоя отпрянула, засуетилась:

— Зерно-то цело?

Семен перевалился через борт, заглянул под брезент.

— Здесь... твой колобок!

Он спрыгнул на землю, по-мальчишески шмыгнул носом, встретившись с зойкиными ласковыми глазами. Подумал: «Легко с ней! Отчитала, а не обидно... Как это она? «Душу вспахивать»!

— Поехали, поздно уже... — смутившись от его пристального взгляда, сказала Зоя.

— Куда спешить? — чувствуя непонятное волнение и радуясь степной тишине, спросил Семен.

В вечернем стеклянном небе угадывались первые звездочки, далеко разносилась по степи звонкая трель запоздалого жаворонка.

Зоя нагнулась сорвать стебель полынника и заметила, что чулок порван. Не стесняясь Семена, разулась, стала снимать чулки. Семен покраснел, наблюдая за ней, а Зоя, смотря снизу ему в глаза, сказала с осуждением:

— Отвернись... Мог бы и сам догадаться.

Семен медленно отвернулся. Стоял, переминаясь с ноги на ногу, чутко прислушиваясь, как шуршат чулки, шлепают резинки.

Поехали. Семен включил фары, и в степи сразу словно потемнело. Машина покачивалась, скрипели пружинистые сиденья. Взглянув на тормоз, Семен заметил на ноге у Зои царапину.

— Смотри, кровь...

Зоя благодарно улыбнулась ему, наложила на царапину платок.

— Пустяки!

— Жаль, бинта нет...

Семен вздохнул, а Зоя засмеялась и провела ладонью по его щеке. Задержалась на секунду и отдернула руку. От волнения у Семена перехватило дыхание. «Ласковая!» — подумал он и, не зная, как выразить свою радость, несколько раз подряд нажал пуговицу сигнала.

— В клуб придешь сегодня... Зоя Макарова?

— Не знаю...

Впереди затемнели избы родной деревни. От освещенных окон веяло домашним уютом.

3

Въехали в деревню. Фары освещали длинные плетни, стены изб и саманных домиков, телеграфные столбы, покосившуюся чайную. «Бедная степная деревня!» — подумала Зоя и спросила Семена:

— Тебе нравится у нас?

Семен удивленно посмотрел на нее.

— А что? Жить можно. Людей вот маловато...

У зернохранилища Зоя спрыгнула. Сонный лохматый сторож в полушубке открыл ворота. Семен развернул машину и подкатил ее кузовом к ссыпным окнам. Зоя весело простучала каблуками по каменным плитам, устилавшим двор, отперла главную дверь и вошла в зернохранилище.

Семен остановился у запыленного радиатора машины, не решаясь войти вслед за Зоей. «Вот приехали — и уже чужие. Ей бы только зерно ссыпать, двери на замок — и домой. Все люди так... Взять и уйти сейчас! Окликнет или нет?»

Зоя вышла из зернохранилища, поправила платок на голове.

— Ну, дело сделано,— равнодушно сказал Семен.— Машина на месте, пора и шабашить...

— Подожди, Семен. Помоги выгрузить зерно.

Она опасалась, что Семен посмеется над ней, скажет: «Не мое это дело. Мое дело — привезти зерно и чтоб машина в исправности!» Но Семен молчал и внимательно разглядывал радиатор. Его молчание разозлило Зою, она схватила лопату и сказала презрительно:

— Не хочешь, не надо. Устал, бедняжка!..

Семен огляделся вокруг, взял лопату у двери и молча полез в кузов.

Выгружали неторопливо, молчали, старались не смотреть друг на друга. Зерно было легкое; казалось, оно само ложится на лопату. Когда очистили весь кузов, Семен помог Зое спрыгнуть на землю, спросил:

— Устала?

Зоя кивнула головой и наклонилась, скатывая брезент в трубку. Семен взвалил брезент на плечи и понес в открытую дверь зернохранилища. В нем было чисто и сухо. От рогож, пола и дощатых сусеков веяло холодом. Зоя включила лампочку над столиком, села и стала раскладывать какие-то бумаги. «Начальница!» — подумал Семен, радуясь тому, что она ему теперь не чужая, что его тянет к этой девушке, которой доверили хранить зерно.

— Небогато живем,— сказал он, разглядывая пустые сусеки, и на минуту ему стало неловко перед Зоей, будто он один был виноват в том, что колхозные сусеки пусты. «Вот

РАССТАВАНИЕ

И. РЯДЧЕНКО

Как птица перед бурей, стихла мать,
испытывая гордость и тревогу:
настало время сына снаряжать
без провожатых в первую дорогу.

Седая прядь блеснула на виске
и голубая жилка встрепенулась —
мать, выбирая вещи в сундуке,
как будто к детству сына прикоснулась.

На дне, где мужа фронтовой погон,
она нашла короткие штанишки
и красный галстук, яркий, как огонь,
который озарял лицо сынишки.

Полна нелегких, выстраданных дум,
разгладит мать рубашки голубые
и новенький шевиотовый костюм,
на деньги сына купленный впервые.

Извечно материнская беда —
година расставания лихая.
И мать не спит и слышит:
поезда
зовут с собой, на стрелках громыхая.

Заботу не уложишь в чемодан!
Жить вдалеке от матери не сладко.
Ждет сына полевой открытый стан
и сквозняком прошитая палатка.

Кто там, в степи, когда наступит ночь,
придет поправить сыну одеяло?
Ах, лучше бы она растила дочь!
Дочь от нее ничто б не отдаляло...

Вихор пшеничный в тишине ночной
ласкает мать в раздумье и кручине,
не зная, что соседка за стеной
не спит по той же, собственно, причине.

Далёко едет дочка, а не сын, —
и, повздыхав, кладет в багаж монисто,
и «Красную Москву», и крепдешин,
и новенький учебник тракториста.

Своих детей не просто провожать!
Комок в груди...
Слышнее трепет пульса...
Но как бы постарела с горя мать,
к которой сын отступником вернулся!

Он прошептал бы: «Без тебя не смог...»
Он в комнату вошел бы как-то боком.
И мать, пуская сына на порог,
подумала б:
«Каким он стал далеким!»

Copyrighted material

снимем урожай,— подумал Семен,— день и ночь возить буду, набью сусеки доверху!»

— Тебе не скучно со мной? — спросила Зоя, повернув к нему освещенное лицо.

Она торопливо что-то писала, от электрического света ресницы ее просвечивались, щеки округлились. Семен ничего не ответил: любовался ею.

Он сидел рядом, отдыхал и думал о том, что курить здесь, конечно, нельзя: Зойка заругает. Придвинуться к ней и обнять тоже нельзя: обидится.

— А тебе не скучно со мной?

— Нет... — сказала Зоя и пояснила: — Мы с тобой сегодня хорошо поработали.

Семен поднялся и склонился над ее плечом, чувствуя, как в груди колотится сердце.

— Что пишешь?

Зоя запрокинула голову, и Семен, не в силах сдержаться, обнял ее за шею и поцеловал в теплые губы. Зоины губы дрогнули и сжались — стали жесткими.

Он хотел поцеловать ее еще раз, но успел только провести ладонью по пухлым детским щекам и почувствовать теплоту ее плеч. Зоя быстро встала, оттолкнула Семена, а когда он попытался приблизиться, ударила его по щеке. Семен натужно засмеялся, потирая щеку. Она стояла перед ним, сжав кулачки, готовая обороняться, и ему больно было видеть ее такой чужой и безжалостной. Щека горела. Было неловко оттого, что они молчали, стоя друг против друга. «Душу вспахивать начинает...» — подумал Семен и покачал головой.

— А я бы вот не ударил! — с вызовом сказал он.

Зое показалось, что он смеется над ней, ни капельки ее не уважает и поцеловал просто так, как всех целует,— от скуки. «Слабо я ударила его,— пожалела она.— Надо было изо всей силы стукнуть!» Она чуть не заплакала, но пересилила себя, строго сказала:

— Пошли, нечего тут рассиживаться! — И, пропустив его первым, повесила замок на дверь.

Семен взял из кабины пиджак, забросил на плечо и пошел к воротам, безразлично смотря себе под ноги. «Не придет в клуб. Озлилась. Эх! А я приду! Подожду, может, и придет?..» Из кармана пиджака посыпались папиросы, покатились по каменным плитам — белые и маленькие. Зое захотелось крикнуть: «Семен, вернись, папиросы рассыпал!», — но промолчала. За воротами послышался певучий грудной голос вдовы Дементьевой:

— Здравствуй, Семочка! Ждала я тебя, ох, ждала! Зайдешь ко мне? Хоть на минутку...

Семен помедлил и проговорил с сильной усталостью в голосе:

— Ну, здравствуй, здравствуй... Не приду я. Видишь: помыться надо... Всю грязь с себя смыть...

Зоя постояла во дворе, пока затихли шаги Семена, и пошла домой напрямик через площадь, не разбирая дороги.

4

Ночь нависла над деревней душная, темная. В избах тускло светились огни; слышался скрип чьих-то ворот, лай собак и плеск воды на реке: за день берега подсохли, и глина отваливалась глыбами в воду.

Семен, одетый в белую рубаху и лучшие свои брюки, выглаженные матерью, стоял у клуба лицом к афише, засунув руки в карманы. Из открытых окон доносились покашливание односельчан и зычный бас лектора. Зои не было нигде: ни в библиотеке, ни в биллиардной, ни в зале. «Значит, не пришла... или опоздала, придет потом?» От нечего делать прочел афишу: «Сегодня лекция на тему: «Есть ли жизнь на других планетах?» Лектор — тов. Пряников». Усмехнулся: «Сладкая фамилия! Лектор, — наверно, веселый человек».

Он спросил самого себя: «Есть ли жизнь на других планетах?» Решил, что, наверно, есть, и представил вдруг себе людей, живущих где-то там, в небе. Как и на земле, они также сеют хлеб, ходят в баню, выпивают по праздникам. Есть там, наверно, и автотранспорт. Он почему-то подумал, что шоферы там водят машины без прав, к вдовам ходить запрещено, пить можно только по маленькой, а работать — как душа пожелает. И девушки там не обижаются, когда их целуют парни, а только смеются и говорят: «Милый!..» Но нет там наверняка теплых степных ночей, умных лекторов, деревенского клуба, возле которого можно часами ждать Зою Макарову.

Зоя не шла. Заглядывая в окна, Семен ходил вокруг клуба. Он видел толстого лектора с очками на лбу, внимательные лица слушателей. На задней скамье заметил два свободных места, словно оставленные для них с Зоей. Семен вздохнул и вспомнил о пощечине. Перед глазами встала Зоя — строгая и гневная. «Если придет, — значит, простила».

Обернулся на звук шагов за спиной, увидел, как метнулась в сторону чья-то фигура и пропала за изгородью у старой березы. Узнал по белой шали Марусю Дементьеву.

«Наблюдает за мной или случайно встретила? Наблюдает. Ждет. Стоит сейчас за березой и мнет пальцами свою белую шелковую шаль с кистями...» Вспомнил ее полные холодные руки и настороженные, злые глаза, когда он уходил от нее утрами; вспомнил виноватые вздохи и ту ее предупредительность, которые льстили ему и из-за которых он всякий раз отмахивался от слов матери: «Женит она тебя на себе, Семка. Ой, женит! Смотри...»

Семену стало жаль Марусю. Захотелось подойти к ней, обнять, пойти с ней в дом, где есть вино, где всегда жарко натоплено и пахнет березой. Маруся поставит на стол кувшин желтой крепкой браги с горькой твердой вишней, сама нальет ему стакан и, подперев голову рукой, будет смотреть ему в глаза, ждать ласки. А утром будет болеть голова и снова станет стыдно и тяжело на душе от мысли: «А что дальше? Проходят дни и недели. И вся эта жизнь и проста, и легка, и пуста...»

Семен вздрогнул: в клубе вдруг громко захлопали в ладоши, зашумели, задвигали скамейками.

Семен отошел от крыльца и снова различил в темноте, за старой березой, шаль. Покачиваясь, Маруся медленно уходила, словно ждала оклика: шаль плыла белым пятном над землей. Семен сам не заметил, как пошел за ней следом.

За поворотом, там, где избы спускаются к реке, Маруся исчезла. Семен постоял у стены бревенчатого сарая, закурил папиросу. Дальше идти не хотелось. Издалека доносились девичий смех и звуки баяна: в клубе начались танцы. Возвращаться в клуб тоже не хотелось: «Устал я что-то сегодня... Зерно привезли? Привезли! Сгрузили? Сгрузили! Точка!»

Вспомнил темнозеленые зоины глаза, зажмурился и как будто снова ощутил ее теплые мягкие губы. Завтра снова ехать с нею в соседний колхоз за зерном. Снова будет степной простор, запоздалый жаворонок, зоин ласковый взгляд сбоку и то, навсегда теперь памятное ему, место на дороге, где меняли скат и где Зоя назвала его «залежью»... Он снова будет слушать ее хозяйственные приказания, и опять, наверно, появится у него чувство уважения и боязни, которое он испытал сегодня.

Семен свернул в переулок и направился к себе домой кружным путем — так, чтобы пройти мимо зоиного дома. Согнутым пальцем постучал себя по лбу: «Чудак! Думал, прибежит сразу... Люди разные бывают, это тебе не Маруся! Заслужить надо ее любовь, а как, пока неизвестно...»

По дороге Семен заглядывал в окна, видел, как одни ужинали, другие укладывались спать. Посмеялся над собой: «Нет худа без добра — хоть высплюсь сегодня!»

У саманного домика, где жили Макаровы, остановился, долго смотрел в окно. Поверх узкой занавески видно было, как сидит за столом Зоя, задумчивая и хмурая, а рядом с ней стоит долговязый отец и что-то говорит ей сердито, сильно размахивая руками. В углу, прижавшись друг к другу, кучкой сидят три девочки — зоины сестры; лица у них испуганные.

Семен подождал, не станет ли отец драться, чтобы выручить Зою из беды. Но отец только говорил и размахивал руками, а драться, видимо, не собирался. Семену стало грустно, что повода зайти к Зое у него нет, и он поплелся домой.

«Может, потому она и в клуб не пришла, что в семье неладно?» Семен хорошо знал, что обманывает сейчас себя, но очень уж ему хотелось подыскать уважительную причину обидного для него зоиного неприхода. Никогда раньше с ним ничего подобного не бывало. Он подумал с испугом, что жизнь его вступает в какую-то новую, неизвестную полосу. Судя по началу, любовь к Зое обещала быть трудной и нежной, какую ни разу еще не довелось испытать Семену в жизни.

В небе висели крупные звезды, поблескивая, как светляки, зеленоватым светом. Смолк баян, отчетливее стали слышны за спиной чьи-то шаги и приглушенный девичий смех.

«Не спится людям!..» — посочувствовал Семен и постучал в окно своей избы.

Copyrighted material

Спортсмены колхозных полей

Н. Садовая.

И. БОРИСОВ

В октябрьские дни на улицах Львова, в продуваемых осенней свежестью парках можно было встретить группы юношей и девушек в тренировочных спортивных костюмах. Это были гости прекрасного города, съехавшиеся сюда со всех концов страны.

В воскресный полдень от спортивного комбината, что на улице Руставели, через центр, мимо памятника Мицкевичу и оперного театра, потянулся к стадиону нескончаемый поток физкультурников. Спортсменов было так много, строй их был так дружен, что жители Львова шпалерами стояли вдоль мостовой и любовались маршем молодости и силы.

Шествие открывали спортсмены общества «Колхозник» (РСФСР). Среди них был пчеловод из Чувашии Расых Бикчурин, легкий и неутомимый, как степная птица, и богатырски сложенный осетин Савелий Гадзиев. Рядом с маленькой подвижной Надеждой Кузиной, физкультурным работником из Тульской области, шла чемпионка страны по велосипедному спорту, кареглазая, со смуглым румянцем, доярка из Ростовской области Нина Садовая.

За делегацией РСФСР двигались украинские спортсмены. В их рядах — лучший спринтер республики, черниговский колхозник Иван Колоша и известный марафонец колхозный столяр Василий Давыдов.

Проходили спортсмены белорусского «Калгасника», эстонские велосипедисты и метатели, сельские физкультурники Латвии, Узбекистана, Казахской ССР.

И, провожая спортсменов колхозных полей, спешили на стадион тысячи зрителей. Там открывалась первая всесоюзная спартакиада сельских физкультурников...

Учитель и ученица

Чтобы встретиться с Николаем Новиковым, я пришел на стадион раньше обычного. Здесь было еще малолюдно. Горками лежала сброшенная наспех одежда спортсменов. Судья-информатор возился в своей будке, перебирая бумаги; он забыл выключить микрофон, и усиленный репродукторами шорох перелистываемых страниц слышался на трибунах.

В секторе для метаний, на вытоптанной, пожухлой траве разминалась группа бегунов. Термометр показывал всего четыре градуса тепла. В группе пестро одетых бегунов я заметил Новикова — лучшего бегуна среди сельских физкультурников. Он бежал в паре с тонкой высокой девушкой в мужском, не по плечу, пиджаке.

Оказывается, Новиков занимался со своей ученицей — восемнадцатилетней колхозницей из далекого бурят-монгольского села Илька Валентиной Кушнаревой. Ей предстояло пробежать 800 метров — одну из труднейших дистанций.

В моем присутствии был разработан план бега: Кушнарева должна была идти четвертой, а за 300 метров до финиша вырваться вперед. Новиков энергичным взмахом рук, наклоном корпуса изобразил это финишное усилие. Кушнарева улыбалась: все понятно.

Мы следили потом вдвоем за бегом девушки. На старте Кушнарева казалась спокойной, даже безразличной.

— Кремень, — коротко бросил Новиков в адрес девушки, — настоящая сибирячка...

С Валентиной Кушнаревой сельский учитель из Горьковской области Николай Новиков познакомился в прошлом году на соревнованиях колхозных спортсменов РСФСР. Робкая, несловоохотливая девушка как-то сторонилась остальных участниц.

— Хочешь научиться бегать? — спросил ее Новиков.

Девушка молчала. Ей показался праздным этот вопрос: как может Новиков учить ее бегу, когда не сегодня-завтра они разъедутся по домам и, может статься, никогда не увидятся больше?

— Будешь учиться заочно, — разгадав мысли девушки, пояснил Новиков, — по моим планам...

Кушнарева оказалась способной ученицей и за один сезон добилась второго разряда...

Пока Новиков рассказывал историю своей ученицы, бег начался и спортсменки шли уже второй круг. В этот момент Валентина Кушнарева сделала рывок и повела гонку. Весь подавшись вперед, следил Новиков за борьбой, а когда на самом финише Кушнареву обогнала Кузина, мой собеседник огорчился так, словно сам только что проиграл.

Новиков поздравил ученицу (второе место — это ли не успех!), но под конец, не выдержав, упрекнул девушку.

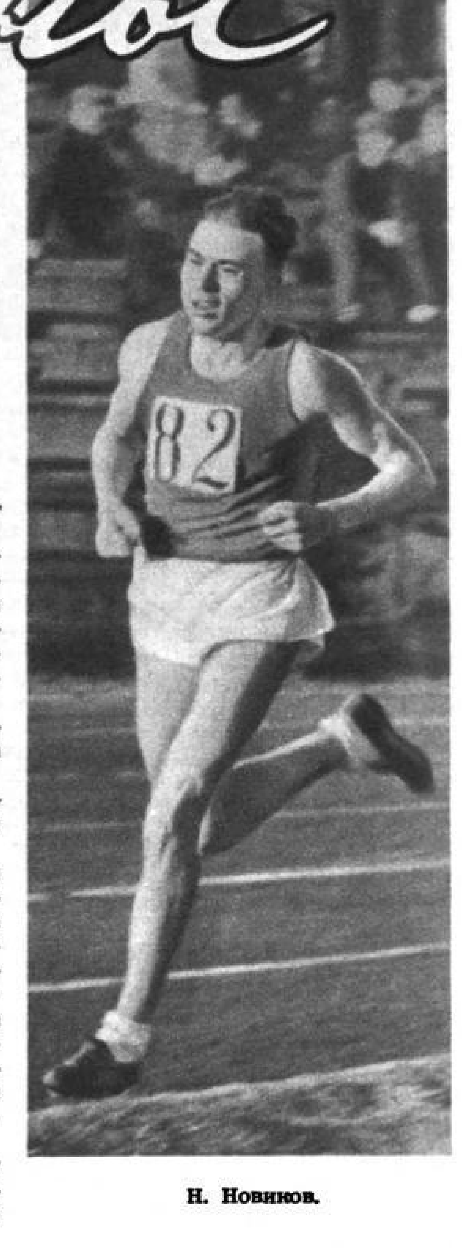
— Сама знаю, что плохо бежала, — негромко ответила Валентина.

Тем временем настала очередь Новикова выйти на старт, и теперь Кушнарева напряженно следила за тем, как выстраивал судья участников бега, как в сыром воздухе поплыл белесый дымок выстрела.

Новиков в спортивном костюме был неузнаваем: широкогрудый, с сухими, мускулистыми ногами, он сразу же вырвался вперед. В его беге была уже расчетливость опытного стайера: широкий, мощный шаг, контролируемый хорошо тренированным сердцем.

Два года тому назад, попав случайно на стадион, молодой учитель Новиков увидел, как бежал его земляк Александр Ануфриев, и юноша, занимавшийся гимнастикой, решил стать бегуном. Хотя приближалась осень с ее вечными спутниками — слякотью и размытыми проселочными дорогами, — Николай начал тренировки. Он уходил в лес и мчался по хвойному коридору. Зимой беговую дорожку заменял снежный наст. Сколько было протоптано стежек, проложено следов! Зато, приехав в Ленинград, выйдя на беговую дорожку зимнего стадиона, Николай Новиков оказался в группе сильнейших, и тренеру Дмитрию Ионову нетрудно было распознать в нем будущего чемпиона.

...Новиков бежал с поразительной точностью. Судьи ежились от

Н. Новиков.

налетавшего порывами ветра, а бегун отмеривал километр за километром. Вот отстал Расых Бикчурин, многократный победитель республиканских спартакиад, а Новиков продолжал удерживать высокую скорость. Десять километров он пробежал за 31 минуту 10,4 секунды. Не беда, что не хватило немного до нормы мастера: ведь впереди новые соревнования, новые победы.

Одна из многих

С утра лил дождь. Он обрушился на полотняный городок спортсменов, погасил костры, вокруг которых грелись, ожидая начала состязаний, велогонщики. Шоссе стало скользким, но ровно в 11 часов был дан старт командной гонки на 25 километров для женщин. Судья взмахнул флажком, и первая четверка спортсменок помчалась по лоснящемуся от влаги асфальту. Некоторое время белели вдали пришитые к спинам гонщиц номера, потом велосипедистки скрылись за поворотом.

Вскоре покинули старт вторая команда, третья. Когда включились в борьбу спортсменки Российской Федерации, стоявшая рядом со мной женщина в дождевике отступила на обочину, чтобы сгрудившиеся на старте судьи и зрители не помешали ей увидеть, как набирают скорость гонщицы.

Copyrighted material

Это была тренер команды РСФСР мастер спорта Мария Михайловна Осадчая.

— Теперь их ждать минут через сорок,— сообщила она, взглянув на часы. — А вообще-то трудно придется сегодня девушкам. Двадцать пять километров по такому шоссе да еще в условиях командной гонки — это серьезное испытание...

Командная гонка сложнее любой иной. Здесь важно, чтобы все участницы прошли дистанцию одинаково хорошо, так как время фиксируется по результату последней. Много зависит от опыта капитана, решающего, как часто меняться лидерам, каким строем идти. И тут Осадчая назвала мне капитана стартовавшей четверки — Нину Садовую...

Летом, когда скот угоняли на пастбища, дояркам приходилось далеко ходить к молочной ферме. Хотя Нина была моложе многих других и, как говорится, легка на подъем, она не очень любила эти обязательные прогулки: слишком много времени отнимали они. Кто-то в шутку предложил Нине приобрести для транспортных нужд «Москвича». Садовая посмеялась вместе с подружками над незадачливым шутником, но дома, поразмыслив, решила, что если не автомобиль, то велосипед будет ей весьма кстати.

Так появился в доме Садовых велосипед, обычная дорожная машина, и Нина очень скоро свыклась со своим «железным конем».

Когда в колхозе «Заветы Ильича», Ростовской области, где работала Садовая, организовался спортивный коллектив, Нина вступила в него. С каждой новой гонкой улучшались результаты девятнадцатилетней доярки. Этим летом в городе Калинине молодая спортсменка показала время мастера спорта: 25 километров она прошла за 38 минут 53 секунды. Девушку включили в сборную РСФСР, и команда, в составе которой выступала Садовая, на чемпионате страны выиграла гонку. Нина первая среди сельских велосипедистов завоевала золотую медаль чемпиона страны.

...Нина перестала вытирать забрызганное лицо: бесполезно. Шоссе дымится от ливня. Не первую гонку проводит Садовая в составе команды «Колхозника». Сейчас у нее на колесе «сидит» Мария Таранова, депутат сельского совета Грозненской области, — опасная соперница в личных гонках и надежный командный партнер. Маша тоже выполнила норму мастера спорта. Мало в чем уступают Тарановой Вера Горшкова, инструктор Ефремовского районного дома культуры, совсем недавно пересевшая на гоночную машину, и колхозница Московской области Нина Терехина.

...Они первыми пересекли финиш — все вместе, ни одной отставшей...

* * *

О велосипедистках «Колхозника» я вспоминал каждый раз, когда беседовал с победителями спартакиады. В судьбах этих юношей и девушек много общего. Эстонская метательница Юта Оямаа, многоборец латыш Лаймонис Кублынский, восемнадцатилетний пловец из Белоруссии Геннадий Петрович, краснодарский ядротолкатель Вячеслав Бондаренко — все они занимаются спортом всего два — три года, и для всех них физическая культура стала такой же потребностью, как чтение, как учеба.

За короткое время эта молодежь добилась больших успехов, и еще большие успехи ждут ее в будущем.

Это будущее легко представить, если привести несколько сравнительных цифр.

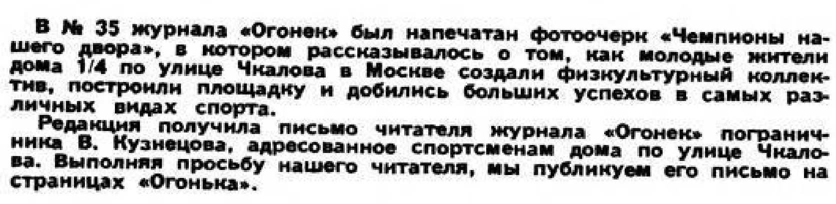
В 1950 году всего лишь 120 сельских спортсменов имели первый разряд, сейчас их стало 894. Еще совсем недавно сельские физкультурники состязались только по нескольким, как говорится, простейшим видам спорта. Ныне соревнования проводятся по 10 видам, в том числе легкой атлетике, плаванию, велосипедному спорту, шахматам, тяжелой атлетике. На очереди — чемпионаты по классической борьбе, мотогонки.

Сейчас молодежь колхозного села может выставить 26 мастеров спорта и более 90 тысяч разрядников. Сборная команда, составленная из сельских спортсменов, была бы одной из сильнейших в стране.

Сельские спортсмены на улицах Львова.
Фото А. Бурдукова.

Чемпионам моего двора

В № 35 журнала «Огонек» был напечатан фотоочерк «Чемпионы нашего двора», в котором рассказывалось о том, как молодые жители дома 1/4 по улице Чкалова в Москве создали физкультурный коллектив, построили площадку и добились больших успехов в самых различных видах спорта.

Редакция получила письмо читателя журнала «Огонек» пограничника В. Кузнецова, адресованное спортсменам дома по улице Чкалова. Выполняя просьбу нашего читателя, мы публикуем его письмо на страницах «Огонька».

Дорогие друзья!

Недавно я прочитал в журнале «Огонек» фотоочерк, посвященный вашему спортивному коллективу, где говорится о построенном вашими силами спортивном городке и о ваших достижениях.

Мне, жителю дома № 1/4 по улице Чкалова, очень приятно было здесь, в Карпатах, далеко от родной Москвы, встретить дорогих друзей на страницах журнала.

Вы сделали прекрасное дело, соорудив спортивную площадку на территории двора. Было бы очень хорошо, если бы и в других дворах ребята последовали вашему примеру.

Занимаясь спортом, вы физически закаляете свой организм, свое тело, готовите себя к труду и обороне нашей Родины.

У вас сейчас учебный год. Учитесь, друзья! Учитесь отлично! Надеюсь, что лето, отданное спорту, поможет вам в этом. А мы, воины-пограничники, будем зорко стоять на рубежах нашей славной Отчизны, чтобы никто не смог помешать нашему трудолюбивому народу спокойно жить, учиться, созидать. У нас тоже есть спортивная площадка. Вот ее фотография.

В. КУЗНЕЦОВ

Copyrighted material

Более пятидесяти лет учит ребят села Владимировки (Кустанайская область, Казахстан) старый педагог Иван Андреевич Киселев. Его бывшие ученики стали агрономами, врачами, учителями. Со всех концов страны получает Иван Андреевич письма от своих питомцев. По вечерам он вместе с женой Килиной Пименовной прочитывает очередную почту.

Фото Н. Драчинского.

Copyrighted material

Кандидат биологических наук А. И. Северова осматривает молодые кедры, привитые на сосну.

Фото К. Владимирова.

Copyrighted material

КЕДР РАСТЕТ ПОД МОСКВОЙ

Г. КУЛИКОВСКАЯ

Никто не видел, как на могучей 130-летней сосне, что в Синячихинском лесхозе, поселился твердый коричневый орешек. Может быть, его забросила сюда пушистая белка-попрыгунья, а может, в защечном мешке принесла лохматая кедровка и спрятала здесь про запас. Но так или иначе орешек уютно пролежал долгую уральскую зиму в устье сломанного сучка. А весной, когда сошел снег и стало теплее, жесткая скорлупа под напором внутренних сил дала трещину. В ее зеве появился упругий белый отросток — корешок.

Высоко лежал орешек, не менее семи метров от земли, но и там, в складках коры, нашел он себе влагу и питательные соки. А еще позже, когда трещина рассекла всю скорлупу, порыв ветра сдул ее сердцевидные половинки, и на их месте зашевелились длинные серебристо-зеленые иглы. Их было в пучке пять, а не две, как у сосны. И любой лесник мог бы с первого взгляда определить, что это хвоя сибирского кедра, а не обыкновенной сосны. Так на сосне стал расти кедр.

А еще лет через семьдесят, когда сосна обогнала в росте всех своих соседок, в вышине маячили уже две вершины: ее собственная и ее сожителя — кедра. По виду сверху трудно было даже определить, где тут основное дерево; можно было даже подумать, что — кедр, так пышно и привольно раскинулись его ветви. Большие лилово-буроватые шишки плавно покачивались на них, и птицы уже искали здесь лакомые зерна.

Вот в таком примерно виде нашел это интересное двойное дерево профессор Леонид Федорович Правдин. Созданное без прикосновения человеческих рук, оно еще раз наглядно подтверждало давно известную истину, что привитое растение развивается во много раз быстрее и лучше, чем на «собственных ногах». Особенно это характерно для медленно растущего кедра. Замечательный пример, обнаруженный ученым в богатой лаборатории природы, подтвердил правильность опытов, поставленных в питомнике Института леса Академии наук СССР. Именно таким образом — прививками — следует культивировать кедр, если хотят, чтобы он не был долгое время растением-карликом, как на одной из опытных делянок.

Действительно, среди сеянцев-ровесников кедр выглядит карликом. Ему уже пять лет, а его зеленые хвоинки едва поднялись с земли. Кандидат биологических наук Александра Ивановна Северова прикладывает к ним линейку. «Четверть метра», — говорит она и измеряет сосну на соседней делянке. Та почти втрое выше. А рядом стоят золотые в осеннем уборе лиственницы. На два с лишним метра вытянулись они. И это за пять лет! Они растут в девять раз быстрее, чем кедр.

Кедр — одно из самых медленно растущих деревьев наших лесов; в первый год он достигает всего лишь... трех сантиметров.

— А посмотрите, что произошло с кедрами на другом участке! — говорит Северова, показывая соседние грядки.

На вторую весну сеянец кедра привили к вершине молоденькой сосны. Кедру от рождения теперь тоже пять лет, но и выглядит он старше своего брата раз в пять: поднялся он от сосны на метр с четвертью, и ветвей у него значительно больше, и хвоя у него более сочная и крепкая.

Жизнь на сосне оказалась для кедра более удобной. Ему не надо было ждать, пока он сам подрастет и в полную меру начнет высасывать корнями себе пропитание. На чужих корнях он получает его в готовом виде и в большем количестве. Вот и тянет он из сосны питательные вещества, прибавляя в высоте, объеме. И хвоя становится все более обильной. Поэтому для успешного, быстрого разведения кедров лучше их прививать на сосну, чем ждать, пока они вырастут из семян.

Но и эти экземпляры сосны-кедра, несмотря на их внешнее процветание, не удовлетворили исследователей. Они, оказывается, нескоро — только лет через десять — пятнадцать — начнут давать семена. А яйцевидные зеленовато-фиолетовые шишки с семенами — одно из главных богатств кедра.

Селекционеры задумали во второй раз перебороть характер этого медлительного растения.

Из Красноярска, Новосибирска, Улан-Удэ, из всех мест, где простираются непроходимые чащи кедрача, самолеты доставили в Москву необычайные посылки: на перине из влажного мха лежали ветки с зеленой хвоей, срезанной с плодоносящих деревьев. Посылки пришли в феврале, в разгар зимы. Работники питомника закопали ветви глубоко в снег, а в марте, когда снег подтаял, путешественниц положили на лед в погреб, чтобы наступающая весна не разбудила их, не вывела из состояния покоя.

И только в апреле и мае пучки кедровых веток достали из подземелья. Начиналась новая стадия в жизни посланниц Сибири — прививка.

Надо было видеть, как искусно совершала эти операции А. И. Северова!

Вот срезана макушка сосны. Ножом она рассекается точно посередине. Теперь в эту трещину осторожно вдвигается клинышек черенка. Операция окончена.

Остается наложить повязку. Повязать марлей, тряпочкой? Нельзя. Может проникнуть влага, а вместе с ней бактерии и грибки, и тогда произойдет загнивание. Не подойдет ли обычная изоляционная лента, которой обматывают оголенные концы электрических проводов? Но лента кажется исследователю недостаточно чистой. Северова накладывала повязку из медицинского лейкопластыря, того самого лейкопластыря, которым закрывают небольшие ранки.

Чтобы ткани растения в месте прививки не пересыхали под жаркими лучами солнца, его нужно укутать пояском сфагнового мха. Потом, когда участок срастания начнет набухать (очень важно этот момент не упустить), надо рассечь повязку и освободить утолщение на стволе будущего дерева от стягивающих его пут.

Поначалу может показаться, что такие операции чересчур сложны и вряд ли могут носить массовый характер.

— Нет, что вы,— говорит Северова,— надо показать только один раз приемы прививки, и человек сразу поймет. Главное — надо аккуратно выполнять их и иметь терпение ухаживать за растениями. Весной следующего года такие работы под моим руководством начнутся в лесничествах Кунцевского района. Кедры будут прививаться к молодым соснам.

За шесть лет А. И. Северова со своими помощниками по разработанной ею методике совершила около двух тысяч прививок сибирского, корейского и гималайского кедра на сосну. Большинство ее пациентов пребывает в отличном здравии.

Вот трое из них. На фоне старого леса они выделяются свежестью хвои и необычной в Подмосковье кроной. Внизу один — два яруса раскидистых сосновых лап, в середине голый ствол, наверху пышная, густоиглая метелка кедровых ветвей. А у подножия деревцев в ржавой траве, как в настоящем лесу, выглядывают оранжевые шляпки маслят и коричневые зонтики подберезников. Значит, деревья пошли здесь в силу.

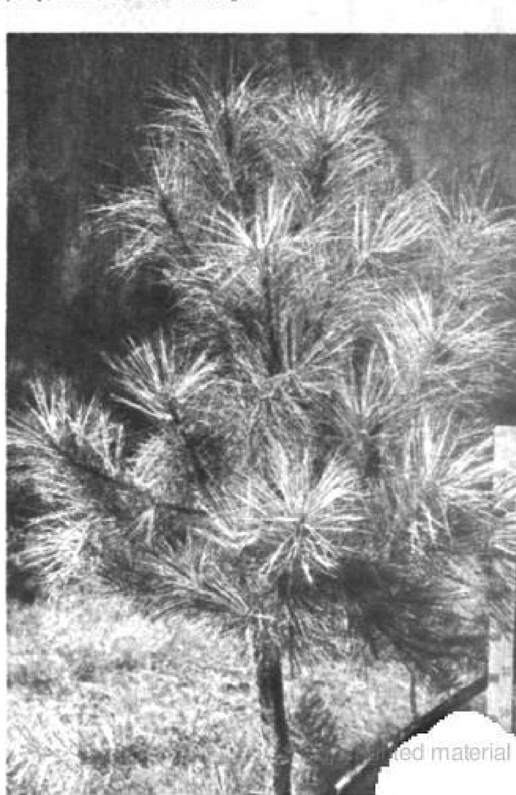
На стройном гладком стволе едва заметно небольшое утолщение в месте прививки: кора тут более шероховатая, со следами неразвившихся почек. Постепенно тонкие светлокоричневые чешуйки сосны, изборожденные рубцами произведенной «операции», переходят в коричнево-серые плиточки кедра. Поясок срастания очень прочен, и никаким ветрам не сломать его.

А вот на одной из ветвей среди игл, как в удобно свитом гнезде, покоится шишка. И хоть она еще совсем мала, но сколько радости вызвало ее появление! Шишка выросла на второй год после прививки. Еще через год она подрастет (плоды кедра развиваются в течение двух лет), созреет, и тогда работники питомника соберут первый урожай подмосковных кедровых орешков. Недаром их называют золотыми! Сочная сладковатая мякоть их содержит белок и очень много жира. Из нее приготавливается ценное масло, известное не только пищевикам, но и живописцам. Жмых идет для начинки тортов и пирожных. А как вкусна рассыпчатая слоистая ореховая халва! Даже скорлупа идет в дело. Из нее получают стойкую коричневую краску. Большую ценность представляет и древесина могучих кедров. Из нее делают детали музыкальных инструментов, оболочки для карандашей, мебель...

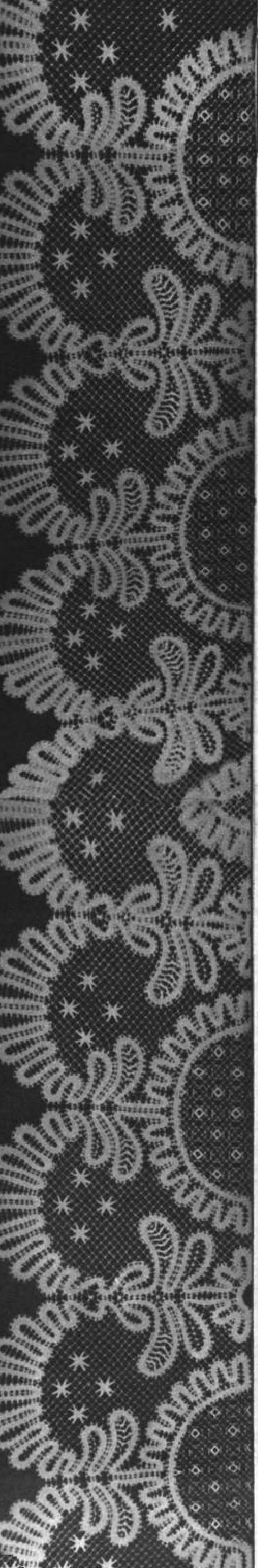
Сейчас в Подмосковье насчитывается лишь несколько плодоносящих кедров. Пройдет время, и их станет больше: десятки, сотни, тысячи... С опытной делянки института кедры, эти древние бояре в своих дорогих бархатных зеленых шубах, как назвал их Мамин-Сибиряк, войдут в обычный лес среднерусской полосы. Станет тогда в наших лесах веселее. Заведется в них больше пушного зверя, лесных молотобойцев — дятлов, появятся птицы-кедровки, известные лакомки — любители кедровых орешков. А когда увеличится население леса, его обитатели сами помогут совершать прививки сосны с кедром, как это происходит в старых уральских и сибирских лесах.

Этим растениям по пять лет: слева — сеянец корейского кедра на грядке; справа — он же, привитый на сосну.

ted material

Пусть плетется кружевцо...

Издавна славятся русские кружева тонкой техникой плетения, декоративной выразительностью, оригинальным стилем.

Прост и незатейлив «инструмент» кружевницы: десятка два коклюшек — легких деревянных палочек с навитыми на них нитками, подушка — валик на подставке, сколок — узор, нанесенный на картон. Сколок пристегивается к подушке, нитка закрепляется на узоре булавкой — и ловкие руки, переплетая нити коклюшками, начинают вить бесконечный узор. Так издавна плелось вологодское кружево. Старинный промысел обогатился новыми узорами, появились разнообразные художественные изделия, но не могут машины заменить золотые руки вологодских кружевниц.

Мерно постукивают коклюшки. Под эти привычные звуки хорошо думается. Руки сами справляются с работой, глаза следят за узором, а мысли текут, текут...

— Полосу-то, пожалуй, до вечера не доплету,— говорит тетя Саша,— кому бы ее передать? Ведь вот, старая, не хотела я с мерных кружев на покрывала переходить, воевала, боялась, заработка не будет. а вышло то совсем хорошо.

Александра Александровна Смирнова сегодня добродушно настроена. Она едет в дом отдыха, путевка уже в кармане, и работа ладится.

— А ну, девушки, поддержите! — затягивает любимую песню тетя Саша. Молодые голоса подхватывают мелодию, и она вырывается сквозь открытые форточки на улицу...

Но вот песня затихла.

— Девочки, кто в кино пойдет? — раздается шепот, слышный, однако, на всю комнату.— «Веселые звезды» — хорошая картина. Давайте деньги, в перерыв сбегаю за билетами.

Это Галя Воронина. Она хорошо поет, пляшет, рисует, хорошо и работает. Подруги любят ее, тянутся за ней.

— Я думаю, лучше нам «Машеньку» в театре посмотреть,— вставляет своё слово Шура Котомина, староста класса, заместитель секретаря комитета комсомола.

В этом году Вологодскую школу кружевниц закончат сорок восемь девушек. Сейчас они проходят практику в мастерской артели под наблюдением опытных мастериц. Потом и для них начнется самостоятельная трудовая жизнь: все получат работу на промысле.

Мы познакомились на промысле со старейшей кружевницей Марией Павловной Ушковой. Ей уже 81 год. Четыре дочери ее — все кружевницы. У Марии Павловны много внуков и правнуков.

— Да разве я из нужды плету,— говорит она,— лет уже семьдесят кружевом занимаюсь. Пока силы в руках есть, пусть кружевцо плетется... Жизнь, сами знаете, какая раньше, до революции, была,— из нужды не выходили. За зиму гору кружев наплетали. Скупщику в город отвезешь, деньги получишь, ниток возьмешь, того, другого купишь — и пустая домой едешь. Так и жили. А как погляжу я на наших девушек теперь, самой бы сызнова родиться.

Подростками пришли на кружевной промысел и Н. В. Подосенова и З. В. Мерзлякова, председатель Вологодского областного промыслового союза кружевных артелей. Дочь кружевницы, Мерзлякова с малолетства умела владеть коклюшками. Уже несколько лет Зинаида Васильевна руководит промыслом — огромным хозяйством. В тридцати пяти артелях, расположенных в районах области,— более тринадцати тысяч человек, и Зинаида Васильевна держит в памяти сотни имен, знает множество людей, их возможности.

Этим же летом мы побывали и в лаборатории промысла. На двух столах, сдвинутых в ряд, был разложен огромный лист кальки — четыре с половиной метра в длину и около двух метров в ширину. Это эскиз занавеса, предназначенного для одного из павильонов сельскохозяйственной выставки. Занавес сплетен из суровой льняной нитки. На кружевном поле раскинулся богатый цветочный узор: клевер, колосья, коробочки семян льна и многих других злаков, характерных для северного края.

У авторов эскиза Марии Николаевны Груничевой, заведующей лабораторией, и молодой художницы Виктории Пантелеевой была горячая пора. Склонившись над столом, они прорисовывали отдельные детали, вносили изменения, предложенные художественным советом. Предстояло еще самое сложное: поделить рисунок на части, перевести узор на сколки и распределить их между десятками наиболее опытных кружевниц. Готовые полосы сошьются коклюшками, да так искусно, что и придирчивый глаз не уловит линий сплетения. Прелесть исконного вологодского кружева состоит прежде всего в монолитности рисунка.

Кружевницам всегда найдется о чем поговорить! Даже такой мастер, как Н. В. Подосенова (слева), всегда увидит что-нибудь новое, интересное у М. П. Ушковой.

Фото П. Сотникова.

В художественной лаборатории промысла ежегодно создается до пятидесяти новых рисунков; около трехсот названий уже внедрено в производство. Просто удивительно, какого многообразия и изящества могут достичь проворные пальцы, с любовью перебирающие легкие коклюшки...

Ф. ПЕЩАНСКАЯ

Copyrighted material

Енисей — голубая дорога

Е. РЯБЧИКОВ,
специальный корреспондент «Огонька»

Фото автора.

VI

Морской узел

Все было на Енисее: и гремучие водопады на Тодже, и пенистые падуны на Большом Пороге, и глухо стонущие, даже свистящие от бешеной скорости воронкообразные уловы, слышались рев, гул, злое кипение в узких теснинах, грохот перемолотых камней в шиверах. Не было только тишины. Не было покоя.

И вот после неукротимого бега от истока, после бурных схваток с каменными громадами, после жарких объятий Енисея с Ангарой наступает разительная перемена. Ни в поступи самой реки, ни в ее берегах, ни в плавных поворотах, ни в привольном разливе уже не чувствуется той возбужденной натуры, той грозной ярости, которой страшились даже Саяны. Черно-синяя даль колышется медленно и степенно, будто вода обрела тяжесть расплавленного металла. Енисей дышит глубоко и спокойно, в нем есть что-то умиротворенное, сытое, пожалуй, ленивое.

Но в широкой излучине, занятой старым городом Енисейском, ощущаешь, казалось бы, очень странную и необычайную среди всего этого покоя, напряженную жизнь. Торопливо готовят в рейс только что спущенные с Енисейской верфи деревянные баржи, поспешно грузят высокобортные стальные лихтеры, безостановочно сплавляют огромные ангарские плоты. Гудят корабли, прибывшие с Диксона, часто свистят паровые краны, оглушают ревом гидросамолеты. А седой лоцман, посасывая свою старую ореховую трубочку, озабоченно следит за облаками и все твердит:

— Скорей!.. Пора в путь!.. Зима рядом...

С давних пор Енисейск стал опорным пунктом на великом водном пути по северным рекам из Москвы в Китай. Когда «срубили» новый острог в 1619 году, то нарекли его Енисейском. Новый град как бы принял с именем Енисея всю силу и мощь сибирской реки.

Многочисленные церкви, подпирающие небо в Енисейске, и сейчас напоминают о набожных толстосумах, состязавшихся, кто из них богаче и именитее, у кого в храме колокола будут зычнее, а поповские ризы тяжелее. Но все здесь закипело и забурлило, когда вспыхнула золотая лихорадка. Некий Шмаев, рабочий человек купца Зотова, открыл в енисейской тайге золото. Тут и началось! «Золотой дух» свел с ума не только енисейских и красноярских купцов, но и тысячи пришлых авантюристов. На «бешеное золото» кинулись искатели счастья из Москвы и Петербурга, из Лондона и Парижа. Кому повезло, скупали енисейские кабаки, переходили через грязь по шелку, купались в шампанском, а потом уходили снова в тайгу искать «фарт». Заросшие в тайге могилы отмечают путь алчности к богатству. Сам Шмаев поплатился за открытие золота голодной смертью на задворках своего разбогатевшего хозяина.

Отсюда, из Енисейска, шел на Лену, в Якутский острог, открыватель восточной оконечности Азиатского материка Семен Дежнев; на Крайний Север уходил бесстрашный Никифор Бегичев. Сюда приходил адмирал Макаров, бывал здесь исследователь Арктики Фритьоф Нансен.

Енисейск стал колыбелью всего флота сибирской реки. Почти сто лет назад по своим чертежам и расчетам талантливый самоучка «великий умелец» И. П. Худяков построил здесь первый пароход. Его назвали «Енисей». С него и началось паровое судоходство на Енисее.

Казачинский порог не пускал суда в Красноярск и заставил флот базироваться в Енисейске. В 1877 году от берегов Енисейска отправилась в беспримерный поход двухмачтовая шхуна местной постройки «Утренняя заря»; она шла Енисеем и морями в Петербург. Через несколько месяцев на берегах Невы жители тогдашней столицы с удивлением рассматривали доставленные шхуной слитки золота, пушнину, изделия из моржовой кости и дерева.

Путеводная книга

Ключевые позиции к морским просторам сохранил Енисейск и сейчас. Не в диковинку его рейду шхуны, клипперботы, тральщики, морские буксировщики, гидросамолеты. Хотя до океана остается еще добрых две тысячи километров, но кажется, что соленый ветер уже надувает паруса, свистит в такелаже, и матросы запросто говорят о Диксоне, Тикси и Архангельске, будто отсюда до них рукой подать.

От Енисейска открывается широкий и вольный путь по реке. Как и в море, здесь нужно плавать с помощью радио, новейших навигационных приборов, маяков, авиационной ледовой разведки и лоции.

До Октября Енисей был изучен плохо, не было на нем ни судоходной обстановки, ни портов, не было и лоции — путеводителя по реке. А без лоции каждый рейс по Енисею становился рискованным предприятием, целиком зависевшим от опыта и знаний лоцмана.

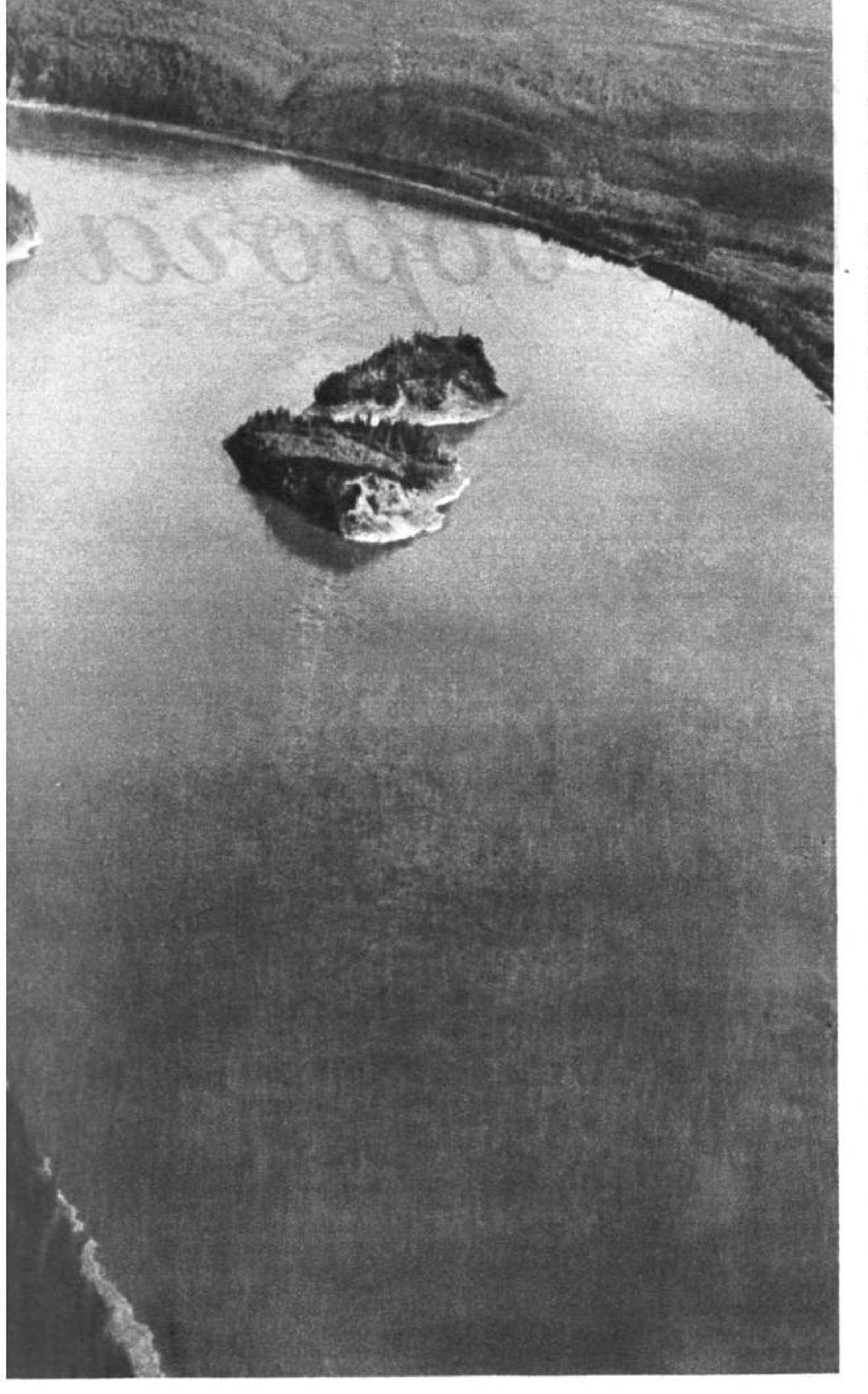
Старейший капитан Енисея Константин Александрович Мецайк, знающий каждую отмель на реке, каждый камень, посвятил жизнь созданию капитальной гидрографической монографии — лоции.

Мецайк неразговорчив, и о нем рассказывает нам старый речник и молодой писатель, начальник Енисейского пароходства Иван Михайлович Назаров:

— Десятилетним мальчишкой плавал Мецайк юнгой на крейсере, потом матросом на парусниках, промышлявших нерпу в Белом и Баренцовом морях. Вместе с ватагами отчаянных поморов заносило его течением в открытый океан и неделями таскало

См. «Огонек» №№ 40, 41, 42, 44, 47.

Copyrighted material

Острова Кораблики.

На улицах Туруханска много ездовых собак.

плавучими льдинами. Потом,— рассказывает Назаров,— простым матросом шхуны «Св. Фока» под командой бесстрашного Георгия Седова Мецайк принимал участие в ледовом походе, чтобы водрузить русский флаг на Северном полюсе.

Вот такой человек с огромным жизненным опытом и знанием Енисея принялся за составление лоции. Это большой, серьезный и кропотливый труд. Это подвиг всей жизни. Пухлый том в полтысячи страниц, с картами, схемами, детальными описаниями каждого шага позволяет сейчас смело водить суда от Енисейска до Сопочной карги, где Енисей перестает быть рекой и становится океаном. Теперь лоция капитана Мецайка лежит в каждой рулевой рубке.

Обь-Енисейский канал

Лоция предупреждает: подходим к устью реки Большой Кас. Эта река известна в истории как водный путь из Енисея в Обь.

За деревней Нижне-Шадринской берега становятся низкими, затем открывается усыпанная галькой равнина, по которой несет свои воды Большой Кас. Только очутившись за триста километров от Енисея — на гребне водораздела, где сплетаются возле Большого озера речки Язевая, Деревянная, Малый Кас и Ломоватая,— замечаешь разрушенные временем, бурями и дождями замшелые шлюзы и восьмикилометровый канал.

Прокладывать шлюзованный водный путь из Оби в Енисей повелел на спор с братом Александр II. Не собираясь открывать удобную дорогу вглубь Сибири, продажные министры поручили далекую стройку бесчестным, невежественным людям. О бездарно спроектированном канале заговорили газеты; чтобы замять скандал, стройка была засекречена и всем на ней под страхом наказания было приказано молчать, работать в тайне. Когда шлюзы были готовы, то выяснилось, что суда из Оби в Енисей могут проходить лишь весной, в полую воду, да и то грузоподъемностью всего... 9 тонн. Казна списала канал в убыток.

Советские гидротехники помнят об этой древней водной трассе. Ведь столетия назад из Оби в Енисей по этим же их притокам Кеть и Кас тянулась величайшая водная дорога к Китаю! Если надежно соединить теперь шлюзованным путем Обь с Енисеем, то массы ангарского леса без перегрузки на железную дорогу отправятся по воде в Обь, по ней — на Алтай, а по Иртышу — в Казахстан. В свою очередь, с Алтая и Казахстана хлынут, минуя железную дорогу, хлебные грузы и продукты животноводства в низовья Ангары и Енисея, на Таймыр. Отпадет необходимость речным кораблям совершать опасные и дальние рейсы Карским морем, чтобы пройти из Енисея в Обь и обратно.

Когда представляешь себе будущее Сибири, то перед мысленным взором возникают картины гидростанций-гигантов на Енисее, огромных искусственных морей, новых городов и широкой водной дороги с Енисея на Обь.

...Вновь плывем по Енисею, коварной, еще не обузданной человеком реке. Она чинит препятствия, грозит опасностями. Характерны здесь названия: Проклятые острова, Проклятый перекат, Проклятая речка... Удивляешься, что и Осиновский порог, показывающийся впереди, не окрещен еще Шальным, Проклятым или Диким.

По мере приближения к порогу меняются берега, небо и даже сам Енисей. Черные тучи лежат над водой, скрывая горный кряж, вставший поперек реки. Серый туман разливается над Енисеем. В рубку летят холодные капли. Доносится глухой гул с порога. Вздрагивает и трясется, как в лихорадке, металлический корпус судна.

Пролетают мимо Фениксова Коса, названная в честь затонувшего парохода, и гранитная гряда Красной Плиты. Хмурые и мрачные берега подходят все ближе, река становится уже. И вот за Осиновским порогом в дожде и тумане вырисовывается Енисейский горный кряж. Кажется, здесь конец земли...

В косых полотнищах дождя встают отвесные скалы — Щеки. Они сдавливают Енисей, лишают его широты, величавой плавности, привольного размаха, и он, негодующий, взбешенный, устремляется в узкое ущелье. Стены каменного коридора глухо отражают стук двигателей и звяканье машинного телеграфа. Мелькают в глазах утесы, скалы. Едва выносит теплоход из Щек, как в реке поднимаются горбатые спины каменных островов. Овальной формы утесы ощетинились редкими кедрами и соснами. Это Кораблики, вставшие словно в кильватер острова, чем-то похожие на древние корабли.

Вырвавшись на простор, Енисей разливается шире прежнего: сразу за горным кряжем, разрезавшим реку, в нее впадает многоводная Подкаменная Тунгуска. За бортами проплывают станки — так именуют енисейцы села, охотничьи урочища, лесопильные и рыбные заводы, метеорологические станции, бесчисленные домики часовых нижнего плеса — бакенщиков.

Реку и небо заливает ровный свет незаходящего солнца. Меняется и тайга: она становится реже, ниже, приземистее, и кажется, будто деревья ее судорожно цепляются корнями за вечно мерзлую землю, а оголенные с одной стороны ветви указывают, где Север, где тундра.

Сказочная Мангазея

Чередуются могучие притоки Енисея. Следом за Подкаменной Тунгуской врывается Сухая Тунгуска, затем показывается устье Нижней Тунгуски, и на высоком, крутом берегу виден старинный Туруханск.

Археологи не раз уходили из Туруханска на реку Таз и каждый раз совершали своеобразное путешествие в прошлое северного края. Среди лесотундр, в вечной мерзлоте, находили они предметы, доставленные сюда многие века назад из Китая, Голландии, Индии и Германии. Теперь трудно даже установить место, где стояли пять сторожевых башен Мангазеи.

Здесь, на берегах Таза, был основан русскими торговыми

Copyrighted material

людьми «стольный град Сибири» — богатая и шумная Мангазея. Всесибирский торг манил купцов не только из Москвы и Тобольска, но и из дальних стран. По северным рекам, по Карскому морю, по Байкалу и Ангаре прибывали они сюда, на Таз. Мангазея росла сказочно. Что ни год, все больше приходило судов с товарами, все чаще гремели пушки в честь заморских купцов.

Но собрались над Мангазеей тучи. Опасаясь развития беспошлинной торговли на Севере и тайного проникновения иностранных войск в Сибирь по Енисею, в начале XVII века царь и воеводы запретили плавание по Карскому морю. В устье Енисея поставили дозор. Затихла Мангазея. К тому же страшный пожар опустошил торговые ряды, мастерские ремесленников, избы и пристани. Тогда поставили торговые люди новое — Туруханское — зимовье на Енисее, думая использовать старинный речной путь из Москвы в Китай через Обь и Енисей. Но отдаленность от Обь-Енисейского переволока, суровые климатические условия не дали роста Туруханску, он не только не мог соперничать в блеске и славе с Мангазеей, но просто захирел.

Туруханск царское правительство превратило в место самой суровой ссылки. Все это в далеком прошлом. Перед нами сейчас новый Туруханск, в подлинном значении слова «новый»: ходишь по новым улицам мимо новых зданий, видишь новые школы и стадион, стройки и магазины. Старики говорят, что коммунисты изменили суровый климат Севера: на туруханской земле поспевают овощи, колхозы развели коров, свиней, кур, а сам Туруханск, прежде считавшийся «краем света», стал оживленным районным центром.

В Туруханске невольно теряешь ощущение, что совсем рядом Полярный круг, что здесь Север. Городу присущи характерные черты обычного делового советского города: бегут по улицам автомобили, мелькают фигуры спортсменов — участников кросса. И только множество здоровенных, выносливых ездовых собак напоминает, что по соседству полярная тундра.

За Полярным кругом

Много рек принял в себя Енисей. Много воды принесла Ангара и могучие Тунгуски. После них новый приток — Курейка — кажется ручейком. Курейка осталась бы совсем незамеченной, если бы ее устье не пересекал Полярный круг.

Судовой диктор объявляет:

— Подходим к Полярному кругу. Скоро Курейка!

Справа и слева видны все те же низкие, далеко расступившиеся берега и все тот же утративший голубой цвет Енисей.

Напротив устья Курейки, где Полярный круг пересекает Енисей, раскинулось известное селение — бывшее зимовье, по-местному, станок Курейка. Кто бы ни всматривался в низкие берега, в белое небо и темную речную даль, невольно вспоминает описания старой Курейки: занесенные снегами ее убогие избушки, пустынную реку с одиноким челном рыбака, голодных собак на берегу... Это было глухое место в старой России, ссылка, снежная тюрьма.

Заштилевший Енисей будят сейчас пионерские горны и дробь барабана. Слышится веселая музыка и дружное ребячье «ура». Показываются домики пионерского лагеря, костровая площадка, стадион, клуб и даже купальня. В полярном пионерском лагере, как и в Таежном — «енисейском Артеке», — отдыхают дети северян. Рядом с пионерским лагерем — поля, огороды и фермы Курейского совхоза. Рокот тракторов разносится над рекой.

Видны мастерские, гаражи, фермы, склады, дома полярного совхоза. А за низкорослым лесом тянется по берегу и вся новая Курейка. Не найти здесь следов старого зимовья. Золотятся над Енисеем избы колхозников, высится двухэтажное здание школьного интерната; пролегли улицы, красным цветом выделяется кирпичная котельная. А на самом берегу, среди клумб и газонов, серое монументальное здание из стекла и бетона — футляр, сохраняющий избушку, в которой жил в ссылке И. В. Сталин.

Курейка наших дней — пример смелой и решительной работы советского человека по преобразованию природы. Пятнадцать лет назад считалось законом, что енисейское заполярье непригодно для сельского хозяйства и животноводства. Когда-то в приполярных местах пытался сеять хлеб славный казак, землепроходец Осип Цапаня; из года в год, с поразительным рвением сажали севернее Енисейска картофель и капусту ссыльные декабристы. Все было тщетно! Летописи, челобитные, исторические справки полны горьких сведений, как полегла здесь рожь, как сгнил на корню овес, как ранние морозы «жгли» картофель. С веками сложилось убеждение, что на Севере можно заниматься лишь оленеводством. И вот Курейский совхоз, расположенный в тех же гиблых местах, за успехи, достигнутые в области овощеводства и животноводства в 1952—1953 годах, стал участником Всесоюзной сельскохозяйственной выставки!

Труд советского человека, агротехническая наука и новейшая сельскохозяйственная техника сотворили чудо — на грани Полярного круга в открытом грунте поспевают капуста и картофель, колосится овес. Совхоз в среднем снимает ежегодно с гектара по 500 центнеров капусты и по 110 центнеров картофеля.

...Исчезает за кормой и Курейка. В свете незаходящего солнца видны рыбачьи баркасы, громады тянущихся с Ангары плотов, вереницы большегрузных барж — река живет напряженно, бурно. А берега ее расходятся все шире, и теперь уже необходим бинокль, чтобы рассмотреть карликовые кустарники и стелющиеся березки, сменившие вековую тайгу. Среди мхов, лишайников и кустов лежат пятна нерастаявшего снега. Снег в логах, серое дымчатое небо, налетающие с низовьев сырые ветры напоминают: мы вступили в заполярье.

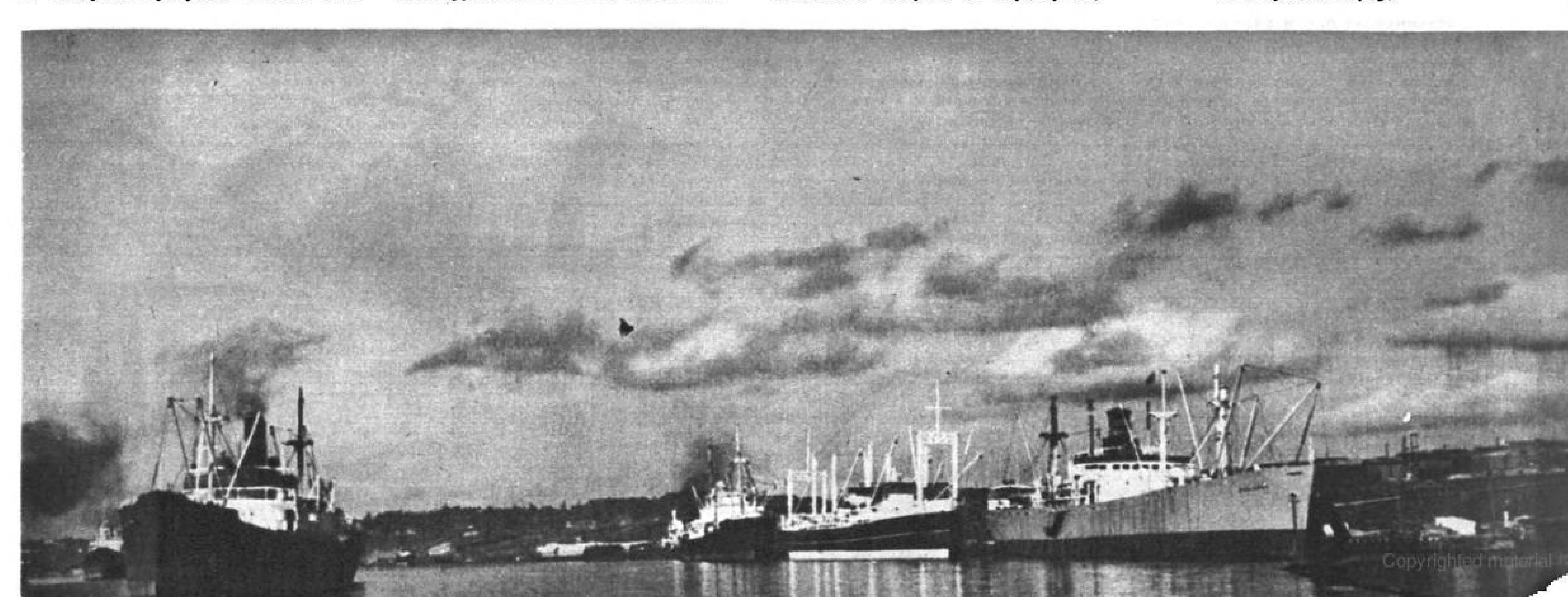
С океана врывается шквал. В раструбах вентиляторов зло свистит ветер. Капитан ставит судно на якоря.

Но вот и Игарка. Позади более трех тысяч трехсот километров от голубых озер Тувы — истоков Енисея — до 67-го градуса северной широты. Видна светлосерая петля Игарской протоки — самой глубокой на енисейском севере.

Двадцать пять лет назад сюда, в эту протоку, вошли суда с первыми зимовщиками. Голо и пусто было окрест. И вот минуло четверть века. Открывается панорама города и большого порта, над которым лесом стоят мачты океанских кораблей.

В новой Курейке.

В Игарском порту.

Copyrighted material

Павлик

Борис **ЛАСКИН**

Рисунки И. Семенова.

Склонившись над подоконником, уютно положив голову на ладонь, Клава Полунина писала письмо: «...ты знаешь, что мы ждали новоселья. И вот — оно состоялось. Я живу теперь в новом доме на новой улице, она называется: Урожайная. Дома стандартные, аккуратненькие и вообще очень симпатичные. В нашем доме живет сплошь молодежь. На втором этаже (выше его нету!) в первой комнате проживает неразлучная четверка — трактористы и механики Федор Гордиенко, Григорьян Ашот, Кардыбаев Амир и Иван Савушкин. Ребята они славные, веселые, но интереснее всех Ф. Гордиенко. Работает, «как бог», с Доски почета не слезает, про него уже два раза в газете писали, может быть, помнишь, Люба, очерк такой — «Победители целины». Там и фотография его была, но в жизни он в сто раз лучше...»

Клава откинулась на спинку стула, вздохнула, поглядела в окно. Далеко в степь протянулась ровная линия новых домов. По просторной улице, посвистывая, гулял ветер.

Накинув на плечи вязаную кофточку, Клава снова склонилась над письмом.

«...Ко мне Федор относится неплохо. Мне кажется даже, что я ему нравлюсь. Он прямо мне об этом не говорит, но я чувствую сердцем, Люба, что я ему не безразлична. Он часто шутит со мной. Вот, например, на днях он получил посылку, сразу принес мне коробку пастилы и говорит: «Принимай по штучке три раза в день, через неделю ни одной веснушки на носу не останется». Я было хотела обидеться, но потом решила — не стоит. Тем более, что веснушек у меня осталось совсем, совсем мало и вообще они мне идут. Знаешь, Люба, если писать тебе, сколько раз он меня разыгрывал — бумаги не хватит. Но я тоже в долгу не остаюсь...»

Клава улыбнулась и подняла голову. В эту минуту прямо у дома остановился легковой «газик». Из машины вышла женщина с ребенком на руках.

Клава отворила окно:

— Вам кого? — спросила она.

Незнакомка подошла ближе, и Клава увидела, что она молода и хороша собой.

— Простите, Федор Гордиенко здесь живет?

— Здесь, — упавшим голосом ответила Клава.

Сложив письмо, она спрятала его в карман. «Федор не женат, — подумала она. — Что же это за женщина? И что за ребенок?»

Войдя в комнату, женщина спустила ребенка на пол и протянула Клаве руку.

— Здравствуйте. Могу я его видеть?

— Вообще можете, конечно, — холодно сказала Клава, — но его сейчас нет дома. Сегодня выходной. Он ушел с товарищами...

Женщина огорченно покачала головой и наклонилась к ребенку — это был круглолицый малыш с серьезными серыми глазами и русым смешным хохолком, торчащим из-под шапки.

— Что же нам теперь делать, товарищ Гордиенко, — озабоченно спросила женщина у малыша, — куда же мне тебя девать?

Клава с преувеличенным вниманием разглядывала авторучку.

— Девушка, у меня к вам просьба, — обратилась к ней женщина.

— Пожалуйста, — ответила Клава, чувствуя, что она просто не в силах поднять на нее глаза.

— Я сегодня приехала с мужем...

— С кем? — почти крикнула Клава.

— С моим мужем, с Антоном Васильевичем Гордиенко, с фединым братом...

— С приездом! — весело сказала Клава. Она улыбнулась женщине и, присев, похлопала по плечу малыша. — Здравствуйте, товарищ Гордиенко! С приездом, молодой человек!

Гордиенко-младший солидно кивнул и спросил:

— Тебя как зовут?

— Меня зовут Клава.

— Вот что, Клава, — женщина взглянула на ручные часы, — сделайте одолжение, разрешите оставить у вас Павлика часа на три. Мне необходимо заехать к директору зерносовхоза, там меня ждет муж. Мы закончим дела, и я за ним сразу приеду.

— Господи!.. Пожалуйста. Оставляйте и можете быть за нас совершенно спокойны. Я его спать уложу, и вообще все будет в порядке.

— Большое вам спасибо. Когда вернется Федя, можете отвести Павлика туда. Федя будет рад познакомиться с племянником, которого он еще ни разу не видел.

— Хорошо, хорошо... — Клава проводила женщину к выходу.

Когда машина отъехала, Клава вернулась к ребенку. Она сняла с него пальтишко и шапку и достала из шкафчика коробку пастилы.

— Ешь, Павлик,— сказала она,— ешь, и у тебя не будет веснушек.

Павлик съел пастилу, влез на стул и вздохнул.

— Ты что же, устал?

— Мы долго ехали, — сообщил Павлик, — сперва на поезде, а потом на машине. — Он помолчал. — Мой папа агроном. — Еще чуть помолчав, он сказал: — У нас есть кот. Он рыжий. Его зовут Штепсель. Только он у бабушки живет...

— Это очень интересно. А ты знаешь, куда вы с папой и мамой приехали?

Павлик отрицательно помотал головой.

— Вы приехали на целинные земли, вот вы куда приехали! Ты кушать хочешь, Павлик?

— Не хочу.

— Ладно. Сейчас не хочешь, потом поешь...

За окном послышались голоса. Это вернулись Ашот Григорьян и Иван Савушкин. Когда они, переговариваясь и стуча сапогами, шли по коридору, Клава на мгновенье задумалась, и в глазах ее вспыхнули озорные огоньки.

— Ребята, зайдите!..

Оба вошли и с удивлением посмотрели на малыша.

— Это еще что за явление? — спросил Ашот.

— Уж не твой ли, Клава? — полюбопытствовал Савушкин.

— Нет, не мой, — раздельно сказала Клава, — это... федин ребенок. Жена привезла.

— Что?! — У Ашота полезли вверх брови. — Слушай, ты соображаешь, что говоришь? Федя же холостой...

— У него ни жены, ни детей, — растерянно подтвердил Савушкин.

— Мне он это тоже говорил, — повела плечом Клава. — Вы что, мне не верите? — Она наклонилась к Павлику: — Скажи, Павлик, как твоя фамилия?

Павлик поднял глаза. Оба дяди смотрели на него с недоверием.

Ашот присел на корточки:

— Как твоя фамилия?

— Гордиенко, — представился Павлик, раскатисто произнося букву «р» и не замечая, какое оглушительное впечатление произвел его ответ, потянулся к Клаве. — Тетя, я спать хочу...

— Сейчас... Ашот, у вас тепло в комнате?

— Тепло, — помрачнев, ответил Ашот, — неси его наверх. На, держи ключ.

Клава взяла Павлика на руки. Уже в дверях он помахал рукой:

— Спокойной ночи!

— Привет, — кивнул Савушкин и, посмотрев на Ашота, коротко спросил.— Ну, что?.. Что скажешь?

Ашот не ответил.

Войдя в комнату друзей, Клава раздела малыша, уложила его и спела ему песенку. У него слипались глаза. Через несколько минут Павлик уже спал. Клава поправила одеяло и на цыпочках вышла.

Спускаясь по деревянной лестнице, она услышала из своей комнаты громкие, возбужденные голоса.

— Не может быть, — говорил Кардыбаев, он уже тоже вернулся, — не могу поверить.

— Слушай, какой же у него моральный облик, — горячился

Copyrighted material

Ашот, — ты мне скажи, что у него за моральный облик?..

— Я считаю, с ним надо крепко поговорить, — сказал Савушкин. — Где он?

— Скрывается, — буркнул Ашот. — Сначала от жены скрылся, теперь от нас скрываться будет...

Клава выдержала паузу и вошла. Изобразив на лице выражение нежности и сочувствия, она тяжко вздохнула:

— Спит маленький...

Ашот выглянул в окно.

— Клава,— быстро сказал он,— прошу тебя, выйди, пожалуйста. Идет Федя. У нас сейчас будет крупный разговор.

— Только вы, ребята, полегче, — сказала Клава, — не сразу кидайтесь.

Спускаясь с крыльца, она встретила Федю.

— Клавочка, — Федя улыбнулся и вдруг серьезно спросил: — Слышала, по радио передавали?

— Что?

— Наградили изобретателя.

— Какого изобретателя?

— Ты что, в самом деле, не слышала?

— Ничего я не слышала...

— Слушай. Один изобретатель, фамилию забыл, сконструировал прибор. На атомной энергии работает. Методом облучения. В две секунды из любого курносого носика пряменький делается!..

— Интересный прибор. Зайдика вот ко мне. Будет тебе сейчас облучение...

— А что там такое?

— Иди, иди, там тебя ждут.

Пожав плечами, Федя вошел в дом и постучал в клавину комнату.

— Войдите, — раздался голос Ашота.

— Здорово, орлы! — сказал Федя с порога.

Ему никто не ответил.

— Что случилось, ребята?

— Сядь! — сказал Савушкин и сурово взглянул на Федю.

— Ну, сел...

Ашот заложил руки в карманы, вынул, снова заложил и тоном прокурора спросил:

— Товарищ Гордиенко, вы комсомолец?

— Комсомолец.

— Вам известно, что такое советская мораль?

— Известно. А что? — Федя посмотрел на приятелей. Однако никто из них не удостоил его даже взглядом.

— Слушай, Федор Гордиенко,— с пафосом произнес Ашот,— с тобой говорят твои товарищи. Мы вместе с тобой по комсомольской путевке приехали сюда поднимать целину, собирать хлеб, строить дома, строить семью. Мы прибыли сюда, когда здесь ничего не было. А сегодня мы уже видим прекрасные плоды наших трудов...

— Нельзя ли покороче, Ашот,— начал было Федя, но его перебил гневный басок Кардыбаева:

— Молчи!

Ашот достал папиросу. Савушкин чиркнул спичкой и дал ему огня.

— Мы твои друзья, — продолжал Ашот, — мы делили с тобой все трудности. Мы доверяли друг другу свои заветные мечты и сердечные тайны. Почему же ты, — в голосе Ашота зазвенел металл, — почему же ты скрыл от нас один свой недостойный, очень некрасивый поступок?..

— Ашот! А ты, часом, не угорел? О чем ты говоришь?..

— Молчи! — сказал Кардыбаев. — Не прикидывайся! Ты все понимаешь.

— Ты женат? — спросил Савушкин. — Отвечай.

— Слушайте, ребята, так дело не пойдет. Один кричит: молчи! Другой говорит: отвечай! — Федя сбросил ватник. — Или вы объясните мне, в чем дело, или я уйду.

— Один раз ты уже ушел, — усмехнулся Кардыбаев, — но тебя нашли, голубчика. За тысячи километров, но все же нашли.

— Вставай. Ты сейчас пойдешь с нами! — приказал Ашот и первым шагнул к двери.

Силясь хоть что-нибудь понять, Федор покорно пошел за ребятами.

Когда, поднявшись к себе в комнату, Федя увидел на своей кровати спящего ребенка, он на секунду замер и вдруг закрыл лицо руками.

Ребята как по команде отвернулись.

— Кто отец этого ребенка? — свистящим шепотом, стараясь не разбудить малыша, спросил Ашот. — Кто, я тебя спрашиваю!..

Федя не ответил. Он продолжал стоять в прежней позе, закрыв руками лицо.

— Молчишь? — заметил Савушкин, укоризненно покачав головой.— Когда ты заявил, что едешь на целину, люди решили: молодец парень, патриот. Я помню, ты веселый ехал, песни в дороге пел...

— Смотрите, мол, на меня, — подхватил Ашот, — полюбуйтесь, что я за вольная птица. Жену с ребенком бросил — и ходу!..

— Знал бы такое, — строго заметил Кардыбаев, — честью клянусь, написал бы про тебя фельетон в «Комсомольскую правду».

Милый облик спящего малыша и осуждающие речи друзей, как и следовало ожидать, возымели свое действие. Федя рухнул на колени и уткнулся лицом в одеяло. Плечи его дрожали:

Ребята озадаченно переглянулись.

В сцене раскаяния беглого отца было столько эмоциональной силы, что Кардыбаев и Савушкин растроганно посмотрели на Ашота, как бы желая сказать: «Надо было нам с ним чуть помягче». Но Ашот решительно махнул рукой. Жест этот означал: «Ничего. Пусть переживает. Так ему и надо!»

— Ну, что? — тихо спросил Савушкин. — Стыдно тебе, Федя? Совестно, а?..

— В глаза друзьям смотреть не можешь, — добавил Кардыбаев.

— Мне жаль этого невинного ребенка, — проникновенно зашептал Ашот, — поэтому я не скажу ему, что его отец — фальшивый человек...

— И правильно сделаешь, — негромко отозвался Федя.

— Что правильно? — возмутился Ашот и, не сдержавшись, стукнул кулаком по столу. — Что правильно?

— Не шуми. Разбудишь парня, — глухо сказал Федя.

— Заботу проявляешь? — усмехнулся Кардыбаев. — Почему с таким опозданием заботу проявляешь? Где раньше был?

— Раньше я с вами был, ребята, — кротко сказал Федя, — работал, не спал ночи, переживал, можно сказать...

Федя поднял голову. Робко улыбаясь, словно прося пощады, он смотрел на друзей.

КИТАЙСКИЕ ПОСЛОВИЦЫ

Вежливый человек не наступает на тень своего спутника.

Каждая травинка имеет свою росинку.

Даже лучшие иголки имеют только одно острие.

Когда ты пьешь воду, думай об источнике.

Настоящая дружба — это чистая вода. Мед — дружба фальшивая.

Слово, идущее от сердца, согревает три зимы подряд.

Четверть апельсина так же хороша на вкус, как и целый апельсин.

Только одна собака лает на луну, другие — на эту собаку.

— Виноват я, ребята. Кругом виноват. Не могу я вам в глаза смотреть. Отпрошусь, уеду в другой район...

— Что?— насторожился Ашот.— Опять сбежать надеешься?

— Погоди, Ашот. — Савушкин помог Феде подняться с колен.— Вот что, Федя, — примирительно сказал он, — никуда ты отсюда не уедешь, понял?.. Если хочешь быть человеком, найди жену и живи честь по чести.

— Спасибо за совет, это я обязательно, — с несколько неожиданным энтузиазмом заверил друзей Федя, — в свое время я это обязательно сделаю...

— Ах, «в свое время»? — взорвался Ашот. — Слушай... Знаешь, что я тебе скажу...

Разбуженный трубным голосом Ашота, ребенок открыл глаза, сладко зевнул и, потянувшись, сел в постели.

— С добрым утром!.. — он обвел всех присутствующих любопытным взглядом и спросил: — А где мой папа?

Ашот отвернулся:

— Душа болит. Не могу я это слышать.

— Почему? Ребенку же интересно знать, где его папа. — Федя бережно и неловко, как все холостяки, взял малыша на руки и поцеловал его.

— Здравствуй, Павлик!.. Вот ты, оказывается, какой...

— На тебя здорово похож, — с чувством сказал Кардыбаев, — просто одно лицо.

Посадив Павлика к себе на шею, Федя указал на Ашота:

— Павлик, дядя Ашот интересуется, где твой папа. Скажи ему, Павлик, что твой папа Антон Гордиенко прибыл сюда к нам и в данный момент вместе со своей женой Натальей Алексеевной находится у директора зерносовхоза. Видишь, Павлик, как у дяди Ашота ротик открылся...

В комнате воцарилась тишина. Хлопая глазами, как человек, разбуженный среди ночи, Ашот смотрел на Павлика и на Федю.

— А когда ты опять увидишь ту симпатичную тетю, которая тебя спать укладывала,— спокойно продолжал Федя, — ты ей так скажи, Павлик: тетя, тетя, молода ты еще моего дядю Федю разыгрывать!..

Открыв дверь в коридор, Федя крикнул:

— Клава, зайди-ка на минуточку!

Клава с невинным видом появилась на пороге. Ашот грозно шагнул ей навстречу, и она попятилась.

— Клавочка, привет тебе от мамы Павлика. Я ее встретил как раз после того, как она оставила его на твое попечение.

— Слушай, Федя, — застонал Ашот, — Федя!.. Наша дорогая Клава вздумала разыграть тебя, а разыграла всех нас. А ты еще пришел и добавил — на колени упал, переживал тут. Держите меня! — и, сделав страшное лицо, он бросился за Клавой.

Но Клава, хлопнув дверью, мгновенно исчезла. Ребята услышали ее смех и дробный стук каблуков по лестнице.

Павлик, не торопясь, подошел к двери и, открыв ее, удивленно сказал:

— Тетя убежала...

— И очень хорошо сделала, — смеясь, сказал Ашот и взял Павлика на руки. — Здравствуй, новосел. Здравствуй, уважаемый Павлик!

Copyrighted material

Два урока

Непослушник

Ледокол «Красин» шел по узкому разводью в Карском море на разведку. Моряки заметили на громадном ровном ледяном поле большую белую медведицу с медвежонком. Звереныш назойливо стремился к кораблю, откуда доносились аппетитные запахи камбуза. Обеспокоенная мамаша часто поправляла шалуна, становясь между ним и «Красиным». Но медвежонок оказался норовистым. Только мать ослабляла свое внимание, как он вновь опрометью кидался к судну. Это опасное баловство надоело наконец мамаше. В бинокли мы вдруг увидели, как медведица ударила наотмашь лапой по уху свое чадо. Тот так и присел на лед, взявшись передними лапами за свою голову. Видимо, он жалобно завыл от боли и огорчения. Урок послужил ему к исправлению. Обижался он недолго. Через минуту, заметно успокоившись, медвежонок продолжал следовать за матерью в сторону от корабля.

Шкода

В море Лаптевых мы встретили грузовое судно, такое же, как наше, шедшее с Дальнего Востока. Кораблю этому понадобился уголь, и была организована перегрузка его в открытом море.

На встречном судне оказался небольшой бурый медвежонок, очень забавный. Его купили матросы вскладчину в Петропавловске-Камчатском. Учуяв запахи, идущие из открытой поваром тресковой бочки, медвежонок принялся таскать рыбину за рыбиной с нашего парохода к себе, в укромное место на верхней палубе. Боцман, знакомый с упрямым нравом мишек, увидя творившееся беззаконие, принял единственно правильное решение: он стал незаметно ходить вслед за медвежонком и относить рыбину за рыбиной обратно на свой корабль, но складывал их уже в другом месте.

Наконец медвежонок притащил последнюю треску из опустевшей бочки и, утомленный хлопотами, присел отдохнуть возле своих трофеев. Каково же было его огорчение, когда он вдруг обнаружил исчезновение всего натасканного им рыбного запаса! С досады медвежонок прикрыл передними лапами глаза и завыл протяжно и жалостливо на весь пароход.

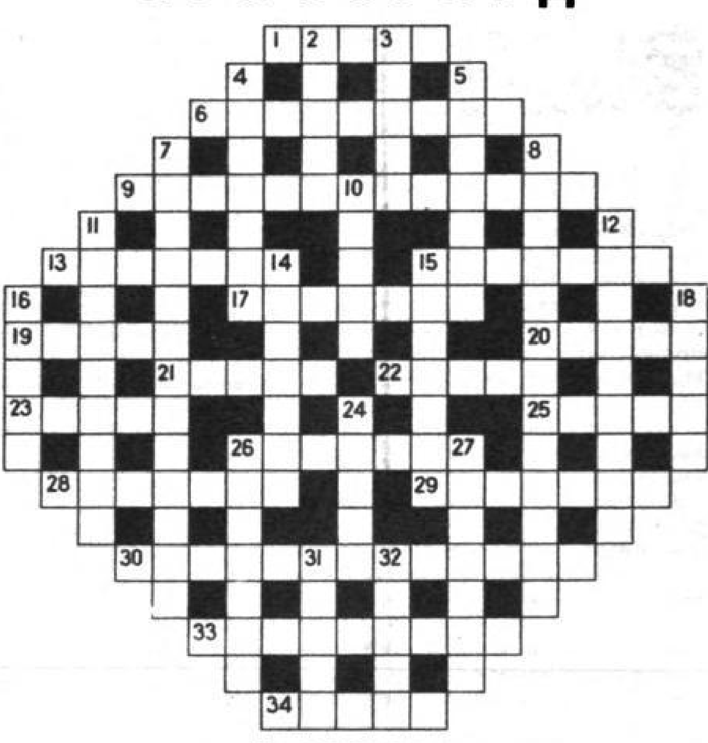
Сбежались матросы—хозяева звереныша. Боцман объяснил морякам, какой урок он дал шкодливому мишке. В это время раздались отходные гудки. Один из моряков, схватил за ухо ворюгу, поучая его:

— Шкодить, Мишук, не положено!

Медвежонок продолжал выть, и его скулежка еще долго слышалась с удалявшегося парохода.

Макс ЗИНГЕР

КРОССВОРД

По горизонтали:

1. Совокупность норм поведения. 6. Советский композитор. 9. Страна Западной Азии. 13. Персонаж «Мертвых душ». 15. Маленькая флейта. 17. Человек, преданный своему народу. 19. Драгоценный камень. 20. Вспомогательная теорема. 21. Химический элемент. 22. Атмосферные осадки. 23. Строительный материал. 25. Персонаж из оперы «Евгений Онегин». 26. Слоговая литера, употреблявшаяся при ручном наборе. 28. Снимок с негатива. 29. Особая благодарность. 30. Изложение в общедоступной форме. 33. Лиса определенной окраски. 34. Шахматная фигура.

По вертикали:

2. Бухта в море Лаптевых. 3. Напиток. 4. Убеждение, взгляд на вещи. 5. Одна из главнейших железных руд. 7. Русский исследователь Камчатки. 8. Человек, занимающийся спортом. 10. Гравюра на меди или цинке с рисунком. 11. Морская птица. 12. Спортивные соревнования. 14. Русский флотоводец. 15. Советский драматург. 16. Число, являющееся частью единицы. 18. Чешский писатель. 24. Двигатель. 26. Род кузова автомобиля. 27. Ларек. 31. Небольшой плод. 32. Река в РСФСР и БССР.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 48

По горизонтали:

5. Нахимовец. 6. Кабриолет. 9. Тригонометрия. 13. Лебедь. 14. Киото. 16. «Алмаст». 18. Краснотал. 19. Гармоника. 21. Авилов. 22. Спица. 23. Усмань. 26. Станиславский. 29. Вожеватов. 30. Синология.

По вертикали:

1. Кабарга. 2. Микрон. 3. Водоем. 4. Семестр. 7. Преданность. 8. Циолковский. 10. Окоп. 11. Абхазия. 12. Барибал. 13. Локва. 14. Класс. 15. Осада. 17. Ткань. 20. Цикл. 24. Антонио. 25. История. 27. Слепок. 28. Анатом.

Странички прошлого

Из истории водопровода

Известно, что в Москве, в Кремле, уже в 1601 году был напорный водопровод. Однако история водопровода в других районах города до последнего времени оставалась неизученной.

Недавно обнаружены документы, в которых сообщается, что в 1682 году тяглец московской Новомещанской слободы Данило Селиверстов сын, по прозвищу Глухой, подрядился сделать в московском Симоновом монастыре «из дву колодезей насосные трубы и теми трубами вода взвести в монастырские службы».

Как видно, в Симоновом монастыре вода поднималась из колодцев с помощью насосов, то есть был сооружен напорный водопровод. По трубам вода подавалась в «монастырские службы».

Симонов монастырь расположен на холме. Уровень грунтовых вод в районе монастыря сравнительно низкий. Насосы, сооруженные в колодцах, должны были обладать большой мощностью, позволявшей подавать воду на значительную высоту (около 20 метров).

В документах сообщается, что первая попытка устроить напорный водопровод в монастыре закончилась не совсем удачно. На помощь послали подьячего Новгородского приказа Федора Макарьева, который на месте произвел детальный осмотр сооружения. Он установил, «что в Симановом монастыре ис колодезя трубою вода не идет, потому что ниже сставу на другом бревне та труба расколота больши аршина». Через это отверстие вытекала вода.

Однако сама идея сооружения водопровода оказалась вполне правильной и технически обоснованной. Это видно из сообщения того же подьячего Федора Макарьева, который отметил, что во втором колодце водопроводное устройство действовало. «А в другом колодезе,— писал подьячий,— трубою вода идет худо, а для чего и что в той трубе порча, того без мастера знать нельзя».

Подьячий Федор Макарьев не был специалистом в области техники водоснабжения. Поэтому приказ Большого Дворца дал указание найти «насосщика для того монастырского дела» и послать в Симонов монастырь.

На этом переписка по вопросу об устройстве водопровода обрывается. Сведений о том, чем кончилось дело, к сожалению, не сохранилось.

Особый интерес представляет то обстоятельство, что идея устройства напорного водопровода не являлась чем-то новым и необычным для Москвы второй половины XVII века. Из приведенных материалов видно, что в Москве в это время имелись свои русские «мастера насосного дела», которым, как образно говорится в документе, «такое дело было за обычай».

А. УРАНОСОВ,
кандидат исторических наук.

Одна из башен Симонова монастыря.
Фото В. Кузьмина.

Из почты «Огонька»

КУВШИН БРОНЗОВОГО ВЕКА

Несколько лет назад близ Ханлара (Азербайджанская ССР) Я. И. Гуммелем был раскопан так называемый Княжеский могильный курган эпохи бронзы. При раскопке в числе прочих вещей найдено много керамических изделий.

На внутренних стенках одного из кувшинов обнаружены отложения винного камня и виноградные семена. Высота кувшина — 50 сантиметров, наибольший диаметр — 45 сантиметров. Кувшин сделан из красноватой глины, снаружи он черный, украшен выступающими линиями и плоскостями. В верхней части — оригинальный орнамент из линий и точек.

Курган, откуда извлечен кувшин, относят к позднему периоду бронзового века (в Закавказье конец II — начало I тысячелетия до нашей эры).

Кувшин этот недавно тщательно исследован учеными. Он интересен как памятник, свидетельствующий о древности виноделия Азербайджана.

Г. ЕПИСКОНОСЯН

ДОМАШНЯЯ ПРОСТОКВАША

Читательница «Огонька» из города Андижана Э. Дроздова интересуется: «Почему скисшее кипяченое молоко становится горьким, а некипяченое кислое не становится горьким?»

С этим вопросом мы обратились в Институт питания Академии медицинских наук СССР. Научный сотрудник института В. Г. Геймберг сообщила следующее:

— В сыром молоке имеется значительное количество разнообразных микроорганизмов. Если оставить сырое молоко в теплом месте, в комнате, то оно прокиснет. Это происходит вследствие размножения в молоке молочнокислых бактерий, которые выделяют молочную кислоту, задерживающую, но не исключающую полностью рост других микроорганизмов. Когда молоко кипятят, все оказавшиеся в нем бактерии, кроме споровых, погибают, и молоко теряет свойство скисать — оно свертывается и горкнет. Встречающиеся в молоке споровые бактерии в большинстве случаев относительно безвредны, но принадлежат к гнилостным; развиваясь в отсутствии активных молочнокислых бактерий, они-то и придают горький привкус.

Приготовлять простоквашу в домашних условиях рекомендуется из кипяченого молока, так как кипячением уничтожаются вредные микроорганизмы. Чтобы вызвать молочнокислое брожение, в молоко следует вносить закваску, то есть чистую культуру молочнокислых бактерий. Эти закваски выпускаются в продажу в сухом виде, их можно приобрести в аптеке.

В этом номере на вкладках: четыре страницы репродукций картин И. И. Бродского и четыре страницы цветных фотографий.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

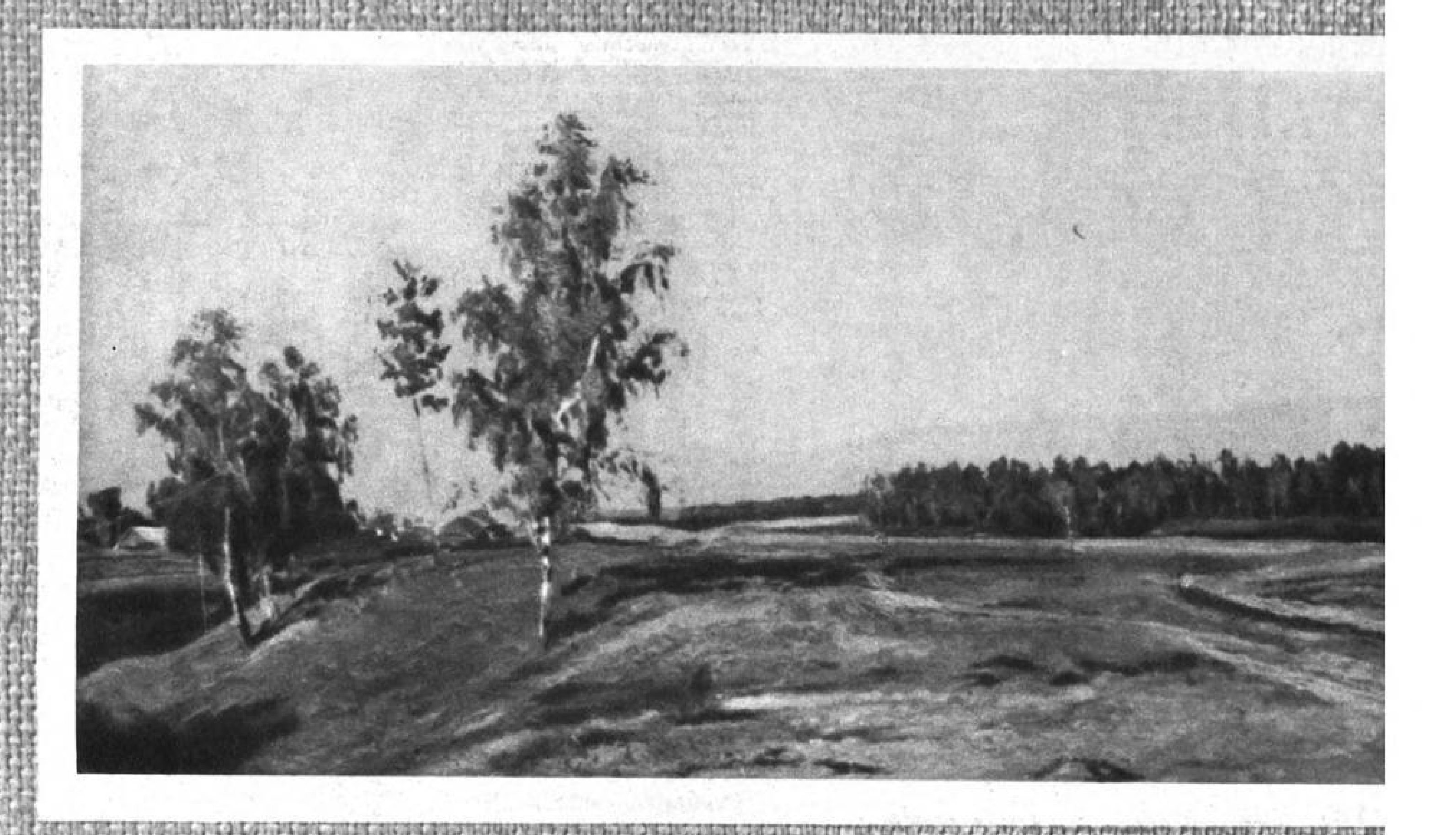
Редакционная коллегия: В. Ф. БАРЫКИН, А. С. ВАРШАВСКИЙ, И. П. ГОРЕЛОВ, В. С. КЛИМАШИН (зам. главного редактора), Л. А. КУДРЕВАТЫХ (зам. главного редактора), Е. Н. ЛОГИНОВА, Т. З. СЕМУШКИН, Н. С. ЩЕРБИНОВСКИЙ.

Адрес редакции: Москва, Д-47, ул. «Правды», 24. Тел. Д 3-38-61. Оформление И. Уразова.

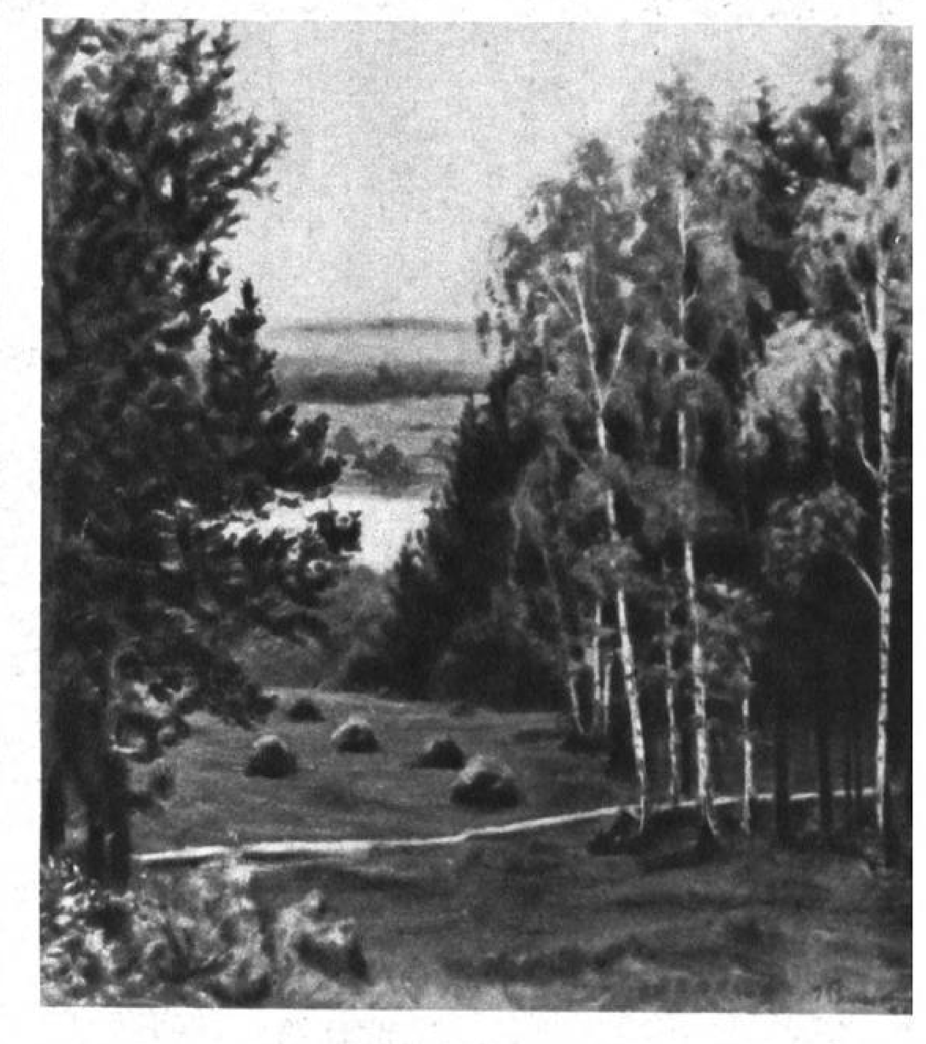
А 06277. Подп. к печ. 30/XI 1954 г. Формат бум. 70×108 1/16. 2,5 бум. л. — 6,85 печ. л. Тираж 650 000. Изд. № 1032. Заказ 3415. Рукописи не возвращаются.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, Д-47, ул. «Правды», 24.

Copyrighted material

ЖИВОПИСНО-ПРОИЗВОДСТВЕННЫЙ КОМБИНАТ

МОСКОВСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ФОНДА СОЮЗА ССР

ВЫПОЛНЯЕТ
ОРИГИНАЛЬНЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ
станковой живописи
по тематическим планам заказчиков,
АВТОРСКИЕ ПОВТОРЕНИЯ,
МУЗЕЙНЫЕ КОПИИ;

ДАЕТ КОНСУЛЬТАЦИИ
музеям, дворцам культуры и другим организациям по сюжетной и композиционной разработке экспозиций.

В ХУДОЖЕСТВЕННЫХ САЛОНАХ ИМЕЕТСЯ БОЛЬШОЙ ВЫБОР КАРТИН:
ЖАНР, ПЕЙЗАЖИ
И НАТЮРМОРТЫ,
КОПИИ, ПОРТРЕТЫ.

АДРЕСА САЛОНОВ:
Кузнецкий мост, 11, тел. Б 8-73-49;
ул. Горького, 15, корп. «Г», тел. Б 9-66-03;
ул. Горького, 48, тел. Б 1-51-08.
Дирекция комбината: ул. Горького, 48, тел. Д 0-51-25.

Copyrighted material

Copyrighted material